

Александр Шубин

Вожди и заговорщики.

Внутриполитическая борьба в СССР в 20–30–е гг

Загадка вождей

Разразившийся в 30–е гг. массовый террор кажется одним из наиболее иррациональных событий современной истории. Это событие неразрывно связано с именем Иосифа Сталина, и иногда кажется, что все дело в злой воле лидера ВКП(б). «В конечном счете весь характер террора определялся личными и политическим побуждениями Сталина»¹, — пишет Р. Конквест. Однако личные склонности Сталина демонстрировали в 20–е гг. скорее умеренность. По словам того же Р. Конквеста «небывалым в истории способом, Сталин вел свой „государственный переворот по чайной ложке“ и дошел до величайшей бойни, все еще производя впечатление некоторой умеренности»². Все это может восприниматься как результат дьявольского расчета Сталина. Традиция, которая вытекает из доклада Н. Хрущева XX съезду КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях» представляет уничтоженных Сталиным большевиков невинными жертвами его маниакального властолюбия и (в либеральной интерпретации) тоталитарного режима. Зачем же было нужно убивать сотни тысяч людей, среди которых большинство искренне были привержены коммунистической партии? Если Сталин был «маньяком», почему его действия поддерживали «соратники», массы восторженных сторонников? Массовое помутнение рассудка, гипноз? Не слишком ли это мистическая версия?

Однако возможно и другое объяснение — Сталин был не гениальным стратегом, способным предусмотреть все повороты истории на десятилетия вперед, а талантливым тактиком. В каждый конкретный момент он точно оценивал соотношение сил и был готов применить наиболее эффективные методы без оглядки на сантименты. Сталин был совершенным инструментом тоталитаризма. В условиях тоталитарного режима более действенного средства, чем террор, нельзя было и придумать. Загадка уничтожения сотен тысяч людей — не столько в особенностях сталинской психики, сколько в задачах, которые решала правящая группа — совершенный инструмент системы. Ситуация 30–х гг. могла поставить перед системой две основные задачи: устранение элиты, саботирующей преобразования и представлявшей потенциальную опасность системе³, или (и) разгром реально складывающегося заговора с целью устранения вождя и изменения курса⁴.

¹ Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. С.97.

² Там же, С.113.

³ К этому склоняется ряд современных авторов. См. Боффа Д. Ук. соч.; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930–е гг. М., 1996; Шубин А. В. Российская революция и большевистская диктатура. // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996; Суворов В. Очищение. М., 1998.

⁴ Такая возможность рассматривается в ряде современных работ: Роговин В. 1937. М., 1996; Шубин А. 1937 год: загадка Большого террора. Антисталинский заговор действительно существовал? // «Солидарность» 1997, № 13; Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893–1937. М., 1997; Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

Заговор? Да это сталинистская постановка вопроса! Ну почему же? Если бы декабристов разоблачили до открытого выступления на Сенатской площади (а к этому были предпосылки), мы бы тоже спорили — а был ли заговор? Но вряд ли утверждение о том, что группа дворян готовила свержение самодержавия, можно считать реакционной мыслью. Все зависит от точки зрения. Если Ваши симпатии на стороне самодержавия, вы осуждаете декабристов. Если Вы — противник сталинизма, то почему Вас должно огорчать, что кто — то сопротивлялся Сталину. Огорчать должна неудача сопротивления, а не факт его существования.

Заговор? Не может быть! Типичное возражение: архивы открыты, и ничто в них не говорит о стремлении элиты к свержению Сталина. Позвольте, но ведь о заговоре вопиют воспоминания современников, декларации партийных диссидентов и, наконец, материалы самих процессов. Но ведь как мы знаем, обвинения фабриковались. Юридическая процедура сталинского следствия и суда не выдерживает критики. Об этом еще Хрущев говорил. Да, не выдерживает. Но это еще не значит, что ложно обвиненные во вредительстве и шпионаже люди вообще не занимались оппозиционной работой, не имели оппозиционных взглядов и не собирались в случае устранения Сталина проводить иной курс.

Тут пролегал водораздел между юридическим и историческим подходами к событиям. Нарушение следственной процедуры в деле царевича Алексея не позволяет нам считать, что он не представлял угрозы для реформ Петра. Для них были опасны и разговоры в окружении наследника престола. История знает немало таких примеров. Разговоры о политике в тени авторитарных режимов — начало их конца. Из дворянских кружков вырос декабризм. Из интеллигентских кружков выросли партии, придавшие организованность движению против царизма в начале века. Сначала в них входили десятки людей, но стоило разразиться острому социальному кризису — и за ними пошли миллионы. Эти события происходили на глазах Сталина, его друзей и врагов. И только во второй половине XX века, когда эту историю занесло илом мифов, свержение Сталина стало казаться невероятным. Что же, в этом тоже была история — именно в это время в номенклатуре снова шло брожение, а в обществе формировались новые кружки, которые в условиях кризиса 80–90-х гг. превратятся в мощные движения и покончат с коммунистическим режимом.

Да, обвинения фабриковались. Но фабриковались ли они целиком? Были ли обвиняемые на сталинских процессах «невинными ангцами», или они действительно сопротивлялись сталинскому курсу, готовились при благоприятном случае повернуть руль страны? И если да, то куда повернуть?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что это были за люди, чем они занимались до того, как грянули 30-е годы. В чем была суть разногласий, которые сделали врагами победителей в гражданской войне? Что в действительности думал Сталин о своих противниках и они о нем? Какова была логика борьбы в партии и вокруг нее? Почему она привела к бойне 1937–1938 гг.? Можно ли было свернуть с этой дорожки, и куда бы привела другая? Как вожди революции, вожди партии сели на скамью подсудимых в качестве заговорщиков? Является ли Вождь этой партии первейшим заговорщиком против нее?

Чтобы понять, почему вожди большевиков так погибли, нужно понять, ради чего они жили. О чем они спорили? В чем видели смысл своей жизни? Чем могли пожертвовать, а чем нет?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется внимательнее всмотреться в двадцатые годы. Только что закончилась революция и гражданская война. Большевики победили. Но нет радости на лицах. До настоящей победы еще далеко. Идет 1922 год...

Глава I Стратегия Ленина Итоги революции

В 1922 г. Россия вступала в новый период своей истории. Закончилась Великая Российская Революция и гражданская война. За короткий в историческом масштабе срок страна неузнаваемо изменилась. Царскую символику вытеснили красные флаги и звезды, аристократов в кабинетах сменили относительно молодые люди в кожанках, общественная атмосфера веяла духом перемен, устремленности в будущее, неповторимости происходящего — страна Советов впервые в мире пробивала дорогу к социализму — неведомому светлому будущему человечества.

Но сквозь новые названия и формы неумолимо проступала старая тысячелетняя Россия. Авторитарной осталась власть, и непривычный для самодержавной старины вид обитателей Кремля не мешал обывателям рассуждать о том, что царь теперь — Ленин, Троцкий — главный генерал, а председатель Московского Совета Леонид Каменев — это вроде столичного генерал — губернатора. Он же — и член Политбюро, по старому — Великий князь. Разговоры эти велись вполголоса, потому что новые власти не любили, когда их сравнивают со старыми, а общество теперь было пронизано структурами коммунистических организаций — Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), Всероссийского коммунистического союза молодежи (комсомола, ВЛКСМ), профсоюзов. Миллионы их членов активно поддерживали новый режим, вступали в спор с недовольными и могли донести во всемогущие репрессивные органы — ЧК, теперь переименованные в Объединенное Главное Политическое Управление (ОГПУ). Раньше это называлось охранка. Оппозиционные партии были разгромлены, а интеллигенция (специалисты или сокращенно — спецы) продолжала вести политические беседы в частном порядке, как до революции. Не изменился и сельский характер страны, большинство ее населения по — прежнему было одето в крестьянский кафтан. Одеть миллионы жителей России во что — то другое было нельзя — промышленность еще только начала возрождаться от разрушений, нанесенных войной, международной блокадой и, как осторожно поговаривали, неразумной политикой новой власти.

Так чего же было больше в России в 1922 г. по сравнению с дореволюционными временами — нового или старого? Из — за гражданской войны и сопровождавшего ее террора революция смогла выполнить лишь часть своих задач. Она начиналась под лозунгами хлеба (социальной обеспеченности трудящихся), земли, политической и социальной свободы («воли»), народовластия (демократии). Революция несла новый мир, в котором человек будет свободным, активным работником, действующим не по чужому приказу, не из — под палки, а в соответствии со своей волей, способностями и склонностями в братской взаимопомощи с другими работниками. Это будущее общество свободы, народовластия и благосостояния называли социализмом. В 1917 г. революционные массы несли лозунги: «Фабрики — рабочим!», «Земля — крестьянам!», «Мир — народам!». Но мира не получилось — спровоцированная большевистским переворотом затяжная гражданская война удвоила срок

кровапролития и военных тягот по сравнению с испытаниями мировой войны. Страна была разорена дотла. Ожесточению борьбы немало способствовал большевистский социальный эксперимент, попытка единым рывком с помощью твердой диктатуры достичь нового общества, в котором человеческий эгоизм сменится альтруизмом, где все подчиняется единой воле, единому плану без товарно — денежных, рыночных отношений. Страна не приняла этой попытки несмотря на террор и настойчивость многомиллионной массы сторонников коммунистической идеи. Крестьяне не желали отдавать хлеб по продовольственной разверстке (налогу, иногда превосходящему возможности хозяйства), поднимали восстания, не сеяли хлеб. Даже собранное продовольствие уходило на прокорм колоссальной армии и бюрократического аппарата. Рабочий класс, считавшийся опорой режима, голодал и поднимался на выступления против большевистской власти⁵.

Большевикам пришлось отступить. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) по предложению Ленина провозгласил переход от продовольственной разверстки к фиксированному продовольственному налогу. Несмотря на то, что продовольственный налог тоже был тяжел, новая модель «смычки» с крестьянством стимулировала сельскохозяйственное производство, так как излишки оставались в руках крестьян и могли продаваться на рынке. Таким образом, отменялась распределительная монополия государства и началось восстановление рыночных отношений. Это решение стало первым шагом к отмене «военного коммунизма» и переходе к новому, рыночному курсу, получившему название «новая экономическая политика» (НЭП).

На протяжении марта — мая 1921 г. большевики уступили почти всем экономическим требованиям народных восстаний, поставивших однопартийную диктатуру на грань катастрофы. Была разрешена не только торговля, но и частное предпринимательство. В частные руки перешли сотни предприятий легкой и пищевой промышленности, большая часть торговли. Новых предпринимателей стали называть «нэпманами» (по названию НЭПа). Коммунисты воспринимали это как отступление перед буржуазией, которое могло окончиться полной победой капитализма. Но многие из них, устав от напряженной борьбы с человеческими «предрассудками», стали обустривать свою жизнь вместе со всей страной. Для других коммунистов это было мещанским перерождением и торжеством «буржуазного» эгоизма.

В то же время государство продолжало удерживать «ключевые высоты» экономики — большую часть тяжелой промышленности и транспорт. Но и государственные предприятия переходили на рыночные отношения. Они объединялись в самокупаемые тресты, которые должны были реализовывать свою продукцию на рынке. Отсутствие жесткой границы между частной и государственной собственностью создавало широкие возможности для коррупции — ситуация, типичная для бюрократического капитализма. Экономическое руководство государственными предприятиями как правило было неэффективно, но правительство не давало обанкротиться таким предприятиям, предоставляя им дотации. Получалось, что за счет налогов с крестьян оплачивалась некомпетентность государственной бюрократии и предприимчивость нэпманов.

Государство с помощью налогов регулировало рыночное хозяйство, а с помощью командно — административных методов — оставшуюся в его руках крупную промышленность. «...обыденные представления о безбрежной свободе частного

⁵ Шубин А. В. Российская революция и большевистская диктатура.

предпринимательства в период нэпа не совсем точны. Если отдел губсовнархоза имел право утверждать или не утверждать программу работы частного предприятия (в том числе арендованного), то, следовательно, он держал в своих руках административный рычаг управления частной промышленностью, имел возможность включать в план всей ленинградской индустрии те объемы и ту номенклатуру, которую в виде программы обязан был представлять частный предприниматель»⁶. В городе частные предприятия действовали преимущественно в легкой промышленности, где занимали 11 % рабочих и производили 45 % товаров. В других отраслях частный сектор был представлен гораздо слабее. Сила частного капитала была не в производстве, а в посредничестве, торговле, поскольку государственно — бюрократическое распределение не справлялось с этой задачей. Но внешние формы «буржуазности» были очень заметны. Снова стали работать дорогие рестораны, на улицах появились модно одетые люди, звучала легкая музыка. Но в любой момент накопленные «нэпманами» средства могли быть конфискованы.

Большевики отказались от каких — либо политических уступок обществу. Они понимали, что проиграют открытую политическую борьбу: большинство коммунистов было неграмотно, их цели не разделяло крестьянское большинство страны и большинство ее интеллектуальной элиты. Удерживать власть коммунисты могли лишь в условиях своей монополии на власть, основанной на насилии, подавлении любой открытой оппозиции. Ценой перехода к НЭПу был сохранен авторитарный режим большевизма, но была на время отменена система тоталитарного руководства обществом — всеми сторонами его жизни, включая экономику.

Авторитарный режим был установлен и в партии. Плюрализм запрещен — X съезд по инициативе Ленина запретил фракции и группировки, то есть теперь любой несогласный с позицией ЦК может быть из партии исключен. Отныне у коммунистов могла быть только одна позиция по политическим вопросам. Большевики еще считают, что резолюция временная, на период острого кризиса. Кризис прошел — и на XI съезде партии почти половина делегатов голосовала против исключения из РКП(б) активистов бывшей «рабочей оппозиции», посмеявшихся жаловаться на свою партию в Коминтерн. Обвинения были тем более тяжкими, поскольку справедливыми: развернулась борьба руководства «против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение»⁷.

Большевики привыкли спорить, и дискуссии продолжались в партии все 20–е гг. Но активные участники таких дискуссий обвинялись партийным руководством во «фракционности» и лишались постов, понижались в должностях, теряли влияние на политический курс правящей элиты. В то же время давление на партию извне, различие характеров, опыта, культурного уровня, одним словом — неоднородность правящего класса и его партии, не могло не породить разногласий, формирования в партии течений, оформления их во фракции.

НЭП стал наименованием нового периода в жизни России и той социальной модели, в соответствии с которой было устроено новое общество. В этом обществе не было даже относительной политической свободы, не говоря о демократии. Фабрики принадлежали не рабочим, а государству. Было выполнено только одно требование, с

⁶ В. И. Секушин Отторжение. НЭП и командно — административная система. Ленинград. 1990. С. 24.

⁷ РГАСПИ, Ф.17, Оп. 71, Д.4, Л.3.

которым жители России поднимались против империи и сражались на фронтах гражданской войны. Крестьяне получили землю и теперь, после отмены продовольственной разверстки, могли пользоваться новыми наделами и плодами своего труда на земле. В 1922 г. права крестьян на землю были закреплены законом (формально земля числилась государственной, но крестьяне получили ее в бессрочное владение), а хороший урожай, выращенный поверившими новой власти крестьянами, позволил улучшить экономическое положение страны.

Тем не менее незавершенность революции, невыполнение ее демократических и социальных задач, имело тяжелые последствия. Авторитарный характер режима создавал идеальные возможности для произвола бюрократии — правящего класса, наспех сформированного из самых разных слоев общества, как правило из представителей низов, часто потерявших связь со своей социальной средой, маргинализировавшихся, получивших опыт жестокой войны и кровавого террора, но не ставших от этого компетентными в области хозяйственного строительства. Революция создала уникальные возможности для вертикальной социальной мобильности — быстрого выдвижения людей из низов в верхи. Это обеспечило делу большевизма массовую поддержку несмотря на тяжелое положение рабочих и крестьян — ведь миллионы бывших рабочих и крестьян стали теперь начальниками. Во многих семьях кто — то из родственников «выбился в люди». Но это могло сыграть с большевиками злую шутку. Партия и правящий класс находился под постоянным давлением самых разных социальных слоев, но не имели достаточного количества компетентных кадров, чтобы решить все многочисленные проблемы, возникающие в обществе. При этом отсутствие демократии не позволяло разделить ответственность за происходящее с другими общественными силами — большевистская партия отвечала за все. Сегодня, когда мы знаем, что власть коммунистической партии продержалась семь десятилетий, и коммунистическая бюрократия в конце столетия благополучно конвертировала свою власть в собственность, продолжая занимать почетное место в современно российском обществе, нам трудно понять серьезность опасений большевиков 20-х гг. Но для миллионов людей большевики были ответственны за страшные преступления в период гражданской войны и гибель сотен тысяч людей (а у них остались друзья и родственники), за все, что происходило потом, и при неблагоприятном развитии событий месть этих миллионов могла быть страшна. Авторитаризм в обществе, только что прошедшем через революцию не столько опирается на консервативную традицию и апатию масс, сколько сдерживает их — привыкших участвовать в истории, творить судьбу страны. Также, как для большевиков НЭП был передышкой в наступлении на капитализм, так и для миллионов недовольных итогами революции НЭП был передышкой в борьбе с тираническим, незаконным, ведущим страну к новым бедствиям большевистским режимом.

Эти недовольные были во всех слоях общества. Крестьяне были рады возможности разделить помещичьи земли, но, строго говоря, этому они были обязаны не только большевикам, но всем социалистическим партиям, и прежде всего эсерам, чью программу ликвидации помещичьего землевладения большевики выполняли. Но если эсеры стремились закрепить крестьянское право на землю авторитетом закона, принятого Учредительным собранием, то большевики увязали право на землю с произволом своей власти. Сегодня дали, завтра забрали. Это создавало обстановку неуверенности. Не были забыты старые обиды, когда красные расстреливали крестьян

тысячами. Да и новые представители власти на селе множили эти обиды, творя произвол, не уважая общинные традиции.

Недовольство бродило и по рабочим цехам. Слишком велики были обещания рабочему классу, чтобы быть выполненными. В условиях разрухи положение рабочих первоначально было вдвое — впятеро хуже, чем до войны и революции. Росла безработица. Недовольство рабочих было особенно опасным, потому что именно оно было способно поколебать стабильность власти в столицах. Ведь именно голодные рабочие стали детонатором революционного взрыва, разрушившего Российскую империю в 1917 г.

Недовольна была и интеллигенция. Отсутствие политических свобод ограничивало ее право мыслить и обмениваться взглядами, что для интеллигенции является способом существования, как для остальных людей — дыхание. Интеллигенция, не выбившаяся в начальство или в ряды «своих», привилегированных деятелей науки и культуры, была низведена до положения «спецов». «Спец» — представитель буржуазного класса, которого терпят и привлекают к работе из — за его знаний, но которому не доверяют, которого не допускают к реальному принятию решений. Решения принимает менее компетентный и как правило вовсе некультурный руководитель. Это унижительное положение интеллигенции ограничивало не только ее собственные права, но и способность власти принимать компетентные решения. При этом недовольство интеллигенции было крайне опасно для режима, ибо она поставляла миллионы пропагандистов, способных изменить мнение целых классов.

Маргинальная, деклассированная масса, неимоверно расширившаяся в годы потрясений 1914–1922 гг., поддерживавшая в значительной своей части большевиков, теперь тоже была недовольна. НЭП уменьшил привилегии «бедноты», которая прежде получала свои «пайки» и могла командовать селом от имени власти рабочих и крестьян. Демобилизовывались миллионы солдат, которые уже много лет только воевали и разучились делать что — то еще и думать о сиюминутной жизни своей головой, без приказа. Теперь нужно было искать работу, а в условиях сокращения полномочий государства и бюрократического аппарата руководящей работы на всех не хватало.

Они привыкли распоряжаться, чувствовать себя у власти, а власть воспринимать своей. А теперь все увереннее действовали «нэпманы» — предприниматели, восстанавливавшие дореволюционный стиль жизни обеспеченных классов. И беднота задавалась вопросам «За что боролись!». Ведь это реставрация капитализма.

Миллионы вооруженных, часто именным оружием, людей были готовы броситься в новые сражения с буржуазным перерождением, нэпманами и поддерживавшими их бюрократами.

Ощущение недоделанности революционных задач, неясной перспективы, незаконности и временности существующего, недовольство каждого своим — все это накладывалось на ожидание вторжения извне. Ведь миллионы соотечественников, в том числе отступившие, но не уничтоженные белогвардейцы, мечтали вернуться в Россию при поддержке капиталистов всего мира. Несмотря на то, что в 1922 г. прошли переговоры со странами Запада в Генуе и был заключен договор с Германией, Россия все же оставалась изгоем мировой политики и могла рассчитывать только на свои силы. Она по — прежнему ощущала себя «осажденной крепостью».

Но, несмотря на все эти беды, жизнь налаживалась. И было видно, что Российская революция проявила не только разрушительную, но и созидательную мощь. Как часто

бывает в истории, минусы были неотделимы от плюсов.

Модель НЭПа, как казалось, должна была уравновесить разные интересы, преодолеть образовавшиеся противоречия и вывести страну к решению важнейшей задачи: создания индустриального общества, регулируемого из единого центра — как виделся марксистам — ленинцам социализм.

Но и без этого Российская революция чудовищной ценой уже привела страну к невероятному прорыву в будущее. В условиях преобладания аграрного общества Россия первой в мире создала систему государственно — монополистического регулирования индустриального хозяйства, которую только десятилетие спустя, и учитывая российский опыт, воспримут такие развитые страны, как США и Германия. Россия стала опытным полигоном последующих реформ Рузвельта, Гитлера, Муссолини, Народного фронта во Франции и др. НЭП стал первой системой государственного регулирования индустриально — аграрной экономики в условиях мирного времени (до этого такое регулирование в Европе вводилось только в условиях войны). Однако варианты этого пути развития, как оказалось — магистрального в XX веке — могли быть разные (достаточно сравнить модели Гитлера и Рузвельта). Итоги Российской революции, победа в ней большевиков, во многом сузила спектр возможных альтернатив развития страны.

То, что возникшая в аграрно — индустриальной России модель опередила социальные достижения индустриальных стран, определило неустойчивость и противоречивость НЭПа. Либо государственно — регулируемая индустриальная экономика должна была форсированно (а значит неорганично и разрушительно) преобразовать по своему подобию аграрный сектор общества, либо должен был произойти переход к более плюралистичной системе, в которой темпы индустриального развития определяются требованиями и возможностями аграрного развития.

Уменьшилось болезненное расслоение крестьян. Бедняки получили землю или ушли «в начальство». Преобладающей фигурой на селе стал середняк, то есть крестьянин, кормящийся преимущественно своим трудом. Кулачество сохранялось, но было ослаблено давлением власти, стремившейся предотвратить образование сельской буржуазии. Общество стало более однородным, социально равноправным, мобильным. Вместе с некомпетентными массами в правящую элиту пришли и талантливые организаторы. Планы индустриального строительства, смелые идеи новых правителей встречали горячую поддержку у многих специалистов независимо от их политической принадлежности. Страна вступала в индустриальную эпоху, переустройство общества на рациональных индустриальных основах требовало миллионов рационально мыслящих людей, превращения бюрократии в технократию, то есть слияния государственного и производственного управления. Интеллигенция была готова влиться в ряды этой технократии, укрепить собой нижние этажи бюрократического класса и заняться конкретным воплощением в жизнь пока еще туманных планов большевистской олигархии. Так формировалась трехзвенная структура правящего класса: идеологическая верхушка (олигархия), определяющая стратегию развития, управляющая партийно — государственная бюрократия, формирующаяся технократия (специалисты, советники, низовые управленцы). Спецы конкурировали с маргинальной массой, также заполнявшей нижние и средние этажи управления со времен гражданской войны. Неграмотность «своих», коммунистических кадров приводила к острому кадровому дефициту в среднем бюрократическом звене. Не

каждому можно было доверить дело — этот бывший враг, а тот не справится из — за недостатка знаний. А некомпетентные, но проверенные чиновники не считали, что не справятся с работой в большем масштабе, а снизу «напирали» растущие партийные массы начинающих карьеристов, выжидавших во время гражданской войны — кто победит. Победитель определился, и можно было вступать в партию и добиваться своего места под солнцем.

В 1922 г. все было еще очень неустойчиво, социальные силы были еще далеки от равновесия, давление на правящую элиту с разных сторон было колоссальным, а сама эта элита формировалась на глазах, была разнородной и смутно представлявшей себе перспективы развития, собственные интересы и цели. В этих условиях и развернулась драма идейно — политической борьбы в правящей коммунистической партии, которая стала переплетением социальных конфликтов, психологических противоречий, столкновением выстраданных идей. Запущенный революцией, этот процесс был далек от остановки.

Образование СССР и «грузинский инцидент»

После завершения революции ее итоги должны были быть оформлены в новые государственные формы. Необходимо было создать единую систему государственной власти на месте разнородных республик, образовавшихся в ходе революции и затем захваченных коммунистами.

Долгое время большевистским вождям было просто не до этого. Революция меняла ситуацию с такой калейдоскопической быстротой, что не было смысла оформлять что — то «на века». Но теперь, когда ее магма застывала, следовало разобраться — что образовалось на месте Российской империи. У большевиков был твердый ответ — «советские республики». Не важно, что Советы — лишь ширма РКП(б), которой подчиняются остальные компартии. Формально, для привлечения на сторону большевиков широких масс, приверженных идеям национальной самостоятельности — существовали «независимые» от России республики (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм, Дальний восток). Эта «игра в независимость» могла продолжаться, пока шла война со всем буржуазным миром. Но вот мир предложил мир — Россию пригласили на экономическую конференцию в Генуе. И встал вопрос — может ли Российская делегация представлять другие советские республики, которые никто приглашать не стал, в силу их очевидного для мира марионеточного характера. В январе 1922 г. Нарком иностранных дел Г. Чичерин запросил ЦК — как быть?

Так оформление новой государственности встало в повестку дня как рутинный тактический вопрос. Чичерин и ряд других большевиков считали необходимым просто включить другие советские республики в РСФСР — Россия как федерация была рассчитана на включение «автономий» в свой состав. Недавно назначенный Генеральный секретарь ЦК И. Сталин, по совместительству нарком по делам национальностей, возражал — не надо торопиться. В Геную можно ехать, получив формальные решения республиканских наркоматов иностранных дел о том, что Россия может представлять интересы всех республик. Но по сути, да, нужно со временем включить все советские республики на правах автономий — обеспечив им самостоятельность в вопросах культуры и языка и ликвидировав «игру в независимость», к которой руководители национальных республик (как их называли «националы») стали относиться слишком серьезно. Эти игры не должны были

препятствовать организации всего советского хозяйства как единой централизованной машины — мечта последователей Маркса. Ведь если на местах будет своя хозяйственная политика, а в Москве своя — то такая машина работать не сможет. В то же время стирание национально — государственных образований вызвало бы недовольство населения окраин, так как свежи были воспоминания о национальном угнетении в Российской империи.

В августе Сталин составил проект решений по взаимоотношениям России и других советских республик, который предусматривал «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР»⁸ (вопрос о Средней Азии и Дальнем востоке на время был оставлен стороне из — за дипломатических сложностей). На вступающие республики распространялась компетенция высших органов власти РСФСР и наиболее важных российских наркоматов. Это позволяло при некоторой автономии республик обеспечить главное для Сталина: «организации на деле единого хозяйственного организма на объединенной территории Советских республик с руководящим центром в Москве»⁹.

Точка зрения Сталина была компромиссом между позицией Г. Зиновьева, который считал, что честнее было бы создать единое унитарное государство, и Х. Раковского, который, представляя украинское руководство, выступал за фактическую конфедерацию советских республик. Сталин любил выглядеть творцом компромиссов. Но на этот раз выступить в такой роли ему не дал Ленин. В конце сентября он подверг критике сталинский проект.

В чем была суть разногласий? Для Сталина было принципиально важным наилучшим образом организовать то, что уже было завоевано коммунистами. А для этого нужно было преодолеть хаос в отношениях между регионами, проистекающий из бесконечных согласований между инстанциями разных республик. В письме к Ленину он возмущался «социал — независимцами», которые рассматривают вмешательство центра «как обман и лицемерие со стороны Москвы». Сталин предлагал замену «фиктивной независимости настоящей внутренней автономией...»¹⁰. Ленин считал, что «Сталин немного имеет устремление торопиться»¹¹. То есть направление его действий правильное. Но он не учитывает в достаточной степени национальных предрассудков. И главное — не все еще завоевано. Если советской станет Германия (а на это большевики всерьез рассчитывали до конца 1923 г.), то она не сможет войти в состав России. Германия — не Россия. Очень рассчитывал Ленин на подъем революционного движения в странах Азии. Угнетенным народам нужно показать, что советская власть несовместима с национальным угнетением, что новые советские страны не будут захвачены Россией, а войдут в добровольный союз.

Переговорив по этому поводу, Ленин и Сталин быстро нашли решение, и

⁸ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М., 1992. С.103.

⁹ Там же, С.104.

¹⁰ Там же, С.108–109.

¹¹ Там же, С.111.

формула Сталина была изменена: «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии»¹². После этого Сталин об «автономизации» не упоминал. Казалось, вопрос был исчерпан. Но уже после этой беседы в отношениях Ленина и Сталина что — то было не так. Ленин трактовал новую формулу как «уступку» Сталина, будто речь шла не о согласовании решения в рабочем порядке, а о борьбе с политическим противником. За тактическим разногласием уже чувствовался более глубокий конфликт.

Сталин парировал и обвинение в торопливости, уличив Ленина в стремлении слишком быстро объединять наркоматы республик. Эта «„торопливость“ даст пищу „независимцам“ в ущерб национальному либерализму т. Ленина»¹³. Неучтивые возражения Сталина рассердили Ленина. «Ильич собрался на войну в защиту независимости... Отказался даже от вчерашних поправок»¹⁴, — тут же просигнализировал Сталину Каменев (видимо, он же пересказал Сталину обидные слова Ленина о торопливости, которые Генсек тут же вернул вождю). Сталин предпочел уступить Ленину — в конце концов, главное, что партийная структура РКП(б) оставалась централизованной. После образования союза республик РКП(б) была переименована во Всесоюзную — ВКП(б), а отдельную партию для России создавать не стали. Так что национальные партии остались автономными образованиями в составе ВКП(б). На деле власть была построена в соответствии с идеей «автономизации», но формально — полностью в соответствии с предложениями Ленина. Сталин и возглавляемая им комиссия ЦК переработали резолюцию в соответствии с ленинскими предложениями, и она была принята на пленуме ЦК 6 октября. Однако на пленуме произошли бурные споры — делегаты обвиняли друг друга в национализме. Особенно сильной атаке подверглись лидеры Коммунистической партии (большевиков) Грузии (КП(б)Г) во главе с Буду Мдивани. Дело в том, что Грузия наряду с Азербайджаном и Арменией была включена в Федеративный союз (с декабря он стал называться Закавказская советская федеративная социалистическая республика (ЗСФСР)). Это объединение в Грузии вызвало недовольство — ЗСФСР называли лишней надстройкой, в которой не учитываются национальные особенности народов Кавказа. ЦК КП(б)Г выступал за независимость от ЗСФСР. Дело было и в том, что КП(б)Г оказалась под управлением Закавказского бюро ЦК РКП(б), во главе которого стоял Серго Орджоникидзе — человек вспыльчивый и грубоватый, но пользовавшийся безусловной поддержкой своего друга Сталина. Отношения между Серго и его соотечественниками — старыми большевиками, становились невыносимыми. Грузины выступили за включение Грузии в Союз напрямую, безо всякой ЗСФСР и без руководства Орджоникидзе. 19 октября, когда Орджоникидзе докладывал итоги пленума на бюро Тифлисского горкома партии, разразился скандал. Члены ЦК КП(б)Г вступили в спор с Орджоникидзе, он начал с ними ругаться, а на следующий день стал снимать строптивых лидеров с постов. «Самодурству Орджоникидзе нет никакого предела... Стало уже невоготу

¹² Там же, С.111.

¹³ Там же, С.113.

¹⁴ Там же, С.114.

жить и работать при его держимордовском режиме»¹⁵, — жаловались члены ЦК КП(б)Г в Москву. В разгар ссоры член ЦК КП(б)Г А. Кабахидзе назвал Орджоникидзе «сталинским ишаком», а тот в ответ ударил его по лицу. 22 октября большинство членов ЦК КП(б)Г подало в отставку в знак протеста. Скандал пришлось разбирать ЦК. Отставники утверждали, что если не отнестись к национальным чувствам грузин с должным вниманием, то может произойти восстание — население и так было недовольно преобразованиями по российским образцам. «Не беспокойся, никакого восстания не будет...»¹⁶ — успокаивал Орджоникидзе Ленина. Самонадеянность Закавказского лидера оказалась неоправданной — в августе 1924 г. в Грузии действительно произошло восстание. Ленин, который в октябре 1922 г. был болен, пока не вмешивался в конфликт, а Сталин назначил в Грузию комиссию во главе с Дзержинским, который поддержал старого друга Орджоникидзе.

Возможно, Сталин не придавал бы грузинскому делу большого значения, если бы все кончилось выводами комиссии. Но для него грузинское дело стало настоящим проклятием...

А пока Сталин был триумфатором. При больном Ленине именно Сталин стал архитектором нового Союза. Его комиссия готовила основные документы Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Сталин выступал на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г., представляя Декларацию об образовании Союза и Договор между республиками. В речи Сталина Россия была поставлена на особое, почетное место: «Сегодняшний день является днем торжества новой России..., превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики».¹⁷ От Российской — к мировой республике. В Декларацию, принятую съездом, Сталин записал мотивы, которыми он руководствовался в споре с Лениным: «Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик»¹⁸. К подписанию договора допустили РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР. В состав РСФСР и ЗСФСР вошло несколько автономных республик, некоторые из которых потом были преобразованы в союзные республики.

В день, когда Сталин закладывал основы СССР и наслаждался триумфом, тяжело больной Ленин начал диктовать убийственную для Сталина статью «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». Эта статья стала частью так называемого «Завещания» Ленина.

«Завещание»?

«Завещание» — название, которое было дано этим статьям не Лениным. Его придумали уже после смерти вождя большевиков. Это название делает многие статьи

¹⁵ Там же, С.127.

¹⁶ Там же, С.133.

¹⁷ Сталин И. В. Собр. соч. Т. 5. С.158.

¹⁸ Там же, С.394.

загадочными, ленинская «последняя воля» иногда выглядит крайне наивной — не по — ленински наивной. Название «Завещание» возникло, во — первых, потому, что через год Ленин умер, во — вторых — потому что в последних статьях он обратился к стратегическим вопросам, и в — третьих, потому что он дал личные характеристики и кадровые предложения, влиявшие на определение его «наследника». В связи с этим возникают вопросы: собирался ли Ленин умирать в ближайшее время, кого считал «наследником» и почему не занимался осмыслением стратегии большевизма в предыдущие несколько лет?

Ответ на последний вопрос наиболее очевиден. Создав сверхцентрализованную авторитарную политическую систему, вожди большевизма, и прежде всего Ленин, перегрузили себя тысячами самых разнообразных вопросов. Ленину лично пришлось решать, как расчищать занесенную снегом железную дорогу и куда в первую очередь доставлять оружие, как карать за злоупотребления коммунистов и за инакомыслие — интеллигентов, куда направлять большевистские кадры и как агитировать за мировую революцию американских рабочих. 23 февраля 1921 г. Ленин активно участвовал в 40 заседаниях и принял 68 человек. 18 мая под руководством Ленина на Политбюро обсуждается Генуэзская конференция, сбор продовольственного налога, состав руководства двух наркоматов, борьба с Энвер — пашой и басмачами. В тот же день Ленин успел раскритиковать «политически вредные» статьи в «Сельскохозяйственной жизни» и обсудить проблемы Наркомата труда. На следующий день неутомимый Ленин был занят развитием радиотехники. Понятно, что при такой занятости было не до того, чтобы отстраниться от текучки, взглянуть на поле боя сверху. Да и обстановка революции была столь переменчива, что не давала выстроить долгосрочную стратегию. В 1922 г. ситуация в стране стала стабилизироваться, а здоровье Ленина — ухудшаться. 23 мая Ленин уехал в отпуск в Горки. Тут бы и осмыслить происходящее. Но через два дня у него начался первый приступ болезни — частичный паралич правой руки и ноги, нарушения речи. Положение было настолько тяжелым, что Ленин попросил у Сталина яд на случай невыносимых мучений. Посоветовавшись в Политбюро, Сталин отказал. Но в середине июня состояние здоровья Ленина улучшилось, появилась надежда, что болезнь не является смертельной. 2 октября Ленин вернулся к работе, хотя трудился уже не с той интенсивностью. Но постепенно Ленин втянулся в прежнюю текучку. 25 ноября врачи предписали ему абсолютный отдых. Безуспешно. Только 7 декабря, после заседания Политбюро переутомленный Ленин уехал в Горки, но 12 декабря вернулся. 13–16 декабря последовали три приступа болезни. 18 декабря пленум ЦК возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение Лениным режима покоя. Почему на Сталина? Потому что именно он был известен способностью проводить в жизнь принятые решения. Другие вожди отличались меньшей пунктуальностью. Между тем личные отношения Ленина и Сталина портились, и настойчивая изоляция Ленина Сталиным от «беспокоящих» новостей только способствовала этому.

Болезнь прогрессировала. В ночь на 23 декабря наступил паралич правой части тела. Чем болел Ленин? Уже с середины 1921 г. он испытывал переутомление. В 1922–1923 гг. приступы чередовались с улучшениями. Врачи, собравшиеся со всей Европы, долго не могли определить, в чем дело. Проанализировав медицинские материалы, связанные с болезнью Ленина, Ю. М. Лопухин приходит к выводу: «у Ленина было

тяжелое поражение мозговых сосудов, особенно системы левой сонной артерии»¹⁹, вызванная деформациями от пули, находившейся в теле после покушения 1918 г. В результате течение болезни было крайне нетипичным, и не только Ленин, но и врачи не знали точно, чем он болен, и является ли болезнь смертельной. Врач Ф. Гетье говорил Троцкому, что в случае выздоровления «увеличится утомляемость, не будет прежней чистоты работы, но виртуоз останется виртуозом»²⁰. Что же, руководить правительством уже не удастся, но быть стратегом партии — вполне.

Ленину было всего 52 года. Марксу было столько в 1870 г., и после этого он под влиянием Парижской коммуны и борьбы с Бакуниным написал работы, которые заставили Ленина первый раз пересмотреть свой взгляд на социализм в работе «Государство и революция». Судьба последователей Ленина тоже подтверждает, что 52 года — возраст расцвета для политика. Сталину было 52 года в 1930 г. Впереди были события, которые сформировали образ Сталина в истории. То же можно казать о таких учениках Ленина, как Мао Цзедун, Дэн Сяопин и Горбачев. Была и другая точка зрения. Ленин в разговорах вспоминал о Поле и Лауре Лафаргах — социал — демократических вождях, которые решили покончить с собой в 60 лет, чтобы не дряхлеть. Ленин не одобрял этого шага. Но и до 60 лет ему было далеко.

Положение резко ухудшилось после приступа 10 марта, лишившего Ленина речи. Но статьи он писал до мартовского приступа, когда надежд на выздоровление было больше. Работа давалась Ленину не легко, но он не мог не работать, не участвовать в политической жизни. «Писать он не мог, правая рука была парализована, мог только диктовать, а к этому он не был привычен. Его смущало, что он по долгу ищет нужные ему слова, нужные формулировки мысли, а в это время машинистка молча томится бездействием и ждет от него полчаса, а иногда и более, продолжения фразы. Чтобы его не смущало присутствие машинистки, ее посадили в комнату рядом с Лениным, провели туда нечто вроде телефона, и с его помощью Ленин мог, уже не спеша, диктовать свои статьи. Составление этих статей, требуя от него большого умственного напряжения, сопровождалось страшными головными болями»²¹ — сообщает информированный наблюдатель Н. Валентинов. Однако и в середине 1923 г. Ленин не терял надежды вернуться к политической жизни. В июле 1923 г. состояние его здоровья улучшилось. 18 октября Ленин вернулся в Кремль и искал там какие — то бумаги. В январе 1924 г. Крупская читала ему резолюции XIII партийной конференции.

Попробуем прочитать последние статьи Ленина без гипнотического наименования «Завещание».

Болезнь позволила Ленину отстраниться от текущей работы в Совнарком и попытаться осмыслить происходящее. Он начал осознавать, что результатом революции стало господство не пролетариата и даже не большевистской верхушки, а бюрократии, едва сдерживаемой тонким слоем руководителей. Бюрократия саботирует распоряжения вождей партии, что выводит Ленина из себя. Сначала Ленин собирается разгромить бюрократизм с помощью коммунистов: «Коммунисты должны быть

¹⁹ Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. М., 1997. С.55.

²⁰ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1990. Т.2. С.248.

²¹ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С.80.

инициаторами борьбы с бюрократизмом в своих учреждениях»²². Но вскоре становится ясно, что именно коммунисты становятся стержнем бюрократизма. Ленин чувствовал, что управление страной постепенно ускользает из рук вождей революции. Лидеров, которые продолжали жить идеями, а не заботой о собственном благополучии, оставалось не так много. Для начала Ленин обращает свое внимание к этому слою, к характеристикам членов Политбюро и ЦК.

О друзьях — товарищах

После того, как Ленин вынужден был отойти от дел, реальная власть перешла к олигархическому коллективному руководству членов Политбюро — Льва Троцкого, Леонида Каменева, Григория Зиновьева, Иосифа Сталина, Николая Бухарина, Александра Рыкова и других. Эти люди были выдвинуты на высокие посты лично Лениным. У каждого было свое направление работы. Согласовывать работу должно было Политбюро, но следить за выполнением решений был призван секретариат ЦК. Прежде его работа не отличалась особой упорядоченностью, но положение изменилось, когда в марте 1922 г. XI съездом РКП(б) на только что созданный пост Генерального секретаря ЦК был избран И. Сталин. Осторожный прагматик, талантливый технолог власти, он казался прекрасным исполнителем. Сталина активно поддерживали председатель Совета труда и обороны Л. Каменев — авторитетный руководитель, не отличавшийся, тем не менее, особой силой характера; и лидер петроградской парторганизации, руководитель Коминтерна Г. Зиновьев — яркий оратор, властный и самолюбивый политик. Пользуясь болезнью Ленина, «триумvirат» Сталина, Каменева и Зиновьева постепенно концентрировал власть в своих руках.

Стиль работы «триумвиров» не устраивал председателя Реввоенсовета Л. Троцкого — организатора Красной армии, яркого идеолога мировой революции, жесткого руководителя и острого полемиста. Претензии к Сталину накапливались и у Ленина. Уже «грузинское дело» показало, что между вождем большевизма и его учеником «пробежала кошка». Сталин проявил строптивость, исполнитель стал претендовать на право спорить с самим Лениным. И, что более существенно, Сталин, взяв на себя «текучку», которой прежде занимался Ленин, стал отстранять вождя от реальной власти. До осени 1922 г. Ленина это устраивало, так как Сталин был совершенно лоялен вождю, и, разгрузив его, позволял Ленину сосредоточиться на стратегических проблемах. Но если исполнитель будет вместо проведения в жизнь ленинской стратегии спорить, обижаться, изолировать от информации, то он не годится для такой работы.

23 декабря — 4 января Ленин написал письмо к XII съезду партии. В нем вождь дал характеристики нескольким членам Политбюро и ЦК. Эти строки сообщают о каждом из товарищей вождя что — то обидное, но основной удар приходится по генеральному секретарю ЦК Сталину. Он, «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он достаточно аккуратно пользоваться этой властью»²³. Почему не уверен? «Сталин слишком груб...». Ленину

²² Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С.157.

²³ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.345.

ли критиковать кого — либо за грубость, которая стала визитной карточкой большевизма. Да, пожалуй: «... и этот недостаток, вполне терпимый между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека». Грубость — обычное дело для коммуниста, но для генсека грубиян не годится. Нужен другой человек, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»²⁴ Генсек, исполняющий решения, настаивающий на них, толкующий их в пользу того или иного товарища, в то же время не должен провоцировать конфликты. Немного наивно. Конфликты вытекают не столько из грубости, сколько из характера самих решений, неминуемо кого — то ущемляющих. Без твердости (в частности — сталинской) здесь не обойтись. Но Сталин добавляет еще и грубость. Не годится. И еще капризность, обидчивость, как это было заметно при обсуждении структуры СССР. Он не достаточно лоялен вождю.

Ленин предлагает сместить Сталина с поста. Именно Сталина Ленин собирался на этом съезде политически уничтожить. Сталин знал об этом через своих агентов — он отвечал за лечение Ленина и подбирал обслуживающий его персонал. Возвращение Ленина к политической жизни в апреле 1923 г. означало бы политическую смерть Сталина. В марте генсек спровоцировал своей грубостью к жене Ленина Крупской острый личный конфликт с вождем. Возможно, дело было в нарушении Крупской режима «покоя» Ленина, за который Сталин нес личную ответственность, и Генсек просто вспылал. Возможно, Сталин пытался таким образом представить претензии Ленина как чисто личные. В ответ Ленин разорвал со Сталиным личные отношения. Положение Сталина стало угрожающим, и участие Ленина в работе съезда партии могло стоить ему не только поста Генсека, но и политического влияния вообще.

Но если Сталина необходимо заменить на более аккуратного проводника стратегических решений, то кто же будет генерировать эти решения? Коллективное руководство? В коллективе тоже неладно. Олигархи недолюбливают друг друга, их коллектив подбирался под Ленина, и без него могут передрасться. Особенно беспокоят конфликты Троцкого и Сталина. Если Сталина необходимо снять с поста, то, может быть, Ленин видит своим наследником Троцкого? Троцкий так и считал, утверждая в своих мемуарах: «Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу»²⁵. Текст «письма» опровергает это. Ленин называет Троцкого «самым способным человеком в партии» и тут же обвиняет его в «борьбе против ЦК», в том, что он — человек, «чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». Ленин напоминает, что Троцкий лишь недавно стал большевиком. Правда, это нельзя ставить это ему в вину лично, как и выступление Зиновьева и Каменева против октябрьского восстания в 1917 г. Лично нельзя, а политически? Ленин в свое время писал об этом: «без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены»²⁶. А теперь напомнил, да еще и добавил, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не был случайностью». Могут ли руководить партией люди, способные совершить

²⁴ Там же, С.346.

²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.217.

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т.41. С.417.

такие ошибки? Нашлись «теплые слова» и для других товарищей. Бухарин — «крупнейший теоретик» и любимец партии. Но вот беда — «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Крупнейший теоретик — не марксист. Выдающийся организатор Пятаков так увлекается администрированием, что на него нельзя «положиться в серьезном политическом вопросе»²⁷. Просто безысходность какая — то — в руководстве нет сильных теоретиков (во всяком случае «вполне марксистских»), организаторов, на которых можно политически или лично положиться. Нет наследника. Может быть, Ленин мечтал о коллективном руководстве в партии, и завещал своим соратникам возлюбить друг друга? Тогда нужно правильно разделить обязанности, укрепить авторитет товарищей друг перед другом. Зачем в этом случае подтверждать своим авторитетом тягчайшие политические обвинения, зачем утверждать «из — за гроба», что теоретик партии — не марксист (значит, любой может его в этом обвинить), организаторы — политически ненадежны. Нет, не хотел Ленин коллективного руководства. И не вышло оно без него. «Завещание» было с успехом использовано враждующими сторонами.

Ленин также предлагал резко увеличить количество членов ЦК за счет рабочих от станка. Вот если бы ЦК заполнили не имеющие политического опыта рабочие, дело бы пошло. ЦК будет расширен. Будут там и рабочие, некоторые — почти без политического опыта. Понятно, что они слушались вождей, подчинялись большинству. Пока был жив Ленин, такие рабочие голосовали за него. «Не все они разбирались в сложных теоретических вопросах и в теоретических спорах, где мы, „большие умники“, выступали против Ленина». Бывает, увидишь, как рядовой пролетарий голосует за Ленина, спрашиваешь почему. «Голосуй всегда с Ильичем — не ошибешься»²⁸, — вспомнит потом об этой «рабочей логике» часто споривший с Лениным и Сталиным Евгений Преображенский. Потом, когда Ленин выйдет из игры, они будут голосовать за большинство Политбюро. Ленин не был настолько наивен, чтобы считать, будто новички — рабочие начнут одергивать Сталина и Троцкого. Они должны были быть надежной опорой Ленина в ЦК.

Единственный пункт «завещания», который не был выполнен «наследниками» Ленина — устранение Сталина с поста Генсека (не из руководства вообще). Перемести съезд Сталина — «триумвират» никуда бы не исчез. И новый Генсек должен был бы определяться, чью линию держать. Ведь стратегического мышления от него не требуется. Кто будет вырабатывать стратегию партии. Не вполне марксист Бухарин или не вполне надежные политически Троцкий и Зиновьев? «А упало, Б пропало, кто остался на трубе?» Из перечисленных Лениным лидеров — никто. Стратегию он собирался разрабатывать сам еще несколько лет. Не случайно Ленин оговаривается, что в будущем молодые лидеры Бухарин и Пятаков могут преодолеть свои недостатки. А пока нет. Пока — сам.

Хорошо знавший Ленина Н. Валентинов, комментируя «завещание», писал: «Ленин хотел показать, что рано считать его умершим...»²⁹ Согласимся с ним.

²⁷ Там же, Т.45. С.345.

²⁸ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января-10 февраля 1934 г. М., 1934. С.239.

²⁹ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.81.

Старый класс

Несмотря на всю свою важность, проблема Сталина была частной. Исполнитель воли вождя рабочего класса плохо выполнял указания и сеял склоку. Действовал неэффективно, неверно, эгоистично. Сталин является здесь не только вождем аппарата, но и его типичным представителем. Ленин с ужасом обнаруживает, что «наш аппарат, в сущности унаследован от старого режима» «и только чуть — чуть подмазан советским миром»³⁰. А ведь этот аппарат власти, господствующий в стране. Что имеется в виду под словами «в сущности». Может быть, речь идет о социальной сущности (это делало бы честь марксисту). Чиновничий аппарат власти сохранил свою авторитарно — бюрократическую сущность. Созданная большевиками власть считается властью рабочего класса. Но рабочие власти лишены. Ее осуществляет «партия рабочего класса», «опирающаяся» на рабочих и крестьян (в том смысле, что они перестали поднимать против нее восстания). Лидеры коммунистов говорят и действуют от имени рабочего класса: «тов. Каменев во всех чиновниках, назначенных из Москвы самым бюрократическим образом, видит пролетариат»,³¹ — иронизировал оппозиционный коммунист Г. Мясников над идеологией правящей верхушки.

Но и члены партии тоже не имеют реальной власти. Партия организована авторитарно. Власть имеет ЦК. Секретариат ЦК посылает на места инструкторов, которые направляют работу парткомов и служат «оком» секретариата. Большинство руководителей местных парторганизаций «избирались» по рекомендации секретариата. А. Шляпников и его сторонники возмущенно писали в Коминтерн: «Опека и давление бюрократии доходит до того, что членам партии предписывается, под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят интригующие верхушки»³².

Но Ленин ни о чем таком не пишет. Он продолжает считать, что «сущность» возглавляемого им государства — союз рабочих и крестьян.

Высшей властью в ЦК пользуется Политбюро, то есть узкая группа партийных вождей, которые одни и знают, в чем состоят стратегические интересы рабочего класса. Впрочем, как следует из последних работ Ленина, и они не знают. Только Ленин вроде бы начал понимать. В самом общем виде эти цели определялись марксизмом как социализм — общество без классов и государства. Марксистско — ленинская идея социализма предусматривала создание сверхцентрализованного индустриального общества, в котором не остается места для частной собственности. Пролетарский характер таких целей вызывает сомнения. Этот идеал скорее является технократическим (технократы — организаторы производства). Если аппарат власти, чиновничество, бюрократия, будут плохо исполнять распоряжения правящей технократической олигархии, то режим окончательно станет консервативно — бюрократическим. Произойдет сращивание бюрократии с буржуазией,

³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.347, 357.

³¹ РГАСПИ, Ф.17, Оп. 71, Д.4, Л.24.

³² Там же, Л.3.

революционные цели будут забыты, а сами революционеры устранены, как это произошло в термидоре 1794 г. с якобинцами. «Термидор» — символ перерождения революции — стал страшным призраком большевизма.

Чтобы страна развивалась в направлении, указанном стратегами большевизма, аппарат должен быть более эффективным и исполнительным. Ленин пишет, что аппарат нужно «улучшать», но направление улучшения выражено им туманно. Следует внимательнее проверять чиновников, внедрять передовые методы организации труда, заимствованные и в капиталистических странах. Так что «негодность» бюрократии по Ленину определяется не ее авторитарным характером, а низкой эффективностью и исполнительностью. Авторитарная структура бюрократии остается нетронутой, ее кастовые социальные интересы (существование которых признавал даже Маркс, не говоря уже об антиавторитарных социалистах) могут развиваться беспрепятственно. Главное внимание коммунистов направлено на сдерживание буржуазии. А бюрократию Ленин предлагает усиливать, делая ее более организованной и эффективной. Конечно Ленин считает необходимым бюрократию контролировать. Но не снизу, а сверху. Связь аппарата с «действительно широкими массами» будет осуществляться через «лучших наших работников и крестьян»³³. Тех самых, кого Ленин намерен включить в ЦК и Центральную контрольную комиссию (высший контрольный партийный орган). Понятно, что бывшие рабочие, призванные на работу в высшие органы власти, быстро перестанут быть рабочими, но не скоро приобретут нужную квалификацию управленца. Так, например, рабочий М. Шкирятов, проработав пять лет в ЦКК, так и не научился правописанию. В посланиях партийным товарищам он делал десятки грамматических ошибок, которые даже затрудняли понимание написанного. Например, в письме к Орджоникидзе: «Пишиш и не знаеш прочтеш ли, буду надеятся, что прочтеш»³⁴. При этом Шкирятов радовался, что Орджоникидзе ударил Кабахидзе, послушно поддерживал расправы Сталина с соратниками Ленина в 30–е–40–е гг. и благополучно умер в своей постели в 1954 г. Так что надежда на самостоятельность рабочих в ЦК была бы наивностью. Если бы Ленин считал, что они должны быть там самостоятельными.

Чтобы рабочие хоть как — то могли контролировать ушедших чиновников, Ленин предлагает придать им на помощь специалистов по контролю из наркомата Рабоче — крестьянской инспекции (ее предлагается объединить с ЦКК, создав объединенный партийно — государственный контроль). Состав этого контроля нужно подбирать как можно тщательнее. Из самых опытных и самых преданных. Ленин недалеко ушел от царского режима не только с унаследованным от него аппаратом, но и с методами контроля за ним. Как во времена Петра I провести тщательный отбор «очей государевых» и с их помощью добиваться «безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»³⁵. Контрольные органы так и не станут структурой, выстраивающей эффективный аппарат, они останутся дубинкой правящей группы. Но аппарат будет выстраиваться, и выстраивать его будет секретариат ЦК во главе с тов. Сталиным. В 1924 г. будет введена система номенклатуры — списки должностей, на

³³ Там же, С.384.

³⁴ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С.350.

³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.387.

которые назначаются люди, утвержденные вышестоящими партийными органами. Постепенно клеточки чиновничьей структуры заполнят новые люди. Они поднаберутся опыта. Но сами клеточки, несмотря на все перестановки, останутся старыми. Унаследованными от российской империи.

Обсуждая характер общественного строя, сложившегося в СССР, М. Джилас назвал господствующий при «социализме» слой «новым классом». Согласимся с Лениным — это был старый класс, унаследованный от царской России и «чуть — чуть подмазанный советским миром». Этот господствующий класс стар как цивилизация, это — бюрократия или, шире, этакратия (от слова «государство»), в которую входит и консервативная бюрократия, и динамичная технократия. Но при социализме господствующего класса не должно быть по определению. Иначе это не социализм. Большевики строили не социализм, а этакратическое индустриальное общество, тотальное господство класса бюрократии над обществом и природой.

Ленинские планы грандиозней царских, даже петровских. Из аграрной страны он надеется создать индустриальную державу, да еще управляемую по единому плану. Уже создан планирующий орган — Госплан. Он состоит из чиновников и экспертов — спецов. Троцкий предлагал придать Госплану законодательные функции, чтобы разработанные им планы имели силу закона. Ленин категорически возражал. Дело в том, что «подавляющее большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками». ³⁶ Почему? Потому что ученые в большинстве своем не разделяют большевистской идеологии, видят ее многочисленные недостатки. С таким объяснением Ленин, конечно, не был согласен. Буржуазия «подкупала» интеллигенцию. А сейчас ее «подкупает» рабочий класс, но сознание меняется медленно. Многие спецы состояли в антибольшевистских партиях кадетов, эсеров и меньшевиков (две последние — социалистические, то есть не буржуазные, а, как считали большевики — мелкобуржуазные). Они выступали за демократический социализм. Партии эти организационно разгромлены, но интеллигенция не торопится менять свои взгляды, в том числе и политические. Спецы оказывают давление на большевистских чиновников, пользуясь перевесом в знаниях. Троцкий надеялся, что если во главе Госплана встанет авторитетный большевик, то под его руководством спецы будут принимать правильные, большевистские решения. Ленин не хотел отдавать Троцкому такую важную позицию, да еще и с законодательными полномочиями. Но и положение, когда не очень грамотные руководители советских законодательных органов отвергали предложения Госплана просто по непониманию, Ленина тоже не устраивали. Он предлагает ввести специальную процедуру рассмотрения предложений Госплана, которая позволит достигать компромисса между ним и законодательным органом ВЦИКом. Во главе Госплана должен встать большевистский технократ и несколько убежденных коммунистов, которые будут перевоспитывать спецов.

Спецов перевоспитать, в общем, не удастся, но вот план станет законом Страны Советов. Орудием господствующего класса, доставшегося в наследство от тысячелетней истории России.

³⁶ Там же, С.352.

Пересмотр всей точки зрения на социализм

Проблема некомпетентности коммунистического аппарата (при обидной компетентности «буржуазных» специалистов) была для Ленина частью другой мучительной проблемы. Когда Ленин вернулся в Россию из эмиграции в апреле 1917 г., он удивил марксистский мир лозунгом перерастания буржуазной революции в социалистическую. Из видных марксистов до этого только Л. Троцкий считал, что буржуазная революция, которая приводит к переходу от феодализма к капитализму, может, непрерывно («перманентно») развиваясь, сразу привести к пролетарской, то есть социалистической революции. Большинство марксистов в это время считали это невероятным. Ведь только что родившееся капиталистическое общество еще не развило экономику и культуру страны до того уровня, который является предпосылкой социализма. Без высокого уровня культуры нельзя обеспечить необходимый для социализма уровень гражданской и хозяйственной активности трудящихся, качественный и высокопроизводительный труд, а следовательно — качественное удовлетворение потребностей тех же трудящихся.

Фактический переход Ленина на позиции «перманентной революции» позволил Троцкому, до этого враждовавшему с большевиками, вступить в их партию в качестве одного из ее лидеров. У социал — демократов — меньшевиков ленинская идея вызвала насмешки. Плеханов считал, что Ленин «бредит», потому что забыл об обстоятельствах времени и места. До социалистической революции еще далеко — целая капиталистическая эпоха в России. При всей условности марксистских схем проблема была налицо — для создания более совершенного, чем капитализм, общества нужна более развитая экономика и высокий уровень культуры. Большевики отмахнулись от этой проблемы в 1917 г., так как рассчитывали, что революция в России спровоцирует мировую пролетарскую революцию, и на сторону коммунистов перейдет развитый пролетариат Германии и других стран Запада. Социализм можно будет строить с опорой на немецкую культуру и экономику. Подобный вариант развития предусматривал и Маркс, который писал о непрерывной революции³⁷.

Но германские рабочие не поддержали коммунистов. Мировая революция захлебывалась. Что делать, если она не произойдет в ближайшие годы? Имеет ли Россия достаточный экономический и культурный потенциал, чтобы не только строить, но и построить социализм самостоятельно?

Если грамотных кадров не хватает даже для государственного аппарата, то где найти их для совершенствования промышленности и культурного ведения сельского хозяйства? Ознакомившись со статистикой образования, Ленин печально констатирует: «даже с буржуазной культурой дела у нас обстоят очень слабо»³⁸. В качестве лекарства Ленин предлагает лучше оплачивать учителей, оказывать шефскую помощь селу со стороны горожан (хотя уровень культуры рабочих также был крайне низок, и крестьяне часто могли дать рабочим фору).

«Солью на раны» для Ленина стала книга меньшевика Н. Суханова «Записки о революции». Суханов напомнил, что меньшевики с самого начала предупреждали: в России еще не вызрели предпосылки для создания социализма — передового

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1956, Т. 7, С. 261.

³⁸ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.363.

экономически, демократического, самоуправляемого бесклассового строя. Уровень цивилизованности пока не тот. В статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)» Ленин возражает: «Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»³⁹. Потому что изгнание старой элиты не является предпосылками цивилизованности — ведь эти люди являются носителем накопленного потенциала культуры. Вместе с помещиками и капиталистами уехали и были сознательно высланы из страны тысячи ведущих деятелей культуры. Ленин надеется, что, завоевав власть, можно затем форсировать культурное развитие с помощью государственных рычагов. Он объявляет культурную работу приоритетом внутренней политики.

Социально — экономическое содержание этой проблемы рассматривается Лениным в статье «О кооперации». Основой ленинской стратегии движения к социализму является НЭП — сочетание рыночных отношений с государственным регулированием при огосударствлении промышленности. Но рыночная стихия в крестьянской среде приводит к постоянному выделению и усилению сельской буржуазии, которая смыкается с городским частником и спецами, составляя конкуренцию неповоротливой, «никуда не годной» советской бюрократии. Ленин не на шутку опасался хозяйственных успехов крестьянства, и даже после спасительного урожая 1922 г. говорил своим соратникам (по воспоминаниям Каменева): «ох, смотрите, от того, что люди будут временно сытей, нам, как партии, товарищи, будет временно труднее»⁴⁰. Сытость затрудняет движение к большевистским идеалам, голод — ставит режим на грань крушения. Как сочетать обеспеченность народа и социализм? Об этом немало размышляли противник большевизма — народники и меньшевики. Теперь Ленин начинает заимствовать их идейный багаж.

Нужно, чтобы крестьянин не превращался в сельского буржуа, а шел к социализму, причем сам, снизу, без принуждения со стороны коммунистов. Чтобы решить эту задачу, Ленин возвращается к народнической идее сочетания частного и общественного интереса в самоуправляющемся коллективе кооперативе. Но кооператор должен быть цивилизованным, культурным, иначе кооперация опять превратится в формальную бюрократическую структуру. Поэтому Ленин увязывает воедино две задачи: «задачу переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится» и задачу «культурной работы для крестьянства. А эта культурная работа для крестьянства как экономическую цель преследует именно кооперирование»⁴¹. Культурно хозяйствовать, качественно обслуживать потребности, крестьяне научатся именно в кооперации. Этот процесс должен быть добровольным и органичным — хозяйственную цивилизованность нельзя насадить. На это уйдет целая эпоха.

Поворот к культуре и кооперативному самоуправлению означал отказ от прежнего большевизма, игнорирующего культурный уровень страны и социалистический характер крестьянского самоуправления. Ленин признал «коренную

³⁹ Там же, С.381.

⁴⁰ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.1.

⁴¹ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.377.

перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁴². Он даже дал новое определение социализма: «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»⁴³.

Теперь, без мировой революции, движение к социализму приобретало эволюционный характер, что сближало большевизм с проклинаемым им социал — демократическим оппортунизмом. «Не будьте поэтом, говоря о социализме! — говорил Ленин М. Владимирову. — Время Смольного и первых лет революции далеко позади. Если к самым важным вопросам мы, после пяти лет революции не научимся подходить трезво, по — деловому, по — настоящему, значит, мы или идиоты, или безнадежные болтуны. Вследствие въевшейся в нас привычки, мы слишком часто вместо дела занимаемся революционной поэзией. Например, нам ничего не стоит выпалить, что через 5–6 лет у нас будет полный социализм, полный коммунизм, полное равенство и уничтожение классов. Услышав такую болтовню, не стесняйтесь, Лева, вопить и кричать: „Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори бессмыслицы!“ Вы можете поймать меня: врач исцелился сам! Сознаюсь, все партийные недостатки присущи и мне. Давая волю языку, я тоже могу ляпнуть, что самом непродолжительном времени, даже меньше десяти лет, мы войдем в царство коммунизма. Не стесняйтесь и в этом случае, хватйте меня за фалды, из всей силы кричите: „О, друг мой Аркадий, об одном прошу, не говори так красиво“»⁴⁴. Меншевик Н. Валентинов комментирует эти слова: «Из „напутствия“, полученного в 1922 г. Владимировым, видно, что в это время Ленин уже совсем не верил в близость установления в России социализма или коммунизма. С этим как будто расходится речь Ленина в ноябре 1922 г., в которой, говоря, сколь трудно „протащить социализм в повседневную жизнь“, он все — таки указывал, что „если не завтра, то в несколько лет“ из „России нэповской будет Россия социалистическая“. Но Ленин сам объяснил, что подобные заявления о близости наступления социализма срываются с языка вследствие въевшейся и в него привычке „заниматься вместо дела революционной поэзией“»⁴⁵.

Отчасти это была идейная капитуляция перед народничеством и меньшевизмом. По мере роста рыночной культуры жителей они становились бы все менее управляемыми и все более самоуправляемыми. В этом содержалась угроза партийно — государственной бюрократии. Но угроза эта легко устранялась — под партийным контролем кооперация превращалась в еще один «приводной ремень» от правящего центра к трудящимся, от промышленности к сельскому хозяйству. «Командные высоты» в России оставались в руках чиновничества. Перечислив «власть государства на все крупные средства производства» (то есть управление их не капиталистической, а бюрократической элитой), «власть государства в руках пролетариата» (то есть в руках группы технократов, считающих себя вождями пролетарской партии), союз рабочего класса и крестьянства (то есть уступки правящей группы крестьянскому

⁴² Там же.

⁴³ Там же, С.373.

⁴⁴ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.275.

⁴⁵ Там же, С.276.

большинству страны), Ленин спрашивает: «разве это не все необходимое для построения социалистического общества?»⁴⁶ И отвечает на этот вопрос положительно.

Мировая революция перестала для него быть необходимым условием построения социализма. Нужно, чтобы крестьянство было организовано в кооперативы. Это — требование народнического социализма. А марксистский социализм в Ленинской модели — это мощная государственная промышленность, которая является руководящей силой кооперативного сектора. Именно государственные предприятия он называет «предприятия последовательно — социалистического типа». Кооперация должна служить развитию индустриальной мощи государства, с которой и отождествляется социализм. Но государственная промышленность не упраздняет ни классового разделения, ни угнетения, ни отчуждения работника от средств производства. В ней нет социализма, который для основателей этого учения был неотделим от самоуправления и свободы.

Где взять средства на строительство промышленности? Экономя на аппарате, продумывая экономические решения и повышая их эффективность, «ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии...»⁴⁷. А если сэкономленных средств не хватит? Ленин обходит этот вопрос, который вплотную встанет перед партией в середине 20-х гг. Выяснится, что не промышленность будет помогать крестьянству, а крестьянство через силу финансировать строительство промышленности. К этому неминуемо вела логика «государственного социализма», которую Ленин пытался смягчить элементами кооперативного социализма. Подавив сопротивление общества в гражданской войне, бюрократическая диктатура могла найти ресурсы для своих грандиозных планов только за счет этого общества. В этом заключалась суть «построения социализма в одной стране», которую начал теоретически обосновывать Ленин.

Шах Сталину

Несмотря на то, что Ленин предложил стратегию строительства социализма в одной стране, он не отказался и от идеи мировой революции. Одно другому не мешает. В статье «Лучше меньше, да лучше», посвященной экономии и подбору кадров, он пишет: «На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию»⁴⁸. Надежда мировой революции — в Азии, где индустриально — рыночная культура развита еще меньше. Как и странам Востока «нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы имеем для этого политические предпосылки»⁴⁹. Эти предпосылки — диктатура партии, которая

⁴⁶ Ленин В. И. ПСС. Т.45. С.370.

⁴⁷ Там же, С.405.

⁴⁸ Там же, С.403.

⁴⁹ Там же, С.404.

стремится к социализму. Весь XX век в аграрных странах к власти будут приходить партии, стремящиеся перескочить через капитализм. Но максимум, чего им удавалось добиться — форсированной индустриализации. Первой по этому пути пошла Россия.

По мнению Ленина, культурные предпосылки для социалистического переустройства общества можно создать не только до революции, но и после, используя рычаги власти. Но этих — то рычагов революционеры лишались по мере бюрократизации. И дело было не только в неэффективности аппарата. В своем конфликте со Сталиным Ленин увидел, что бюрократия имеет свои корпоративные интересы: «Говорят, что требовалось единство аппарата. Но от кого исходили эти уверения? Не от того ли самого российского аппарата...»⁵⁰ Единством партии (а по сути — его правящей элиты) будет и впредь оправдываться расправа над носителями хоть сколько — нибудь оригинальных идей.

Вождем бюрократии является Сталин. Как опытный политик, Ленин решил нанести удар по Сталину в самом уязвимом месте — в национальном вопросе, который считался вотчиной Сталина. Больной вождь пишет статью «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». В день образования СССР, когда «автономизация» уже была отвергнута даже Сталиным, Ленин так характеризует процесс объединения советских республик: «пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик». «Всю эту затею» Ленин считает «в корне неверной и несвоевременной»⁵¹. Вот так создатель Советского Союза. Ленин не исключает, что придется сделать шаг назад к конфедерации, оставив в ведении СССР только внешнюю политику и оборону. И все из — за Сталина, на которого (вместе с Дзержинским) Ленин возложил политическую ответственность за «грузинский инцидент». В своей статье Ленин подверг Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе резкой критике за великорусский шовинизм, а последнего предлагает на время исключить из партии за рукоприкладство в Грузии. А ведь еще 21 октября Ленин «решительно осуждал» брань грузинских лидеров против Орджоникидзе. Теперь же Ленин считает Сталина организатором расправы над грузинами и проводником «нашествия того... великоросса — шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»⁵². Великодержавный «перегиб» Сталина наносит ущерб мировой революции, потому что может разочаровать в советском опыте сотни «миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами»⁵³. Революционная стратегия Ленина вступила в противоречие со стратегией Сталина, со стремлением укрепить советскую державу.

В своей борьбе против Сталина Ленин мог опереться на идеолога «перманентной» мировой революции Троцкого. Как и Ленин, Троцкий даже в условиях эйфории от первых успехов НЭПа не забывал о мировом контексте Российской революции и строительства социализма в России. В докладе на IV Конгрессе Коминтерна Троцкий

⁵⁰ Там же, С.357.

⁵¹ Там же, С.356.

⁵² Там же, С.357.

⁵³ Там же, С.362.

говорил: «Главные козыри явно на нашей стороне, за исключением одного — очень существенного: за спиною частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал... Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?»⁵⁴ Эта проблема несколько лет будет недооцениваться большинством Политбюро. Подумаешь, нэпманы и кулаки. Их немного, их капиталы мизерны в сравнении с государственными, их число ничтожно по сравнению с рабочим классом, крестьянством и даже бюрократией. Иностраный капитал в СССР практически не допускается. И все же конъюнктура мирового рынка играла решающую роль для развития НЭПа — только за рубежом можно было купить передовые технологии. Цены на индустриализацию устанавливал мировой капитал. Повлиять на эту конъюнктуру можно было, дестабилизируя мировую капиталистическую систему с помощью подъема национального движения в Азии. Большая игра.

Ленин, как и Троцкий, видел в действиях Сталина национальную ограниченность и угрозу планам распространения коммунистического движения в Азии. Троцкий был ближе Ленину по духу и по стилю мышления. Понимание мирового контекста строительства социализма привело к союзу Ленина и Троцкого против «тройки» по вопросу о монополии внешней торговли, которую они защитили. Затем Ленин предложил Троцкому более долгосрочный блок против бюрократизма. «С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, ответил я»⁵⁵, — вспоминал Троцкий.

5 марта Ленин направил Троцкому материалы «грузинского дела» с запиской: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского, я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя защиту, то я бы мог быть спокойным»⁵⁶ Но союзник Ленина по «блоку» подвел — Троцкий не решился атаковать Сталина в отсутствие Ленина. Он лишь сделал замечание к тезисам Сталина в секретной записке в Политбюро и удовлетворился чисто формальной «капитуляцией» Генерального секретаря, «признавшего ошибку». Отставных членов ЦК КП(б)Г разослали на дипломатическую и другую работу вне Грузии.

Между тем наступило время XII съезда РКП(б). После мартовского приступа болезни Ленин был недееспособен и не мог принять участие в съезде. Нужно было что — то решать с его письмом. При обсуждении на Политбюро вопроса о публикации письма Троцкий высказался за, но с оговорками — ведь в письме доставалось и ему. Остальные члены ЦК, опасавшиеся нарушения существующего положения дел, возражали. Ведь Ленин сам не давал указания публиковать свое письмо. Из — за статьи по национальному вопросу, от публикации которой Троцкий мог явно выиграть, между членами Политбюро даже произошла ссора. Статья была передана Троцкому раньше, чем другим, и он по просьбе Ленина не стал ее показывать товарищам. Текст стал известен Сталину 16 апреля, за день до съезда, когда оригинал передала ему

⁵⁴ IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября — 3 декабря 1922 г.: Избранные доклады, речи и резолюции. М., — Пг., 1923. С.96.

⁵⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.216.

⁵⁶ Архив Троцкого. Т.1. С.34.

секретарь Ленина Л. Фотиева. Она просила вернуть статью, так как другого экземпляра для публикации не было. Тогда же Сталин узнал, что Троцкий располагает ленинскими текстами против него, но держит их при себе. Сталин заподозрил, что Троцкий приберегает «компромат» к съезду. Кое — что стало уже известно делегатам — возможно от Троцкого. Тогда Сталин поднял скандал, обвинив Троцкого в том, что тот скрывает документы от партии. Троцкий передал документы для обсуждения в Политбюро с такими разъяснениями: «Статья тов. Ленина была прислана мне в секретном и личном порядке тов. Лениным через тов. Фотиеву, причем несмотря на выраженное мною в тот же час намерение ознакомить членов Политбюро со статьей, тов. Ленин категорически высказался против этого через тов. Фотиеву». Теперь Троцкий «передал вопрос на разрешение ЦК. Я сделал это без единой минуты запоздания после того, как только узнал, что тов. Лениным никому не дано никаких прямых и формальных указаний по поводу дальнейшей судьбы его статьи, оригинал которой хранится у его секретарей»⁵⁷. Сталину пришлось извиняться перед Троцким. Он не любил извиняться, тем более, что все равно считал, что Троцкий интригует.

Но утечка информации произошла. «Все держалось на слухах, и из них делался вывод, что больной Ленин выражал доверие к Троцкому, дал ему какие — то важные в партийном отношении поручения и полномочия»⁵⁸ — комментировал Н. Валентинов. Письмо зачитали после смерти Ленина, на XIII съезде, причем не на пленарном заседании съезда, а по делегациям, на руки его никому не дали. Каменев и Зиновьев защищали Сталина, Троцкий, к этому моменту потерпевший политическое поражение, не рискнул возражать. Сталин извинялся, говорил, что исправится. Но, как мы увидим, позднее он будет даже бравировать своей грубостью, придравшись к которой Ленин готов был отправить его в политический нокдаун.

В 1923 г. Сталин пережил один из самых опасных моментов в своей политической карьере. Пока был жив Ленин, угроза еще сохранялась. 18–19 октября вождь, которому стало лучше, приехал в Москву, зашел в свой кабинет и обнаружил, что бомба, готовившаяся им против Сталина, отсутствует в ящике стола. Крайне раздраженный, Ленин вернулся в Горки. Состояние его здоровья позволяло ему совершать прогулки за пределы своей резиденции, общаться с посетителями, знакомиться с газетами. О возвращении к полноценной работе не могло быть и речи, но от роли стратега Ленин вряд ли отказался. Стратегу Ленину генсек Сталин мешал. А Троцкий не решился действовать в одиночку. Сталин понимал, что Троцкий остается в резерве Ленина, и необходимо как можно скорее ослабить его. Но возможность для этого возникнет только осенью.

Шанс Троцкого

На XII съезде политический доклад делал Зиновьев, организационный — Сталин. Троцкому было поручено делать доклад о промышленности. Оказалось, что дело не в очередности. Доклад Троцкого был на голову выше, чем у коллег.

К XII съезду Троцкий подготовил тезисы о промышленности, которые позволяют

⁵⁷ Там же, С.55.

⁵⁸ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С.17.

ознакомиться с его взглядами до того, как на них станет влиять логика острой политической борьбы. Как и все большевики, Троцкий решает задачу индустриализации: «Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры»⁵⁹, хотя — НЭП есть НЭП — значительная часть продукции «еще долго будет производиться мелкими товаропроизводителями»⁶⁰. Где взять средства для индустриализации? Вопреки более позднему представлению о позиции Троцкого, он считает: «Промышленность, живущая за счет бюджета, т. е. за счет сельского хозяйства, не могла бы создать устойчивой длительной опоры для пролетарской диктатуры»⁶¹. Длительное паразитирование промышленности на сельском хозяйстве недопустимо. Но это не значит, что нельзя экспроприировать крестьян ради создания самокупаемой промышленности. Пока об этом никто не говорит. Изыскиваются другие резервы. В центре внимания Троцкого, как истинного марксиста, находится планирование, которое позволит сэкономить необходимые средства (об этом писал и Ленин): «в отличие от капиталистических стран, область планового начала не ограничивается у нас рамками отдельных трестов или синдикатов, а распространяется на всю промышленность в целом... Только в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его»⁶². Это подчинение должно идти постепенно, по мере освоения плановых методов и превращения их в более экономные по сравнению с рынком. В центре планирования должен стоять единый орган — Госплан, который может разработать более рациональную систему управления промышленностью, чем та, которая сложилась второпях при переходе к НЭПу.

Тезисы легли в основу выступления Троцкого на съезде. В своем выступлении Троцкий остановился на проблеме «ножниц» между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Расходящиеся на графике кривые цен — растущие промышленные и падающие сельскохозяйственные — грозили экономической модели НЭПа. Промышленность неэффективна, ее продукции не хватает. Крестьянство же может производить больше продукции, но стимулы к этому падают — крестьянам нечего купить на полученные деньги, к тому же быстро съедаемые инфляцией. Крестьянство недоволено, и скоро перестанет покупать даже имеющиеся товары — слишком дороги и некачественны. Это разрушает рынок, подрывает НЭП и «смычку» рабочего класса с крестьянством. Троцкий заступает за крестьянство и за НЭП, показывает, что ликвидировать «ножницы» можно только с помощью качественного планирования, технического переоснащения промышленности и роста производительности труда. Гладко было на бумаге.

Несмотря на второстепенные придирки Дзержинского (он знал о позиции Троцкого в грузинском деле) тезисы Троцкого были приняты ЦК с незначительными поправками и превратились в важнейшую экономическую резолюцию съезда — «О промышленности». Доклад Троцкого вызвал восхищение зала. Он был героем дня.

⁵⁹ Архив Троцкого. Т.1. С.35.

⁶⁰ Там же, С.36.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, С.38.

Этому способствовала и «артиллерийская подготовка» в прессе. В газете «Правда» вышла статья К. Радека «Лев Троцкий — организатор победы», в которой Троцкий характеризовался как «великий умственный авторитет», «великий представитель русской революции». «Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников... Русская революция действовала тут через мозг, нервную систему и сердце этого великого своего представителя... Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта блестящая страница русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого, как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира». ⁶³

К Троцкому потянулись массы партийных карьеристов. Е. Ярославский, позднее гвоздивший Троцкого и восхвалявший Сталина, в своих воспоминаниях 1923 года о Троцком писал: «Перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро отточенным и гибким, как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов рассыпающих богатство мысли» ⁶⁴.

Восхваление большевистских вождей было обычным делом, но в 1923 г. Троцкий стал выделяться в этом отношении. На нем был проведен и географический эксперимент — Гатчина была переименована в Троцк. Небольшой городок. Потом по этому пути пойдут десятки лидеров, «присвоив» куда более крупные города. Но в 1923 г. это было в диковинку и показывало — Троцкий особенный.

«В стране, искони привыкшей к мысли, что во главе ее стоит царь, а со времени Октябрьской революции правит Ленин, естественно встал вопрос: кто же, какая личность его заменит» ⁶⁵, — отмечал Н. Валентинов. И не только в стране, но и в партии нужен был царь. Уже давно в РКП(б) сложилась традиция: немногие интеллектуалы дискутируют с Лениным. Он может принять их позицию, а может зло высмеять. На съезде партийный середняк проголосует за Ленина. «Голосуй за Ильича, не ошибешься». А за кого голосовать теперь, чтобы не ошибиться? Для партийцев это был важный вопрос. «Правда» и другие издания сигнализировали — Троцкий. И на съезде он был «самым способным».

Масса карьеристов решила, что он и есть преемник. Последующие события показали им, как они обманулись. Человек не склонен обвинять в таких ошибках себя. Создавая культ личности Сталину, они ненавидели Троцкого за «обман», за то, что им показалось, будто он — новый вождь.

Старые соратники Ленина с ревностью смотрели на успех пришедшего «от меньшевиков» и стремительно выдвинувшегося во время революции Троцкого. Но сделать пока ничего не могли.

Впоследствии Троцкий, рассуждая о своем поражении в дискуссиях 1923–1924 гг., которое предопределило и дальнейшие поражения, размышлял — что было

⁶³ К. Радек. Лев Троцкий — организатор победы. // «Правда», 14 мая 1923.

⁶⁴ Цит. по Васецкий Н. А. Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С.193.

⁶⁵ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С.13.

бы, если бы нездоровье не помешало ему с осени участвовать в полемике активной. Мог бы он победить, и как бы развивалась история страны?

Троцкий мог овладеть залом, переспорить любого с помощью остроумных аргументов — если бы зал был готов его слушать. Осенью 1923 г. залы уже были настроены против Троцкого систематической работой аппарата. Весной 1923 г. — еще нет.

На XII съезде Троцкий мог овладеть залом, поставить любые вопросы, а, опираясь на авторитет Ленина — добиться смещения Сталина, подчинить аппарат кому — либо из «своих людей».

Троцкий не воспользовался шансом, не предложил кадровых перемен, не настоял на переменах, предложенных Лениным, не повел делегатов за собой. Это был бы скандал, нарушение партийной дисциплины, но так делается история. А Троцкий предпочел кулуарные дразги, аппаратные согласования.

Шанс на победу в борьбе за власть был у Троцкого только в этот момент. Но весной 1923 г. «альтернатива Троцкого» еще отсутствовала, потому что взгляды большевистских вождей были предельно близки. НЭП еще развивался более или менее благополучно. Разногласия снимались в рабочем порядке. Как интеллигент, Троцкий был более терпим к разногласиям, чем Сталин, но в кризисной ситуации умел быть беспощадным и грубым, а Сталин в спокойной ситуации умел искать компромисс. Дело не в личных чертах. Понять сущность «альтернативы Троцкого» можно только на фоне кризиса НЭПа, кризиса стратегии Ленина, который разведет большевистских вождей по разные стороны баррикад.

Глава II **Раскол большевизма**

Атака Троцкого

После первых успехов НЭПа эта экономическая модель столкнулась с первым серьезным кризисом — кризисом сбыта продукции. Если измерять цену промышленных товаров в пудах зерна, то цены эти выросли по сравнению с 1913 г. в 3–4 раза. «Ножницы», о которых предупреждал Троцкий, расходились все шире. Государственные тресты сбывали свою продукцию по монопольным ценам и к тому же через частных перекупщиков. Началась неизбежная в таких условиях спекуляция — цены на промышленную продукцию быстро поползли вверх. Это привело к затовариванию — промышленные продукты были так дороги, что масса населения просто не могла их купить. Кризис сбыта 1923–1924 гг. показал, что НЭП не означал реального перехода промышленности на рыночные рельсы. Типичными были такого рода партийные указания: «Обязать управляющего Ижорским заводом тов. Королева в течение 24 часов заключить договор с Петрообласттопом на поставку одного млн. пудов угля на следующих условиях: Ижорский завод вносит задаток в размере 10 % стоимости договора, а Областтоп предоставляет пятимесячный кредит, считая со дня подписания договора. Срок доставки указанного количества угля — два месяца»⁶⁶. Как видим, самостоятельность хозяйственных организаций была чисто условной.

⁶⁶ Цит. по: Секушин В. И. Отгоржение. НЭП и командно — административная система. Л., 1990. С.67.

Действия регулирующих органов в условиях кризиса были неумелыми. Заместитель председателя ВСНХ (Всероссийский, затем всесоюзный совет народного хозяйства — главный орган управления государственной промышленностью) Г. Пятаков 16 июня 1923 г. издал приказ: «Общим руководящим началом деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период, является прибыль как задача...»⁶⁷. В погоне за прибылью тресты продолжали взвинчивать цены. Поскольку Пятаков позднее принадлежал к троцкистской оппозиции, на нее будут возлагать ответственность за кризис затоваривания, за «ножницы». Но в 1923 г. разногласий по этому поводу не было, коммунисты просто не знали, как с ножницами справиться. Нужно было как — то заставить промышленность работать эффективнее. Остроту кризиса удалось сбить в 1924 г., по мере введения твердого рубля (старый рубль, обесцененный инфляцией, просто отменили). Одновременно ценам «приказали снижаться», государственным предприятиям дали соответствующие указания. От этого пострадали зарплаты рабочих. Рабочий класс, которому внушали, что он — «гегемон революции», опять напомнили, что зарплату нужно зарабатывать в поте лица, и при том в тяжелых условиях разрушенного хозяйства. В этой обстановке достаточно было искры, грубости заводского начальства — и вот уже в летом 1923 г. прокатились забастовки в Москве, Петрограде, Донбассе и др. местах. На недовольство рабочих обратила внимание официальная пресса. В «Известиях» в 1922 г. было 16 сообщений о трудовых конфликтах, а в 1923 г. — уже 19, причем 5 из них — о нескольких стачках. В «Труде» количество таких сообщений возросло с 28 до 100⁶⁸. Массовые забастовки в «государстве рабочих и крестьян» были настоящей пощечиной коммунистам. По возвращении членов Политбюро из летних отпусков между ними начались споры на извечные темы: «кто виноват?» и «что делать?». Обсуждение необходимости обратной связи партии с рабочим классом быстро вышло на проблему бюрократизации и демократии. Как раз то, о чем писал Ленин. «Триумвират» был не прочь осудить бюрократизм, но прежде всего хозяйственный (он ведь виноват в экономических провалах), а Троцкий настаивал на ответственности и партийной бюрократии. Ему показалось, что наступает удачный момент поднять вопросы, затронутые в последних статьях Ленина.

В апреле 1923 г. Троцкий не воспользовался козырями, которые предоставил ему Ленин в связи с «национальным вопросом». Теперь Троцкий бросился в атаку безо всяких козырей. Он был трибуном, человеком идей. Ему было легче защищать «пролетариат», чем «националистов».

Время для выступления было для Троцким неудачным и еще в одном отношении — вскоре он заболел, простудившись на охоте: «я прохворал всю дискуссию против „троцкизма“. Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку», — сетовал Троцкий, намекая на то, что если бы не болезнь, он мог бы победить. Охотники на уток знают, что они ничем не рискуют, расстреливая птицу. Но Троцкий, благодаря своей любви к этому развлечению, сам превратился в утку, которую безнаказанно расстреливали. «Неприятные „исторические“ последствия охоты на утку оказались в том, что в дискуссии на стороне оппозиции не выступил во плоти и крови блестящий, находчивый, едкий,

⁶⁷ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.159.

⁶⁸ Трудовые конфликты в Советской России в 1918–1929 гг. М., 1998. С.171, 181.

первоклассный оратор, каким был Троцкий. Отсутствие подобной силы сказалось на ходе дискуссии, ослабляло оппозицию», — комментирует Н. Валентинов.⁶⁹ Но к этому времени партия уже ориентировалась не на первоклассных ораторов, а на ориентировки из секретариата ЦК.

8 октября 1923 г. Троцкий написал письмо в Политбюро, в котором, разбирая причины возникшего социально — экономического кризиса, утверждал, что «хаос идет сверху», что бюрократия проводит партийные решения методами военного коммунизма, в руководстве «создалась секретарская психология», при которой люди подбираются не по принципу компетентности, а по принципу лояльности, и «секретарскому бюрократизму должен быть положен предел»⁷⁰. Итак, демократия должна оживить партию, ограничить произвол чиновников, во главе которых стоит Генеральный секретарь. Троцкий быстро забыл о поводе — интересах рабочих. Их допускать к демократическому столу он не собирался. Его ставкой были массы рядовых коммунистов, которые, оказавшись причастными к принятию партийных решений, обеспечат затем надежную связь с остальными трудящимися. Кроме демократии Троцкий делал ставку на качественное планирование, давая понять, что мог бы возглавить это дело. Большинство Политбюро истолковало эти претензии Троцкого по — своему: «Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что или партия должна предоставить тов. Троцкому диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собою лишь право систематической дезорганизации ЦК»⁷¹. Сталин и его союзники были возмущены обвинениями в «секретарской» диктатуре. Троцкий бросил вызов бюрократическому покою, в котором пребывало руководство, он покусился на единство правящей касты. В этом, а не в каких — то ошибках, было его главное преступление. Два года спустя это в письме соратникам по антитроцкистской фракции подтвердил Ф. Дзержинский: «партии пришлось развенчать Троцкого единственно за то, что тот... поднял руку против единства партии»⁷².

Однако Троцкий был не одинок. Е. Преображенский написал письмо с критикой проводимого курса. К 15 октября его подписали 46 видных большевиков. Они считали, что «продолжение политики Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии», что связано с «бессистемностью решений ЦК, не сводящего концы с концами в области хозяйства». Плохое качество экономического руководства, вылившееся в кризис «ножниц цен», письмо связывало с бюрократизацией партийного руководства, «разделением партии на секретарскую иерархию и мирян», как в церкви⁷³.

Недовольство было налицо. Большинство Политбюро решило придавить это выступление авторитетом ЦК, но, поскольку соотношение сил было еще не ясно, пригласили на объединенное заседание ЦК и ЦКК еще представителей 10

⁶⁹ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С.35.

⁷⁰ Социалистический вестник. 1924, № 11.// Валентинов. Наследники Ленина. С.227–230.

⁷¹ Там же, 235.

⁷² Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 гг. М., 1996. С.311.

⁷³ Архив Троцкого. Т.1. С.83–84.

парторганизаций, чья позиция была известна. Это заседание, проходившее 25–27 октября в отсутствие Троцкого (он болел), объявило его выступление «нападением на Политбюро», «политической ошибкой» и «сигналом к фракционной группировке», каковой явилось письмо 46–ти⁷⁴. Осудив таким образом своих противников, лидеры Политбюро требовали «не выносить сор из избы», избежать открытого спора перед лицом страны и мира. Но письма оппозиционеров уже распространялись в партийных кругах и среди непартийной интеллигенции. Тогда Большинство Политбюро договорилось с Троцким о компромиссе. 5 декабря Политбюро была согласована резолюция «О партийном строительстве» (с некоторыми поправками ее подтвердит XIII конференция партии), в которой говорилось: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения, свободу дискуссии, выборность руководящих должностных лиц и коллегий». Резолюция осуждала бюрократизм за то, что он «считает всякую критику проявлением фракционности»⁷⁵. Большинство Политбюро провело заседание по согласованию текста на квартире у Троцкого, потому что сам он в это время болел. Для «триумvirата» и его союзников резолюция была плодом взаимных уступок, ценой прекращения споров и сохранения существующего руководства. «И тогда мне казалось, что, собственно, не о чем драться дальше...»⁷⁶, — вспоминал об этом моменте Сталин. 6 декабря он опубликовал в «Правде» статью «О задачах партии», которую закончил комплиментом «возмутителю спокойствия». Но с намеком: «я знаю Троцкого как одного из тех членов ЦК, которые более всего подчеркивают действенную сторону партийной работы»⁷⁷. Мол, хватит рассуждать, пора «действенно» работать. Троцкий не захотел услышать это предупреждение, так как не хотел работать по указаниям бюрократии.

Новый курс

Для Троцкого резолюция 5 декабря была победой, которую нужно было развивать. Он пишет развернутую статью «Новый курс», в которой излагает взгляды, получившие затем название троцкизма. Сам Троцкий неоднократно отрицал, что «троцкизм» существует. Себя Троцкий считал ленинцем. Но одно другому не мешает — также, как в рамках марксизма выделился ленинизм, так и в рамках ленинизма стали выделяться различные идейные течения, и троцкизм стал одним из них.

В 1923 г. задача Троцкого заключалась в том, чтобы не выпячивать собственное «я», а представить себя толкователем общепартийного решения, нового партийного курса, за который, якобы, выступает партия. В своей статье Троцкий утверждает, что резолюцией 5 декабря партия провозгласила «Новый курс». Это уже интриговало читателя — не идет ли речь о новом НЭПе — уже политическом. «Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно

⁷⁴ КПСС в резолюциях... Т.3. С.141–142.

⁷⁵ Там же, С.148.

⁷⁶ Сталин И. Соч. Т.6. С.12–13.

⁷⁷ Сталин И. Соч. Т.5. С.370.

передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата». Троцкий ставит задачу: «партия должна подчинить себе свой аппарат»⁷⁸. Автор подвергает бюрократизм резкой критике, развивая положения ленинских статей о связи бюрократизма и недостатка культуры масс, но неожиданно переносит эту проблему в плоскость взаимоотношения поколений: «Убивая самодеятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно — политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм»⁷⁹.

Противники Троцкого увидели в этом попытку «развенчать старую гвардию и демагогически пощекотать молодежь, для того, чтобы открыть и расширить щелочку между этими основными отрядами нашей партии»⁸⁰. Но Троцкий предлагает средство, чтобы «щелочка» не возникла. Это — внутрипартийная демократия: «Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма»⁸¹. Получается, что не старики, впадающие в аппаратный бюрократизм, должны учить подрастающие кадры, а подрастающие кадры — стариков. Троцкий и сам выражал готовность учиться у молодежи. Коснувшись этой темы, Сталин намекнул Троцкому, что большевистская «старая гвардия» не относит его к своим рядам: «Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она в самом деле встает на путь перерождения... Но я должен защитить Троцкого от Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может и не должен нести ответственность за возможное перерождение основных кадров старой большевистской гвардии»⁸². «Понятные причины» — это то обстоятельство, что Троцкий вступил в партию большевиков в 1917 г. Массам, привыкшим видеть в Троцком одного из вождей большевистской революции, было неизвестно, что он долго боролся с ленинским диктаторством, был меньшевиком. Так возникла опасная для Троцкого тема его меньшевистского прошлого. Отвечая на эти обвинения, Троцкий пишет в своей брошюре, вышедшей накануне январской партконференции: «я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я

⁷⁸ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С.199.

⁷⁹ Там же, С.200.

⁸⁰ Сталин. Соч. Т.5. С.387.

⁸¹ Троцкий Л. Д. Ук. соч. С.201.

⁸² Сталин И. Соч.5. С.384–385.

шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком»⁸³.

В 1923 г. Троцкий по своим взглядам был дальше от меньшевизма, чем Сталин и Бухарин, так как он выступал за ускорение темпов индустриализации. Но дискуссия 1923 г. велась не об этом, а о демократии, и здесь в программе Троцкого можно было увидеть возвращение к меньшевизму с его практикой внутрипартийной демократии: «Нужно, чтобы партия, в лице всех своих ячеек и объединений, вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики — без опаски и без оглядки, — право организационного самоопределения»⁸⁴.

Покушение на партийный аппарат, на его власть и стабильность, было недопустимо для большинства Политбюро. Оно восприняло это как «лозунг ломки аппарата»⁸⁵. Массы рабочих и молодежи, заполняющие партийно — государственные кабинеты, вытесняющие оттуда чиновников, пусть эгоистичных, но хоть как — то научившихся работать. Кошмар дезорганизации. Но проблема собственных социальных интересов аппарата, поставленная в партии большевиков Лениным, развернутая Троцким оставалась и после поражения оппозиции. Потом ее придется решать Сталину. Все стратеги коммунистического движения сталкивались с этой проблемой. Они либо пытались бороться с бюрократическим классом, как Ленин, Троцкий, а затем и Сталин, либо подстраивались под него, как Брежнев. Но в рамках государственного социализма с его экономическим централизмом и политической авторитарностью, влияние самостоятельных социальных интересов бюрократии доминировало неизбежно — несмотря на идеологические заклинания и кровавый террор.

Подготовленных кадров не хватает. Троцкий предлагает выдвигать новичков снизу, как носителей мнения масс. Сталин считает необходимым подбирать их сверху, при условии лояльности руководящей группе, постепенно обучать административно — управленческому делу. Только так можно оградить руководящее ядро от «заражения мелкобуржуазной стихией», то есть интересами различных слоев общества, чуждыми большевистской стратегии. Иначе — отклонение от пути строительства коммунизма. Троцкий считает, что такое перерождение будет возможно при условии нарастания влияния частного капитала, его «смычки» с крестьянством и оторвавшимся от пролетариата частью аппарата. Это — основа для «термидора». В этом — опасность НЭПа и бюрократизации. Поэтому Троцкий выступает одновременно за рост внутрипартийной демократии и усиление давления на рыночную стихию, против экономической и политической демократии вне партии. Но он не предлагает конкретных механизмов внутрипартийной демократии, кроме некоторой свободы группировок. Сталин предлагает принципиально иной взгляд на демократию: «Самая большая опасность, — говорит Троцкий, — заключается в бюрократизации партийного аппарата. Это тоже неверно. Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс»⁸⁶. Даже

⁸³ Троцкий Л. Д. Ук. соч. С.192.

⁸⁴ Там же, С.202.

⁸⁵ КПСС в резолюциях... Т.3. С.154.

⁸⁶ Сталин И. Соч. Т.6. С.231, 226–227.

бюрократическая партия, если она проводит политику в интересах рабочего класса (Сталин не говорит здесь о крестьянстве, но явно имеет его в виду), может существовать и развиваться. А демократически организованная партия, потерявшая связь с классом — нет. Политической идеей Сталина и его союзников становится просвещенный авторитаризм.

Статья Троцкого, за которой последовало несколько других, которые вместе были изданы в январе отдельной брошюрой «Новый курс», возмутили большинство Политбюро. «Нападение на бюрократию» и утверждение о «перерождении кадров» было воспринято «старой гвардией» как нападение на себя. 14 декабря была официально объявлена дискуссия, с разгромными статьями против Троцкого и его союзников выступили Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев и другие авторы.

В партии было принято время от времени дискутировать, чтобы «выяснить мнение масс» (разумеется, коммунистических). Поскольку X съезд запретил партии и группировки, дискуссии объявлялись специально, чтобы их участники не боялись прослыть фракционером. Но, поскольку позиция большинства Политбюро тоже выносилась на обсуждение, то большинство коммунистов не рисковали «плевать против ветра» и спорить с мнением руководства. Противопоставив свою позицию большинству Политбюро, Троцкий показал, что он — «не руководство». Его рискнуло поддержать только идейное радикальное меньшинство партии. Так теперь будет всегда. Но это не значит, что оппозиции сочувствовало ровно столько людей, сколько за нее голосовало. И стоило ситуации измениться, молчаливая масса скрытых троцкистов могла выйти из тени. Сталин не переставал учитывать это обстоятельство.

Но если партийное «болото» пассивно, хотя и с интересом наблюдало за ходом дискуссии, часть партии боролась против троцкизма с огоньком. В конце 1923 г. против Троцкого сплотились разнородные социально — политические силы. Это были и последовательные сторонники расширения рыночных отношений на основе НЭПа, впоследствии известные как «правые» (Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский) и примыкавшие в это время к ним Ф. Дзержинский и М. Калинин. За ними стояла масса трудящихся (по долгу службы их интересы отстаивали прежде всего «всесоюзный староста», глава Советских органов Калинин и глава профсоюзов Томский), большинство спецов, надевавшихся на постепенное возвращение большевизма к эволюционному пути через капитализм в сторону социализма (их влиянию были подвержены такие руководители, как Рыков и Дзержинский). Для этих социальных слоев революционная фразеология Троцкого грозила новыми потрясениями, от которых страна устала. Бухарин был настроен против Троцкого как идеолог против идеолога — их стратегия развития НЭПа была действительно различной, что станет очевидно позднее. Дзержинский видел в Троцком возможного диктатора, будущего «Бонапарта» и «могильщика революции». Зиновьев, Каменев и Сталин не любили Троцкого лично, как выскочку, пришедшего в партию «на готовенькое», а теперь претендующего на роль ее стратега и лидера, на развитие идей их учителя Ленина. Руководителей партии раздражало стремление оппозиционеров рассуждать о стратегии, критиковать курс, вместо того, чтобы выполнить порученное дело. Так, письмо 46-ти, подписанное Пятаковым, критиковало политику ЦК за отсутствие эффективного управления трестами. Каменев напомнил, что назначая Пятакова в ВСНХ, ему сказали: «твоя задача — собрать разлетевшихся птичек, тресты. После этого т. Пятаков приходит и говорит: не только эта задача не разрешена, но и не

поставлена»⁸⁷. В набросках речи Каменев еще более раздражен: «Споткнулись. Шишка. Мальчик. Не понимает кризиса»⁸⁸. Этот мальчишка Пятаков не понимает причин кризиса и споткнулся, набил себе шишку. Но Троцкий — не мальчишка, он считает себя вправе вмешиваться в любой вопрос, указывать на недостатки, часто — задним числом. Каменев иронизировал: «как бы выдумать рецепт быть „умным“ не после конца квартала, а до него? Вот бы дать задачу придумать этот рецепт Госплану и применить его к Троцкому»⁸⁹.

Против Троцкого было настроено большинство большевистской бюрократии, опасавшейся его стремления «обновить» кадры и ограничить власть «назначенцев» с помощью выборов руководителей «некомпетентной массой». Зато лозунги Троцкого пользовались популярностью среди коммунистической интеллигенции, студентов, военных, некоторой части беднейших слоев населения, которая успела вникнуть в ход дискуссии. Конечно, это социальное разделение не было жестким. Троцкого поддерживала часть спецов, увлеченная его демократической риторикой и поддержкой планирования хозяйства. Против Троцкого выступали и молодые коммунистические кадры, и военные. Многие определялись и личными взглядами человека, его склонностью к спорам (у многих сам факт дискуссии, отвлекавшей от работы, вызывал раздражение), лояльностью к власти, карьеризмом, прошлым: с кем вместе служили во время гражданской войны, кто кого обидел, а кого продвинул на высокий пост.

«„Новый курс“ Троцкого развязал языки в коммунистических ячейках вузов (высших учебных заведений), и критика направилась прежде всего на обличение „нэповского перерождения“ высших партийных руководителей, — вспоминал Н. Валентинов. — Критика аппарата пошла в вузах гораздо далее, чем того хотел Троцкий. Можно было услышать речи на тему, что у нас нет ни малейшей свободы печати, что газету „Правда“ лучше назвать „Кривдой“, что в СССР царит не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом. Резкая критика аппарата велась не только в ячейках вузов, а в ячейках охраняющего режим Народного комиссариата внутренних дел, в ячейках военной академии, штаба Московского военного округа, управления военных сообщений, авто — броневой дивизии, эскадрона танков, бронепоезда и так далее, т. е. в области, подведомственной Троцкому в качестве председателя Военного Совета Республики. Это следование военных ячеек за Троцким особенно пугало или было неприятно Политбюро»⁹⁰. Члены ЦК партии выезжали на заводы, в учебные заведения и воинские части. И впервые с 1921 г. говорили вразнобой.

Встречи с партийными лидерами были в то время обычным делом. Партийный актив, интересующийся происходящим, собирался послушать, какова нынче «линия партии». Коммунисты задавали своим руководителям вопросы, посылали записки, иногда язвительные и сердитые. От умения быстро и остроумно ответить зависел не только авторитет лидера, но и авторитет партийной линии. От слов вождей зависело,

⁸⁷ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.13.

⁸⁸ Там же, Д.16, Л.2.

⁸⁹ Там же, Д.27, Л.55.

⁹⁰ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.125–126.

как коммунисты будут отстаивать их позицию в рабочих массах. Конечно, теперь, когда у ВКП(б) не было конкурентов в лице эсеров и меньшевиков, контролировать сознание рабочих масс было легче. Но вот партийная линия вдруг стала «двоиться». Это было интересно для массы рядовых коммунистов и в то же время опасно — спор мог выплеснуться за пределы партийной аудитории, и тогда коммунистов стали бы «судить» народные массы. А их пускать в политику было нельзя, они были «мелкобуржуазными» или «пропитанными мелкобуржуазным влиянием» (так говорилось о рабочих, не состоявших в партии) — то есть могли поддержать не одну из большевистских фракций, а кого — то третьего. Это было недопустимо для РКП(б), свою монополию на власть она выиграла как приз в кровопролитной гражданской войне, только себя коммунисты (включая почти всех оппозиционеров) считали способными привести страну к социализму. Что бы ни говорил Троцкий, он нарушал единство, создавал щелочку, в которую могли проникнуть народные массы: «внепартийная демократия постучала к нам, к партии в двери, откуда еще коммунистическим пальцем»⁹¹, — комментировал выступление Троцкого Каменев.

Поэтому на собраниях, в которых участвовали не только коммунисты, последние держались заедино. И только между собой пока спорили. Споры эти напоминали митинги времен революции, на которых коммунистическая масса была воспитана. Вожди блистали речами, а рядовые члены бросали реплики, на которые выступающие более или менее остроумно отвечали. Часто слушали не то, что говорит оратор, а как он говорит. И еще было важно «кто» говорит. Ленин приковывал внимание как вождь революции, Троцкий — как вождь Красной Армии, но в отсутствие известных людей из центра первую скрипку играл секретарь партячейки. Лидеры оппозиции, многие из которых были блестящими ораторами, не могли объехать все партячейки и победить на всех ораторских состязаниях, а местное начальство получало директивы из секретариата ЦК, то есть от Сталина. В провинции это был практически единственный источник информации о происходящем. Понятно, что оппозиция не имела там шансов на успех. При этом оппозиционерам запрещалось пользоваться официальными каналами для распространения своих взглядов. Работа Л. Серебрякова (кстати, бывшего секретаря ЦК) по координации выступлений оппозиционеров была заклеена как фракционная — в партии только органы ЦК могли что — то координировать. А они координировали борьбу с оппозицией. Перевес в «административном ресурсе» помог «триумvirату» Зиновьева, Каменева и Сталина победить больного Троцкого и его сторонников. В Москве оппозиция получила поддержку около трети коммунистов, несмотря на отсутствие возможностей развернуть широкую агитацию в провинции оппозиционеров поддержала значительная часть коммунистов в Рязани, Пензе, Калуге, Челябинске, Симбирске, Юзовке, Иваново — Вознесенске. Но каждый раз партийное большинство оставалось за большинством Политбюро, и на партийную конференцию были избраны считанные оппозиционеры.

Однако накануне партконференции, которая должна была подвести итоги дискуссии, уже достаточно ясные, в борьбу вмешалась «третья сила». 27 декабря 1923 г. начальник Политуправления РККА, то есть представитель партии в армии В. Антонов — Овсенко, направил в ЦК разгневанное письмо, в котором говорил о тех большевиках, которые пока молча наблюдают межфракционные склоки, но «их голос

⁹¹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.1.

когда — нибудь призовет к порядку зарвавшихся „вождей“ так, что они его услышат, несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту»⁹². Кто эти «молчаливые большевики»? С. Т. Минаков считает, что Антонов — Овсенко имеет в виду «красноармейские шинели»⁹³.

Поводом для письма главного военного комиссара накануне конференции стал арест его офицера, позволившего себе поспорить с Зиновьевым. Но это была «последняя капля». Антонов — Овсенко считал, что именно армия может стать гарантом единства партии при сохранении в ней множественности мнений. Спорьте, но не уничтожайте друг друга. Начальник ПУРа разослал циркуляр, в котором объявил о сборе конференции парторганизаций военных училищ в феврале (то есть после конференции всей партии, решения которой, таким образом, не признавались окончательными) и приступил к консультациям с партийными лидерами. Антитроцкистская фракция была серьезно обеспокоена возможным вмешательством армии во внутрипартийную борьбу, тем более, что Троцкого поддерживали парторганизации многих частей Московского гарнизона и военными училищами. По столице носились слухи о возможности военного переворота, который могут совершить троцкисты.

Однако Антонов — Овсенко не считал себя сторонником Троцкого, но он возмущался нападками на него: «я не фракционер; а у большинства Политбюро, как и у Троцкого, я вижу этот фракционный уклон»⁹⁴, — писал он Дзержинскому. «Антонов — Овсенко выражал не интересы Л. Троцкого и не интересы Г. Зиновьева или И. Сталина. Он выражал интересы самостоятельной политической силы, заявившей о себе в этой политической борьбе, — интересы Армии»⁹⁵.

В Москву срочно прибыл командующий Западным фронтом М. Тухачевский. Еще два месяца назад все его мысли были о вторжении в Германию. Но дерущиеся политики сорвали это вторжение. Все старые конфликты с политическими руководителями лишь усиливали недовольство. Как и во времена Французской революции, которая во многом была для большевиков «моделью поведения», политики мешали военным одерживать победы.

Проанализировав доступные источники, С. Т. Минаков приходит к выводу: «„зеркало“ мнений многих близких людей, в которое в разное время с доверием „вглядывался“ М. Тухачевский, стремясь „узнать“ и „прочитать“ себя, отражало „Наполеона“»⁹⁶.

Тухачевский переговорил о ситуации с Антоновым — Овсенко и видными троцкистами Радеком и Пятаковым. С. Т. Минаков считает, что все зависело от приказа Троцкого (на который он не решился), «М. Тухачевский мог выполнить лишь

⁹² «Известия ЦК КПСС». 1991. № 3. С.208.

⁹³ Минаков С. Т. Советская военная элита 20–х гг. Орел, 2000. С.366.

⁹⁴ Большевицкое руководство. Переписка. С.292.

⁹⁵ Минаков С. Т. Ук. соч. С.366.

⁹⁶ Там же, С.201.

функцию „шпаги“»⁹⁷. Но у Троцкого и без Тухачевского была шпага — войсками Московского округа командовал Н. Муралов, в то время как «шпага» Тухачевского находилась далеко от Москвы — в Смоленске. Но без согласия Тухачевского на нейтралитет переворот был невозможен — раскол партии мог привести к гражданской войне. А Тухачевский, как и Антонов — Овсенко, играет свою игру, претендуя на роль арбитра. Окончательная победа Троцкого также нежелательна для него, как и окончательная победа Сталина.

Сталин не забыл Тухачевскому его переговоров с троцкистами. Однако он помнил, и то, что Тухачевский фактически отказал Троцкому в поддержке. Этим противоречием определяются непростые отношения Сталина и Тухачевского на протяжении многих лет.

Приезд Тухачевского окончательно лишил Троцкого шанса опереться на армию. Но, к разочарованию военных «арбитров», большинство Политбюро не оценило их позицию. Антонов — Овсенко был снят с поста на партийной конференции. Разочарованный Тухачевский 23 января уехал к себе в Смоленск, даже не оставшись на похороны скончавшегося в это время Ленина. В марте сторонник Троцкого Э. Склянский был заменен на посту заместителя председателя Реввоенсовета внефракционным большевиком М. Фрунзе. В армии разворачивается реформа, связанная с перетряской кадров и сокращением численности войск. Одним из эпизодов этой реформы стала отставка Тухачевского с поста командующего фронтом (вероятно, для этого его пришлось даже на время взять под стражу)⁹⁸, который затем был упразднен. Руководители СССР не собирались в ближайшее время воевать, они начали строить социализм в одной стране.

Итоги дискуссии с Троцким были подведены на XIII партконференции 16–18 января 1924 г. С докладом выступил Сталин. «Большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату»⁹⁹, — воздвигает Сталин пограничный столб, отделяющий сталинизм от троцкизма. Аппарат — это не бюрократия, а лучшие люди партии, ее выборные органы. Чиновничество теперь будет прятаться за выборными органами, подбирая их состав. А воля выборных органов будет определяться большинством Политбюро. Оно выпускает документы от имени ЦК партии. И если Троцкий не согласен с большинством партийной олигархии, он действует против ЦК, против партии. Иная точка зрения, по мнению Сталина — это «бесшабашный анархо — меньшевистский взгляд». Нет, Троцкого еще нельзя «ставить на одну доску с меньшевиками». Пока. Но Сталин напоминает, что Троцкий вчера еще боролся «с большевизмом рука об руку с оппортунистами и меньшевиками»¹⁰⁰. Так что не ему учить большевистскую гвардию.

Сталин вопрошал зал: «существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, которому законы не писаны... Нельзя проводить две дисциплины: одну

⁹⁷ Там же, С.368.

⁹⁸ Там же, 377–383.

⁹⁹ Сталин И. Соч. Т.6. С.15.

¹⁰⁰ Там же, С.16–17.

для рабочих, а другую — для вельмож»¹⁰¹. Троцкий — не борец за демократию, а кандидат в сверхчеловеки, раскольник и нарушитель партийной дисциплины.

Не бюрократизация, а фракционность, раскольниковство — главная опасность. Троцкий выводит фракционные споры из произвола партийного аппарата, который не позволяет разногласиям свободно разрешаться. Сталин возражает: «Это немарксистский подход, товарищи. Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства...» В стране есть и капитализм, и государственное хозяйство, в партии состоят представители разных социальных слоев. «Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из партии известные элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическим путем обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать идейным путем»¹⁰². Сталинский взгляд на эту проблему был глубже и страшнее троцкистского. Партия, обладающая монополией на власть, подвергается давлению со стороны разных социальных групп. И она не должна поддаваться этому давлению. Она должна быть «монолитной организацией, высеченной из единого куска»¹⁰³, чтобы ликвидировать противоречия в обществе, и превратить в его коммунистический монолит. Проводниками чуждых влияний являются группировки. Разногласия, возникающие на почве любых идейных споров — это основа для растаскивания партии в разные стороны. Конечно, лучше товарищей убедить. Но если они упорствуют — хирургический путь, отсечение сначала от руководства, а потом и от партии.

Для большевиков этот сталинский подход был в диковинку. При Ленине они привыкли спорить. Ленин, который был остроумным полемистом и теоретически возвышался над своей «старой гвардией», создал в партии традицию споров, которые заканчивались его, Ленина, решением. Это позволяло ему лучше контролировать ситуацию, выяснять мотивы недовольства, давало возможность соратникам генерировать идеи. То, что не принимал Ленин, не принимали и партийные съезды. Партийное единство сохранялось. Но инакомыслящих не наказывали, они не боялись споров. Ленин был готов «топнуть ногой», в решающие моменты запретить группировки, но при дефиците преданных большевизму кадров он не разбрасывался ими.

Теперь, без Ленина, такого «верховного судии» у партии не было. Зато в партию начался приток карьеристов, которые могли выполнять бюрократические функции и заменять идейных большевиков. Подчинение становилось большей добродетелью, чем генерирование идей. Новые идеи могли стать источником долгосрочных разногласий — вожди не могли убедить друг друга и не считали, что кто — то имеет право на последнее слово. «Воля партии», выраженная съездами и конференциями, была фальсифицирована аппаратом, и поэтому заставляла оппозиционеров подчиняться только формально, не убеждая их. В этих условиях требовался иной партийный режим. Вместо многообразия мнений в рамках большевистской доктрины — монолит. Для руководящей работы не годятся творческие люди, которые привыкли спорить, для

¹⁰¹ Там же, С.14.

¹⁰² Там же, С.22.

¹⁰³ Там же, С.23.

кого обновление идей — стиль жизни. Победа Троцкого в 1923 г. означала бы сохранение ленинского режима в партии хотя бы потому, что он был склонен к обновлению идей и любил полемику. Но эти порядки в партии не соответствовали характеру бюрократического режима, который создали большевики в стране. С Троцким во главе этот режим не был бы устойчивым из — за противоречия между режимом в партии и в стране. Сталин с его стремлением к организованности и монолитности придавал системе должную органичность. Но привыкшие к дискуссиям с Лениным большевики не признавали право Сталина менять режим, они понимали полезность дискуссий, в то время как генсек понимал их опасность для диктатуры в новых условиях. Понимал он и опасность лично для себя, потому что его сила (как и сила компартии, как и предполагавшаяся сила коммунизма) была в централизованной организации, а не в полемических упражнениях. Это противоречие было непримиримым.

При этом сила Сталина была в монолитности его мировоззрения. Гениальность Ленина предполагала однозначность его догматов. Будучи большевиками, оппозиционеры тоже признавали эту гениальность. И Сталин задавал вечным спорщикам убийственный вопрос: «почему Преображенский не только в период Брестского мира, но и впоследствии, в период профдискуссии, оказался в лагере противников гениальнейшего Ленина? Случайно ли все это? Нет ли тут некоторой закономерности?» Преображенский с места крикнул: «Своим умом пытался работать». Ах, так. Сталинский ответ полон сарказма: «Это очень похвально, Преображенский, что вы своим умом хотели работать. Но смотрите, что получается: по брестскому вопросу работали вы своим умом, и промахнулись; потом при дискуссии о профсоюзах опять работали своим умом и опять промахнулись; теперь я не знаю, своим ли вы умом работаете, или чужим, но ведь опять промахнулись будто»¹⁰⁴. Смех в зале. Партийные делегаты смеялись над Преображенским, который работал своим умом, а не умом вождей. И поделом. Потому что большевики — оппозиционеры всегда по завершении дискуссии признавали правоту Ленина, даже в тех случаях, когда не были в ней уверены. И потом снова шли полемизировать. Сталин не был терпим к этой страсти к спорам.

В первой половине 20-х гг. Сталин еще не собирался уничтожать завсегдаев партийных группировок, но уже пришел к выводу об их неисправимости. Раз поведение оппозиционеров закономерно, на них уже нельзя положиться, и они должны быть отсечены от руководства и трудоустроены где — то в среднем звене управления, как спец. А партийное руководство должно состоять из тех, кто подчиняется быстро согласовываемым решениям. «Руководящее ядро» должно быть монолитным. Это был сталинский новый курс.

Но генсек понимал, что реализовать свои идеалы он сможет только постепенно, только шаг за шагом. Слишком различны были партия по Ленину и партия по Сталину. Конференция приняла резолюцию «О партстроительстве», основанную на декабрьском компромиссе с Троцким. Она осуждала «бюрократизацию партийных аппаратов и возникающую отсюда угрозу отрыва партии от масс», провозгласила свободу дискуссий без образования фракций. Осуждалась реакция на критику как проявление фракционности, превращение утверждения секретарей парторганизаций в

¹⁰⁴ Там же, С.35.

их фактическое назначение (секретари должны были избираться)¹⁰⁵. После этой ложки меда для оппозиции следовала большая бочка дегтя. «Новый курс» Троцкого был объявлен «фракционным манифестом», с которого началась «небывалая еще в истории нашей партии кампания против ЦК»¹⁰⁶ (хотя как раз против ЦК Троцкий ничего не писал). Взгляды оппозиции были объявлены «мелкобуржуазным уклоном»¹⁰⁷. Резолюция показала всей партии — Троцкий не является вождем и стратегом, он уклонист. Но как ценного работника партия оставляет его в своих руководящих органах. Оппозиционеры были возмущены — приняв их предложения, партия их же и заклеила.

Выступление Троцкого и его союзников было во многом навеяно последними статьями Ленина, особенно их антибюрократическими и антисталинскими фрагментами. Несмотря на свою болезнь, Ленин интересовался происходящим, тем более, что в середине 1923 г. ему стало немного лучше, а в октябре он даже посетил Москву. 19–20 января Крупская прочитала Ленину резолюции партконференции с разгромными характеристиками выступления Троцкого. 21 января Ленину внезапно стало значительно хуже. Нового удара он не перенес и вечером скончался. Исчезло последнее серьезное препятствие на пути сталинского нового курса.

Без Ленина

Руководство партии стремилось извлечь все возможные выгоды из смерти Ленина. Его тело было помещено в мавзолей на вечное хранение. Оно стало предметом фактически религиозного поклонения. Был объявлен ленинский призыв в партию. С нарушением обычных правил приема в нее набирались сотни тысяч новых членов. Если Ленин считал чрезмерной численность в 300–400 тыс. человек, то к концу 1925 г. эта численность превысила миллион. В партию пришла огромная масса людей политически неопытных, мечтающих об административной карьере, которой помогал партбилет. Новобранцы становились опорой бюрократической фракции. Они не знали старых вождей и боялись вникать в суть партийных дискуссий. Четверть членов партии были неграмотными, и только менее процента — имели хотя бы незаконченное высшее образование. Политические вопросы основной массе партийцев нужно было разьяснять «на пальцах», и Сталин умел это делать гораздо лучше, чем Троцкий.

Троцкий отсутствовал на похоронах Ленина. Для лечения он выехал в Сочи. Когда весть о смерти Ленина достигла его, Сталин сообщил Троцкому, что на похороны он все равно не успевает. Позднее Троцкий обвинил Сталина в обмане — похороны прошли не так быстро, и Троцкий мог успеть. Зато теперь его можно было обвинить в пренебрежительном отношении к памяти Ленина. Одной из обвинительниц станет жена Ленина Н. Крупская. Но сразу после смерти Ленина она направила Троцкому телеграмму, в которой подчеркивала близкие отношения двух

¹⁰⁵ КПСС в резолюциях... С.146–149.

¹⁰⁶ Там же, С.154.

¹⁰⁷ Там же, С.156.

революционеров.

Весной 1924 г. к активной работе вернулся Троцкий. «Он узнает, что сочувствующие ему ячейки высших учебных заведений разгромлены, в том числе ЦК комсомола, ряд лиц из оппозиции перемещены из столицы в провинцию, в военных ячейках произошла чистка, начальник ПУРа Антонов — Овсеенко снят со своего поста... Троцкий решает на предстоящем съезде радикально изменить свое поведение, высказать послушание решениям руководства партии, желание с ним примириться»¹⁰⁸, — рассказывает Н. Валентинов.

Своего рода капитуляцией Троцкого стало его выступление на XIII съезде партии: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая поговорка: „Права или не права, но это моя страна“. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: „Права или не права в отдельных частных, конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия“»¹⁰⁹.

«Непонятно, как мог держать такую идолопоклонническую речь Троцкий! Не он ли четыре месяца перед этим в своем „Новом курсе“ показывал неправоту партии, ее гниение, вырождение ее руководителей, их презрение к свободе мнений, гнусность их обращения с партийной массой, засилие „аппарата“, разложение партии ядом бюрократизма и прочее, и прочее? Выступив против партии с оскорбительными обвинениями, Троцкий поспешил отбежать назад»¹¹⁰ — комментирует Н. Валентинов. Троцкий не выступал против партии. Партия как церковь. Грехи ее клира не компрометируют партию. Троцкий отмежевывается не от партии, а от самой возможности действовать в интересах внепартийных лоббирующих групп.

Позднее Троцкий так оценит ситуацию этого времени: «Начиная с 1923 г. партия искусственно растворялась в полусырой массе, призванной играть роль послушного материала в руках профессионального аппарата»¹¹¹. Впрочем, в 1924 г. он радовался этому обстоятельству вместе с другими руководителями партии: «Тот метод демократии, который нашел свое выражение у нас, когда рабочий класс на известном этапе своего пути, подсчитавши каким — то очень тяжеловесным массовым способом итоги работы партии за целый ряд лет, поднял на своих плечах 200–300 тысяч человек и передал их партии, — мы должны и имеем полное право сказать, что этот метод демократизма неизмеримо, бесконечно выше того демократизма, когда население страны формально обязано при диктатуре буржуазной печати, при диктатуре буржуазного класса класть свои записки в урны»¹¹².

В этом иллюзорном представлении о демократии, в этой вере, что демократия

¹⁰⁸ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. С.46.

¹⁰⁹ XIII съезд Российской коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1963. С.158.

¹¹⁰ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.138.

¹¹¹ Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.213.

¹¹² XIII съезд Российской коммунистической партии (б). С.157.

возможна только через одну партию, их партию — трагедия большевизма. Объявив террор другим политическим течениям, большевики начали свое восхождение на эшафот. Но в 1924 г. они об этом еще не догадывались. XIII съезд партии, проходивший в мае 1924 г., знаменовал собой единство коллегиального руководства.

Примирительный тон Троцкого не спас его от унижений. Сталин еще раз разобрал «ошибки Троцкого» и даже добавил одну новую — партия может ошибаться. Бывали случаи, когда Ленин расходился с партийным большинством и был прав. Что же, Троцкий учтет это замечание.

К новым столкновениям с ним готовилось и большинство Политбюро. В августе, несмотря на собственные разногласия, Сталин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Бухарин, Калинин, Ворошилов, Рудзутак, Микоян, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Дзержинский и др. договорились действовать вместе, объявили себя «руководящим коллективом» и избрали свой исполнительный орган — «семерку», в составе всех членов Политбюро кроме Троцкого, а также председателя ЦКК Куйбышева. Это была классическая фракция, создавать которую запретил X съезд. Но в отличие от группы Троцкого «фракция ленинцев» (как иногда называли себя члены «руководящего коллектива») была секретной. Ее члены принимали решения заранее, а потом утверждали их на Политбюро независимо от того, что считает Троцкий. Впереди были новые фракционные схватки.

Заготовка хлеба в 1924 г. была тяжелой — неурожай. План был выполнен только на 86 %. НЭП не мог преодолеть «ножницы». Промышленность была по — прежнему нерентабельной, и к тому же восстанавливалась медленно. В 1922 г. уровень промышленного производства составил 21 % довоенного, в 1923 г. — 30 %, 1924 г. — 39 %. И это восстановление требовало большой нагрузки на крестьян. Чтобы повысить рентабельность промышленности, председатель ВСНХ Дзержинский считал, что снизить промышленные цены можно с помощью увеличения производительности труда и всемерной экономии. Но бюрократическое управление было неэффективно, новой техники на предприятиях не было, восстановление металлопромышленности только началось. Поэтому выполнить эти задачи можно было только за счет более интенсивной эксплуатации рабочих, жизненный уровень которых, если учесть систему социального обеспечения СССР, приблизился к довоенному. Этим и оправдывалась кампания за повышение производительности труда. Но уровень жизни царской России был явно недостаточным для обеспечения социальной стабильности — малейшее его понижение грозило новыми социальными взрывами. Наступление на рабочий класс вызвало критику со стороны оппозиционных коммунистических группировок («Рабочая правда», «Рабочая группа», бывшие группы «Демократического централизма» и «Рабочей оппозиции»). Ветераны — коммунисты из рабочих требовали самоуправления на производстве и широкой демократии в стране. «Рабочая правда» призывала к созданию новой рабочей партии. «Рабочий класс влачит жалкое существование в то время, как новая буржуазия (так называемые ответственные работники — директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картины жизни буржуазии всех времен»¹¹³. Коммунистическая верхушка была раздражена обвинениями в буржуазном перерождении. Старый большевик Г. Мясников за распространение оппозиционного манифеста и создание «Рабочей группы» был даже

¹¹³ РГАСПИ, Ф.17, Оп. 71, Д.81. Л.2.

арестован. В манифесте говорилось: «неужели НЭП уже обращается в „НЭП“, т. е. Новую Эксплоатацию Пролетариата»¹¹⁴. В качестве лекарства предлагалось расширение демократии, в том числе — на производстве. Рабочие должны были взять управление предприятиями в свои руки через Советы. Но не нынешние бюрократизированные Советы, а новые — свободно избранные. «Советы рабочих депутаты на заводах умерли. Да здравствуют Советы рабочих депутатов!»¹¹⁵ Идея производственного самоуправления была популярна на заводах, что вызывало беспокойство большевистских лидеров.

Не только оппозиционеры, но и подчинявшиеся ЦК коммунисты были недовольны, что в «государстве рабочих» растет социальное неравенство. Зарплата рабочего была в пять раз меньше зарплаты советского министра. Местные руководители сигнализировали: «Когда рядовой член ячейки, работающий у станка, видит, что секретарь Губкома платит в комиссию по улучшению быта коммунистов 35 золотых рублей и членский партвзнос — 5 рублей зол., а у него — рядового члена партии, работающего у станка, все заработанное месячное жалование составляет максимум 25–30 рублей золотом. Отсюда — невольно он начинает думать о „верхах“ и „низах“, о вопиющем неравенстве и т. д. ...Потрудитесь, тов. Сталин, поручить надежным товарищам побывать в гуще не только рабочих, но и партийной массы, да пусть эти товарищи не покажут вида, что они из центра»¹¹⁶, — писал генсеку секретарь Полтавского обкома Б. Магидов. Это грозное письмо Сталину понравилось — Магидова выдвинули в ЦКК. Но проблема осталась нерешенной. Недовольство рабочего класса новой властью, обещавшей ему улучшение жизни, да обманувшей — это страшная угроза. В январе 1925 г. кампания за повышение производительности труда вызвала волну стачек.

Для спецов, которые не тешили себя иллюзией «государства рабочего класса», более интенсивная эксплуатация рабочих была вполне оправданной, так как жизненный уровень рабочих почти достиг довоенного, а производительность труда — нет. Но и существующий уровень жизни горожан обеспечивался за счет эксплуатации крестьян — через налоги и заниженные цены на сельхозпродукцию.

Классовые противоречия нарастали. Кому уступать, а чьи претензии отвергать? НЭП тянул правящую партию, как лебедь, рак и щука телегу.

Механизмы социального давления на партию были сложны и разнообразны. Крестьянство давило прежде всего реакцией на меры государства — больше или меньше продовольствия отвезти на рынок, больше или меньше земли засеять. Крестьяне отправляли послания в государственные органы, участвовали в беседах с представителями партии и государства, приезжавшими в деревню, чтобы прислушаться к голосу народа. Более активно крестьянская глубинка общалась с местными руководителями, которые, в свою очередь сносились с центром. Голоса крестьянства были разнообразны — здесь слышались и слова крепких хозяев в поддержку НЭПа, и протесты беднейших слоев, не сумевших или не желавших наладить хозяйство несмотря на все привилегии. Еще активнее вел себя рабочий класс

¹¹⁴ РГАСПИ, Ф.17, Оп. 71, Д.4, Л.2.

¹¹⁵ Там же, Л.14.

¹¹⁶ Большевистское руководство... С.282–285.

— «гегемон» все таки. Несмотря на усталость от манифестаций, рабочие в случае надобности собирались на митинг, который мог перерасти в забастовку. Сеть коммунистических ячеек пронизывала рабочий класс плотнее, чем крестьянство, и коммунисты — рабочие также сигнализировали о недовольстве, предлагали решения. Еще большим влиянием пользовались слои элиты — партийная и государственная бюрократия, офицерство и интеллигенция. Каждый из этих слоев подразделялся на коммунистические кадры и спецов. Взгляды их были различны, но спецы неустанно пропагандировали коммунистов. Иногда из частных интеллектуальных побед спецов над большевистскими догмами складывались стратегические представления руководителя. Иногда коммунисты не позволяли менять свои взгляды, жестко указывая советникам на их место в «разделении труда» — заниматься деталями, выполнять указания, даже если они кажутся абсурдными.

Большинство небольшевистской интеллигенции рассчитывало на «термидор», возвращение страны к «нормальному пути развития». Эту мысль наиболее ясно выразил эмигрантский публицист Николай Устрялов. Он уже в 1920 г. высказал идею о том, что логикой вещей, как и во время Французской революции, большевизм будет эволюционировать от радикального революционного якобинизма к военно — бюрократической бонапартистской диктатуре, опирающейся на нормальные буржуазные отношения и твердый правовой порядок. Устрялов приветствовал такую перспективу, называя себя национал — большевиком и ожидая, что новый бонапартизм превратит Россию в сверхдержаву. Но для идей большевизма это было страшное предсказание «термидора», перерождения революции.

Идеи национал — большевизма, проповедуемые эмигрантским сборником «Смена вех», были широко распространены среди спецов. Спецы были готовы способствовать термидору, но большинство было привержено демократии, а не державности, и перспектива дальнейшего сползания к бонапартистской диктатуре их не радовала. Имея собственную позицию, спецы отстаивали ее в бесконечных беседах между собой и с коммунистическими начальниками.

По привычке к политической деятельности спецы создавали многочисленные кружки, в которых негласно обсуждали положение. Одним из таких кружков была «Лига объективных наблюдателей», о которой мы знаем из воспоминаний эмигрировавшего его члена Н. Валентинова. Если бы Валентинов не уехал, а, подобно многим своим коллегам признался в 30–е гг. в участии оппозиционной организации, то сегодня было бы принято считать Лигу выдумкой советских карательных органов. Но она существовала (как существовали и другие кружки, которые большевикам удалось раскрыть и приписать им страшные преступления). В 1927 г. Валентинов заболел, и перестал участвовать в работе Лиги. Он счел, что она прекратила свое существование. Но никаких доказательств этого нет. Мешают поверить в самоликвидацию оппозиционного кружка как взгляды его членов, так и трагическая судьба некоторых из них (не все имена Валентинов раскрывает).

Лига не была просто кругом друзей, это были люди с политическим опытом, убежденные социал — демократы, и вскоре они составили программный документ своей «партии» — «Судьбы идей Октябрьской революции», в котором выражали надежды о возвращении большевиков на эволюционный путь к социализму. Должна ли была Лига пассивно наблюдать этот процесс, или помогать ему? «Как выразился

один член нашего кружка, „мы заразим их, большевиков, нашей культурностью“»¹¹⁷, — вспоминает Валентинов.

Во время партийных дискуссий Лига решала, на чью сторону встать. Один из участников Лиги выступал в поддержку Троцкого: «нужно отдать себе отчет, какая организация этой партии более желательна, более выгодна для страны и для нас, демократов и социалистов... Если бы демократизм, как его прокламирует Троцкий, действительно установился бы в партии, он неизбежно перешагнет через его пределы...»¹¹⁸ Другие возражали, считая Троцкого кандидатом в диктаторы, а политику его противников — в большей степени соответствующей эволюционному пути, за который выступали и выступают социалисты.

Может быть, речь идет об узкой группе интеллигентов, от которых ничего не зависит? И пусть бы себе спорили, как интеллигенция 60–70-х гг. на своих кухнях. Но, во — первых, участники кухонных клубов потом активно участвовали в свержении коммунистического режима во время Перестройки, а, во — вторых, и в клубах 20-х гг. участвовали люди весьма влиятельные. Так, в Лигу наблюдателей входил В. Громан — член Госплана и фактический руководитель составления первых планов экономического развития СССР. «Бывшие» социалисты (меньшевики и эсеры) занимали немало ключевых постов в среднем звене управления советским хозяйством. Валентинов указывает на «исключительно влиятельное положение, занятое в ВСНХ при Дзержинском пятью беспартийными, пятью бывшими меньшевиками, а из них никто не сделал даже малейшей попытки вступить в коммунистическую партию, хотя на этот счет им делались предложения. Очень важное место в Главном экономическом управлении ВСНХ занимал А. М. Гинзбург, в отделе торговой политики — А. Л. Соколовский, в финансовом отделе — А. Б. Штерн, в статистике ВСНХ — ее начальник Л. Б. Кафенгауз, а на посту фактического редактора органа ВСНХ „Торгово — промышленной газеты“, — пишущий эти строки»¹¹⁹.

Лига наблюдателей — только одна из многих групп, продолжавших обсуждать политические вопросы, вырабатывать свое мнение и готовиться к активному участию в политической жизни в случае кризиса большевистской власти или допущения им демократии. Судя по количеству людей, которых революции начала века пробудили к политической жизни, эти группы были более многочисленны, чем кружки, существовавшие в Российской империи до 1905 г. Но и тех хватило, чтобы обеспечить народное движение лидерами.

Некоторые из этих групп будут потом раскрыты ОГПУ и НКВД, некоторые — нет. Сталин решит проблему в принципе, не вдаваясь в подробности и разрешая фальсифицировать конкретные обвинения, когда нельзя доказать вину по всем правилам «буржуазного права». Но история с Лигой наблюдателей доказывает, что процессы над интеллигенцией, прокатившиеся в конце 20-х — начале 30-х гг. были фальсифицированы лишь в своей «уголовно — шпионской» составляющей, призванной скомпрометировать инакомыслящих. Но сами разоблаченные «партии» существовали, имели свою идеологию и оказывали воздействие на общество.

¹¹⁷ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.57.

¹¹⁸ Там же, С.132.

¹¹⁹ Там же, С.205.

Сообщество спецов — важнейший элемент гражданского общества, унаследованный от времен многопартийности.

Но ядром политической системы была партийная бюрократия. Бюрократический монополизм породил совершенно неэффективную систему управления. Ф. Дзержинский писал: «Из поездки своей... я вынес твердое убеждение о непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений..., губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные средства и силы»¹²⁰.

Добившись политической стабильности, бюрократия стремилась наслаждаться жизнью. «Вы не отдаете себе полного отчета в том вырождении, которое потерпела партия. Подавляющее большинство ее, во всяком случае — решающее большинство — чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или в событиях международной революции»¹²¹, — жаловался Троцкому его товарищ А. Иоффе. Такая бюрократия была идеальной средой для идеологического воздействия со стороны спецов и финансового со стороны нэпманов. Надежды на скорую мировую революцию сменялись стремлением обустроить жизнь в своей стране.

Стратегические дискуссии

В 1923 г. Коминтерн потерпел крупное поражение в Германии. На 23 октября готовилось восстание. В страну были переброшены деньги и оружие, компартия подготовила для переворота штурмовые отряды. Но в последний момент лидеры КПП и прибывшие из Москвы эмиссары Коминтерна Г. Пятаков, К. Радек и др. решили, что восстание недостаточно подготовлено, и дали отбой. Весть не дошла до Гамбурга, где восстание вспыхнуло и было подавлено. Гамбургская организация коммунистов была разгромлена, да и в целом по стране их позиции ослабли. Лидеры партии обвиняли друг друга в этом провале, КПП оказалась на грани раскола. У вождей Коминтерна, и прежде всего советских, тоже не было единства мнений. Сталин считал отмену восстания ошибкой, находившийся в Германии Пятаков оправдывал этот шаг. «Левак» Пятаков оказался «правее» Сталина. Жесткого выделения «левой» позиции в РКП(б) еще не было. 1 ноября КПП провела «всеобщую» стачку, которую большинство рабочих не поддержало. Германская революция выдохлась. Констатация этого факта означала, что не приходится рассчитывать на мировую революцию, на помощь «мирового пролетариата» социалистическому строительству в СССР.

Сталин при поддержке Бухарина и ссылаясь на Ленина стал обосновывать возможность построения социализма в одной стране. Это означало кардинальный пересмотр официальной идеологии.

В мае 1924 г. Сталин выпустил брошюру «Об основах ленинизма», в которой утверждал: «Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской

¹²⁰ Цит. по: Коммунист. 1989. № 8. С.85.

¹²¹ Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. Т.2. С.266–267.

страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»¹²². Но вскоре, обратив внимание на ленинские слова в статье «О кооперации», Сталин понял, что можно выступить с более смелым взглядом на социализм, чем даже Троцкий, и при этом по-прежнему заниматься хозяйственной организационной работой, а не революционным всплскопускательством. В декабре 1924 г., под аккомпанемент очередного обстрела Троцкого коммунистическими теоретиками, Сталин выпустил работу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», в которой утверждал, что еще до падения империализма в мире возникнут «очаги социализма»¹²³. Цитируя Ленина, Сталин и Бухарин утверждали, что в СССР можно построить социализм, даже если развитые страны не станут социалистическими. Но только во время апрельской конференции 1925 г. эта идея примет большинство ЦК.

«Критики сталинской доктрины явно и неявно изображались как робкие, слабохарактерные люди, с подозрительностью относящиеся к русскому народу, не верящие в его способности и в силу его духа»,¹²⁴ — считает историк Э. Карр. Троцкого и его сторонников тревожило, что «осажденная крепость», которую представлял из себя СССР в окружении капиталистических стран, сохранялась на многие годы, и именно она должна была стать основой социализма. Такой социализм неизбежно был бы искажен дополнительной авторитарностью «осажденной крепости», пронизан культурным наследием царской России. И главное — сохранялось технологическое превосходство империализма и зависимость рыночной экономики НЭПа от мирового рынка. Будет ли построенное в итоге общество социализмом, то есть обществом без классов и эксплуатации, превосходящее по экономическим показателям передовые капиталистические страны?

В 1905 г. Троцкий «обогнал» марксистскую мысль того времени, сделав вывод о возможности начать социалистическую революцию в отсталой стране, где только что началась буржуазная революция. В 1922 г. Троцкий напомнил об этом открытии «перманентной революции»: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат... Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения... с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти»¹²⁵. Троцкий был горд, что так и вышло, и даже Ленин, хоть и не сразу, а в 1917 г., фактически согласился с идеей «перманентной революции», не взяв лишь название и прикрывая столкновение с крестьянством речами о союзе с крестьянством и борьбой с мелкобуржуазной стихией. Троцкий был первым, кто сказал, что пролетарскую

¹²² Сталин И. Соч. Т.8. С.61.

¹²³ Сталин И. Соч. Т.6. С.400.

¹²⁴ Карр Э. Х... Русская Революция. М., 1990. С. 84–85.

¹²⁵ Цит по: Сталин И. Соч. Т.6. С.366–367.

революцию можно начать в России раньше, чем в Европе, что можно начать строительство социализма. Теоретик, оказавшийся правым в споре с самим Лениным — это ли не первый кандидат в стратеги партии. А теперь Троцкому ставят в вину его разногласия с Лениным те самые люди, которые на первых порах выступали против перерастания буржуазной революции в социалистическую (Сталин, Каменев) и даже против проведения самого Октябрьского переворота 1917 г. (Каменев и Зиновьев). Более того, противники Троцкого, опираясь на несколько фраз Ленина, теперь делают еще более смелый шаг, чем сам Троцкий — движение к социализму в России можно не только начать, но и закончить раньше, чем в остальном мире.

Кто они такие, чтобы учить его марксизму. Троцкий, уставший от напоминаний о его меньшевизме, решает напомнить партии о прошлом своих гонителей. Истинной проверкой революционеру является не лояльность вождю, а сама революция. Самое важное — кто как вел себя в Октябре 1917 г.

В это время как раз выходил в свет очередной том сочинений Троцкого, в котором были собраны его статьи 1917 г. В предисловии к этому тому «Уроки Октября» он изложил свой взгляд на события Октябрьского переворота. Троцкий не стал лакировать историю событий, цинично изложив механизм заговора так, как он ему виделся. Это был хороший повод и для того, чтобы напомнить партии предысторию революции, которая стала превращаться в оружие партийной борьбы.

В «Уроках Октября» организатор Октябрьского переворота напомнил о том, что так гордящиеся своим большевизмом и ленинизмом Каменев и Зиновьев были против свержения временного правительства. В решающий момент лидеры «старой гвардии», «чудовищно недооценивая силы революции»,¹²⁶ повели себя как меньшевики, а бывший меньшевик Троцкий (в тот момент председатель Петросовета) сыграл в организации переворота даже большую роль, чем сам Ленин. Напоминая своим противникам об их неблагоприятном (с большевистской точки зрения) прошлом, Троцкий пытался принудить их прекратить поток обвинений самого Троцкого в былом меньшевизме: «изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику»¹²⁷. Но он добился обратного эффекта.

Репутация Зиновьева и Каменева была серьезно подорвана. Члены «руководящего коллектива» были возмущены ходом Троцкого. Хотя первыми к теме прошлого стали обращаться противники Троцкого, таких резких разоблачений они не допускали. Теперь против Троцкого был выброшен весь возможный компромат, в дело пошли архивы Ленина, которые как раз разбирал Каменев при подготовке собрания сочинений вождя. Были опубликованы письма Ленина и Троцкого с оскорблениями друг друга в период их вражды в 1912–1916 гг. В них Ленин называл Троцкого «иудушкой», а Троцкий Ленина — профессиональным эксплуататором отсталости в рабочем движении.

В этой «литературной» дискуссии противники Троцкого решили воспользоваться случаем, чтобы скомпрометировать его именно как теоретика, доказав, что троцкизм является течением, враждебным ленинизму.

Откуда и недоверие к лидерам большевизма, их дискредитация, которой занялся

¹²⁶ Троцкий Л. Д. К истории Русской революции. С.269.

¹²⁷ Там же, С.283.

бывший меньшевик Троцкий? Сталин выводит из его меньшевистских корней терпимость к разногласиям, противостоящую искомой монолитности: «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности... Троцкизм в области организационной есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии»¹²⁸.

Понимая, что организационный перевес на стороне его противников, Троцкий не отвечал, хотя и готовил материалы для ответа. Троцкий отмежевывается от «нескромного» утверждения, что «будто Ленин или большевистская партия пришли к „моей“ формуле революции, убедившись в ошибочности собственной формулы»¹²⁹. Но его противники не желали останавливаться на признании «сходства» идей Троцкого и Ленина, они доказывали их принципиальное различие. В резолюции пленума ЦК, завершившего эту дискуссию, «перманентная революция» была охарактеризована как «стремление перескочить через крестьянство»¹³⁰. Неверие Троцкого в идеологическое прикрытие, которое использовал Ленин в борьбе против крестьян в период военного коммунизма, было использовано старыми большевиками, чтобы представить «перманентную революцию» антибольшевистской теорией. Сокрушая «перманентную революцию», Сталин утверждает: нельзя рассматривать Октябрьскую революцию «как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне»¹³¹. Но, разоблачая «перманентную революцию», Сталин опасно приблизился к своему собственному прегрешению: «никто из большевиков не помышлял о немедленном захвате власти на другой день после февральской революции...»¹³² Действительно, Ленину пришлось добиваться выдвижения лозунга «Вся власть Советам!» вопреки сопротивлению Каменева и Сталина. Троцкий не воспользовался этим просчетом. В «литературной дискуссии» он вел себя пассивно, надеясь на будущее изменение соотношения сил. Впрочем, как справедливо отметил О. Назаров, «как бы Троцкий себя ни вел, а в итоге неизменно его поведение изображалось как направленное против РКП»¹³³.

Оскорбленный Зиновьев и ленинградская организация требовали исключения Троцкого из партии. Сталин возражал: «Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма»¹³⁴. Исключение Троцкого из партии не решало проблему — в партийном руководстве оставались тысячи его сторонников, которых в этот момент не в чем было обвинить. Исключить Троцкого и оставить его сторонников означало повести дело к расколу партии, усилить симпатии к опальному вождю, дать

¹²⁸ Сталин И. Соч. Т.6. С.249–250.

¹²⁹ Архив Троцкого. Т.1. С.124.

¹³⁰ КПСС в резолюциях... Т.3. С.325.

¹³¹ Сталин И. Соч. Т.6. С.401.

¹³² Там же, С.351.

¹³³ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. С.102.

¹³⁴ Сталин И. Соч. Т.6. С.357.

важные козыри оппозиции.

Задача Сталина облегчалась еще и тем, что Троцкий охладел к военной деятельности — в условиях мира она потеряла динамичность, стала не так интересна Троцкому. Он хотел заняться индустриализацией. К тому же Троцкий хотел успокоить лидеров партии, доказать им, что он не собирается использовать против них силу армии. 15 января 1925 г., в условиях травли в прессе, Троцкий подал в отставку с поста наркомвоена и председателя Реввоенсовета. Пленум ЦК, проходивший 17–20 января, обсудил поведение Троцкого. Теперь его взгляды характеризовались как разновидность меньшевизма (а это в России было политическим преступлением). Троцкому напомнили не только о его меньшевистском прошлом, но и о двух дискуссиях, где он выступал против Ленина (о Брестском мире и о профсоюзах). Этим «подставился» и Бухарин, который тоже спорил с Лениным в этих дискуссиях.

Опровергая обвинения Троцкого в меньшевизме, его друг и единомышленник Х. Раковский говорил на пленуме: «мы выдаем себя, если мы Троцкого оставляем в Политбюро, оставляем его в ЦК, то, значит, это потому, что все мы глубоко убеждены в том, что Троцкий — большевик»¹³⁵.

Это возражение не помешало победившей фракции сделать главный кадровый вывод: «Красная армия и Красный флот, которые должны видеть в руководстве армии образец партдисциплины... вынуждены были теперь видеть в т. Троцком прямо противоположное»¹³⁶. Приняв к сведению согласие Троцкого работать там, куда его пошлет партия, пленум послал Троцкого в ВСНХ.

Для партийных карьеристов снятие Троцкого с поста было событием огромного значения. Е. Ярославский говорил в частной беседе: «До сего времени мы все находились под влиянием гипноза — до Троцкого нельзя дотрагиваться. С ним можно полемизировать, не стесняясь в выражениях, но никаких практических последствий из этой полемики быть не должно. Он может что угодно писать, и нельзя им написанное не печатать. У него, так сказать, постоянное кресло в первых рядах Политбюро, и это место, вне зависимости от обстоятельств, как бы пожизненное. Несколько лет назад, еще при Ленине, он стал народным комиссаром по военным делам, и в сознании его, да и других, этот пост тоже стал как бы пожизненным. Январский пленум всю эту систему заклиний разметал. Он не только удалил его от всякого влияния в военном ведомстве, но твердо и ясно сказал: если и дальше скверно будешь себя вести, — выгоним из Политбюро, выгоним из ЦК, а, может быть, даже из партии»¹³⁷.

Сталин продолжал унижать Троцкого и одновременно с этим проверять его на лояльность. Этому способствовал выход книги американского коммуниста, сторонника Троцкого Макса Истмена «После смерти Ленина». Американец, женатый на русской, имел возможность поговорить по душам со множеством большевистских руководителей, в том числе и с самим Троцким. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы: в ней говорилось о скрытом Политбюро «завещании» Ленина, о травле Троцкого и интригах против него. При этом Истмен допустил множество фактических ошибок. Книга живо обсуждалась за рубежом. Коммунистические партии

¹³⁵ Цит. по: Васецкий Е. А. Ук. соч. С.216.

¹³⁶ КПСС в резолюциях... Т.3. С.329.

¹³⁷ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.288.

запрашивали Москву: что тут правда, а что нет. Политбюро потребовало от Троцкого опровергнуть книгу Истмена и прямо отмежеваться от него. Эта ситуация поставила опального члена Политбюро в тяжелейшее положение. Он должен был выбрать — или сохранение хотя бы нынешнего положения в своей коммунистической партии, или сплочение вокруг себя противников «термидора» в мировом коммунистическом движении. Отмежевавшись от Истмена, Троцкий показывал коммунистам всего мира: Троцкого нельзя защищать — в глупое положение попадешь, он сам объявит тебя лжецом.

Сначала Троцкий пытался отделяться общими фразами. Сталин настаивал на конкретном ответе и даже перечислил «клеветы» Истмена на партию, его конкретные фактические ошибки: американец утверждал, что Ленин предлагал сделать свое письмо к съезду предметом дискуссии перед всей партией, что статья по национальному вопросу была замолчена даже от съезда, что Ленин просил Троцкого занять место председателя СНК и т. д. Это давало Троцкому возможность отмежеваться от конкретных ошибок Истмена, не опускаясь до общей капитуляции. Но Троцкий по — прежнему пытался писать «общо», первый вариант его статьи был признан неудовлетворительным, и только после недельного согласования со Сталиным и другими членами Политбюро текст статьи Троцкого был готов. При этом все материалы по делу Истмена, унижающие Троцкого, были разосланы членам ЦК. Сталин готовил Троцкому еще более серьезную ловушку: «вполне можно было бы опубликовать некоторые документы (в том числе и мою записку о деле Истмена) после опубликования статьи Тр, чтобы показать, что Троцкий лишь под давлением РКП написал статью (иначе Троцкий может оказаться спасателем престижа партии)»¹³⁸. Но тут Сталин переинтриговал сам себя. Он знакомил своих союзников с предварительным текстом статьи Троцкого, чтобы показать, насколько тот непоследователен. Попал текст и к члену президиума Коминтерна Д. Мануильскому. Тот, что — то не поняв в сталинских распоряжениях, передал письмо для публикации во французскую коммунистическую газету «Юманите». Троцкий был возмущен. Если теперь публиковать новый текст, то станет ясно, насколько большие уступки он сделал под давлением Политбюро. Сталина и Мануильского обвиняли в интриганстве. «Юманите» пришлось публиковать опровержение. В этих условиях Политбюро отказало Сталину в публикации его статьи — слишком вся эта история дурно пахла. В конце концов Троцкий опубликовал последний вариант своего «отмежевания» от Истмена: «Под видом „завещания“ в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается (обычно в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся к этому письму, как и ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном „завещании“ представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интереса созданной им партии. Не менее ложным является утверждение Истмэна, будто ЦК хотел замолчать (т. е. не печатать) статьи о Рабкрине»¹³⁹. Формально Троцкий говорил правду. Но его сторонники прекрасно знали, что он

¹³⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С.38–39.

¹³⁹ Цит. по: Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.303.

говорил не всю правду, по существу предавая своего сторонника Истмена. Это деморализовало их. Впоследствии, когда Троцкого уже выслали из СССР, Истмен простил его, и они сохраняли товарищеские отношения. Сталин оценил капитуляцию Троцкого в деле Истмена как важный признак готовности подчиниться. Своим ответом на книгу Истмена Троцкий «предопределил свою судьбу, т. е. спас себя»¹⁴⁰, — писал Сталин Молотову. Подчинение воле руководства было для Сталина главным в оценке большевика.

Троцкий был назначен на несколько экономических постов: член Президиума ВСНХ, начальник Главэлектро, председатель Особого совещания по вопросам качества продукции и Главного концессионного комитета при СНК. Это было немало, но сам опальный вождь явно стремился к большему. Все три направления его работы могли координироваться только с одной позиции — председателя ВСНХ. Троцкий мог рассчитывать на вознаграждение за свою лояльность. Нападки на него в прессе прекратились. По словам осведомленного сотрудника ВСНХ Н. Валентинова сотрудники этого учреждения оживленно обсуждали перспективу назначения Троцкого главой их ведомства, якобы уже согласованное в Политбюро. Об этом же слышал от большевистских аппаратчиков и В. Серж¹⁴¹. Троцкий подсиживал Дзержинского, который Льва Давидовича попросту ненавидел. Конечно, по идейным соображениям... Личные, кадровые и идейные соображения у большевиков, как, впрочем, и у большинства политиков, переплетались очень тесно.

Троцкий, как хозяйственный организатор, был, конечно, сильнее Дзержинского. Но пока Сталин считал Троцкого главным противником в партии, тот не мог занять желанный пост руководителя растущей промышленности. Могла ли ситуация измениться? В конце 1925 г. она и изменилась. Между Троцким и Сталиным наметился компромисс, связанный с началом борьбы внутри «руководящего коллектива».

А пока Троцкий был опальным боярином, пользовавшимся тайной симпатией значительной части коммунистов и вызывавшим неподдельный интерес спецов: «как только по ВСНХ пронесся слух, что на заседание президиума пришел Троцкий, весь зал оказался буквально переполненным. Потом смеялись: полный сбор, как на Шалыпина»¹⁴². Валентинов, поддерживавший курс правого крыла компартии (в том числе — Дзержинского), относился к Троцкому крайне критически: «То, что он делал, ничем не оканчивалось и никому ничего не давало. Он развивал огромную энергию, и все оказывалось несерьезным. В этом трагедия Троцкого»¹⁴³. Это утверждение противоречит известным фактам. Троцкий был одним из основных (если не основным) организатором красной армии. Уйдя с поста наркомвоена, Троцкий тут же стал «врубаться» в проблемы техники: «Радио — приемники Шотманского изготовления еще так скверно работают, что до усовершенствования денег давать нельзя. А дашь,

¹⁴⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С.44.

¹⁴¹ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.317–327.

¹⁴² Там же, С.292.

¹⁴³ Там же, С.293.

они наляпают тебе этого типа, поставят в деревне, и будет конфуз»¹⁴⁴, — писал он на заседании Политбюро Каменеву. Как руководитель Главэлектро Троцкий был председателем комиссии по строительству Днепрогэса, пробивал (и ведь в итоге пробил) строительство этой мощнейшей станции вопреки сопротивлению Сталина. «Троцкий, форсируя вопрос о Днепрогэсе, забывает о ресурсах, необходимых для этого громадного предприятия? Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того, чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и прогорел»¹⁴⁵. Через несколько месяцев Сталин кардинально изменил свое мнение и стал горячим сторонником Днепрогэса. Было ли дело только в том, что к этому времени Троцкий уже не отвечал за строительство станции? Вряд ли. Воспоминания о позиции Троцкого были свежи. Сталин к этому времени стал менять позицию по более широкому кругу вопросов. Как быстро проводить индустриализацию? За счет чего? Насколько можно надавить на крестьянство?

Каменев дал такое определение НЭПа: «Это — система согласования нашего государственного хозяйства с громадным рынком, живущим на основе мелко — буржуазного обмена... При приспособлении всего нашего социалистического хозяйства к аграрному морю, которое будет колебаться, мы будем все время приспособляться, а приспособляясь, будем все время чувствовать, что крестьянин нас будет то отталкивать, то принимать»¹⁴⁶. Пока с этим ничего нельзя поделать. Но со временем нужно это «море» как — то «осушить». Но как?

В разгар «литературной дискуссии» вышла книга, которая вполне отвечала представлению большинства Политбюро об экономической программе троцкизма — «Основной закон социалистического накопления» Л. Преображенского. Автор цинично описал то, что большевистская диктатура делает с крестьянством: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства..., тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...»¹⁴⁷ Слово «эксплуатация», ненавистное большевикам, тем не менее точно характеризовало отношения бюрократии (прикрывающейся именем пролетариата) и крестьянства. Это больно ударило по самолюбию вождей — они не хотели признать себя эксплуататорами: «Только в одном случае формулировка товарища Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры...»¹⁴⁸ — Бухарин отвечает Преображенскому. Если заменить слово «пролетарская» на

¹⁴⁴ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.27, Л.48.

¹⁴⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С.11.

¹⁴⁶ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.14–15.

¹⁴⁷ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. // Е. А. Преображенский, Н. И. Бухарин. Пути развития: дискуссии 20–х гг. Л., 1990. С.104.

¹⁴⁸ Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче — крестьянский блок. (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма) // Там же. С.181.

«бюрократическая», условие Бухарина уже стало совершившимся фактом. Но признать это Бухарин не мог. Теоретик партии верит в союз с крестьянством, и готов защищать его интересы, надеясь, что оно дорастет до коммунистического понимания жизни, «превратится в человека»: «Грубо говоря: тов. Преображенский предлагает пролетариату резать курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность.

Но крестьянство — это для пролетариата такая „курица“, которая должна превратиться в человека»¹⁴⁹.

Критикуя Преображенского, Бухарин рисует свою картину движения к социализму, которую он затем будет развивать во многих работах. Бухарин верит, что государственное плановое хозяйство и полугосударственная кооперативная организация эффективнее частного хозяйства, и смогут вытеснить его: «Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно — кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т. е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся»¹⁵⁰. То, что бюрократизированное хозяйство может так и остаться менее эффективным, чем частное, он не учитывает. Бухарин преувеличивает грядущие темпы хозяйственного роста промышленности, которая поможет быстрому росту сельского хозяйства, причем не только коллективного, но и частного: «Коллективные хозяйства — это не главная магистраль, это один из добавочных, но очень существенных и важных путей. Когда дело кооперирования крестьянства получит мощную поддержку со стороны все развивающейся техники, электрификации, когда мы будем иметь больше тракторов, тогда неизмеримо усилится и темп перехода к коллективному земледелию. Одна сторона движения будет оплодотворять другую, один ручей сольется с другими в гигантский поток, который поведет нас к социализму»¹⁵¹. Но сам Бухарин сидел на вершине плотины, разделяющей два ручья — на пирамиде бюрократического аппарата.

Углубление НЭПа

В деревне росло перенаселение. Помещичьих земель не хватило, чтобы трудоустроить всех крестьян. Росла деревенская безработица, промышленность росла слишком медленно, чтобы откачивать излишнюю рабочую силу. Это воспроизводило бедность. Несмотря на то, что крестьянство получило землю, раздел ее на множеством мелких участков делал хозяйство маломощным. Крестьяне могли прокормить себя, но на нужды города оставалось немного. Чтобы обеспечить подъем крестьянского хозяйства, было решено снять административные ограничения на крестьянское

¹⁴⁹ Там же. С. 193.

¹⁵⁰ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 191.

¹⁵¹ Бухарин: человек, политик, ученый. Москва. 1990. С.102.

предпринимательство.

Октябрьский пленум партии выдвинул лозунг «Лицом к деревне!», готовились уступки крестьянству. Лидеры партии призывали крестьян не бояться советской власти, укреплять хозяйство настолько, насколько могут, не боясь обвинений в кулачестве. Смелее всех выступил Бухарин на Московской губернской конференции 17 апреля 1925 г.: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»¹⁵². Ему вторил будущий «верный сталинец» Чубарь: «Надо четко и ясно сказать, что крестьянин может богатеть сколько угодно, пусть богатеет, и от этого будет богатеть вся советская страна»¹⁵³.

В апреле прошли пленум ЦК и XIV конференция ВКП(б), которые приняли соответствующие решения. Были снижены налоги на крестьян, цены на машины (все равно доступные только богатым хозяйствам и кооперативам), увеличены кредиты, разрешена аренда (без субаренды), ослаблен контроль за мелкой торговлей и разрешен подсобный наемный труд на селе, то есть, с точки зрения ортодоксальный марксистов — прямо капиталистические отношения (в действительности работников нанимали даже маломощные хозяйства, включая старушек, не способных обработать выделенную им землю). Апрельский пленум ЦК объявил задачей партии «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны»¹⁵⁴. Впервые речь шла обо всей массе крестьян — включая и зажиточных хозяев, товарность которых была выше, чем у среднего крестьянина. Предполагалось законными экономическими методами бороться «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией крестьянства». Подобные формулировки уже через три года будут клеймиться как «правый уклон». Ведь в них прямо указывалось, что кулачество можно было вытеснить только путем конкуренции. Да и самих кулаков теперь нужно было отличать от зажиточных крестьян, коих следовало поддерживать. Если раньше кулаком считался крепкий хозяин, то теперь — ростовщик, гораздо менее влиятельная фигура российской деревни. Союз с зажиточным крестьянином означал настоящий союз с крестьянским миром против бедняков. Ценой этого союза была хозяйственная самостоятельность крестьянства, которое вышло из — под управления государства и лишь платило ему налоги. Его предстояло экономически заинтересовать в социализме, а не принудить к нему.

Апрельский пленум выступил за борьбу с частными переделами, повторяя меры ненавистного большевикам Столыпина. Таким образом, поощряя сбытовую кооперацию, большевики по — столыпински боролись с общиной. И это не удивительно. Община спланировала крестьянство помимо государства. Кооперация тоже могла обойтись без государства. Но большевики поощряли лишь те ее формы, которые могли быть передаточным звеном между крестьянством и государственной промышленностью, что неизбежно бюрократизировало кооперацию и отрывало ее от

¹⁵² Бухарин Н. И. Избранные произведения. С.136.

¹⁵³ Цит. по: Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920–е годы. М., 1994. С.126.

¹⁵⁴ КПСС в резолюциях... Т.3. С.340.

реальных экономических нужд деревни.

Большевикам приходилось колебаться между антиобщинными столыпинскими и народническими мерами, направленными на самоорганизацию крестьянства. Им нужно было и организовать крестьянские хозяйства для пути к социализму, и не допустить, чтобы эта организация стала действовать против большевиков.

XIV партийная конференция связывала успех строительства социализма уже не с мировой революцией, а с «умением руководить крестьянством в новой обстановке»¹⁵⁵.

Но для Бухарина праздник был испорчен. Сталин отмежевался от лозунга «обогащайтесь», а затем заставил Бухарина признать его неправильность. Сталин, таким образом, показал, что как теоретик он — выше Бухарина. Но тогда это казалось лишь незначительным эпизодом.

Инициатором смелых уступок крестьянству был Нарком земледелия А. П. Смирнов, в аппарате которого работали видные экономисты — народники, включая Н. Кондратьева. Смирнов публично защищал Кондратьева от нападков коммунистов. А Кондратьева атаквали и правые и левые, потому что он доказывал: запасы хлеба растут гораздо медленнее, чем требуют потребности промышленного роста. Поэтому «далеко не всякий более быстрый рост индустрии желателен, так как далеко не всякий рост ее объективно возможен без нарушения равновесия всего народного хозяйства, без расстройств рынка и валюты, без отчуждения города от деревни»¹⁵⁶. Этот вывод означал крушение стратегии и Бухарина, и Троцкого и, на тот момент, Сталина. Ведь стратегические цели трех лидеров не различались.

Казалось, судьба благоприятствовала стратегии Бухарина. Урожай 1925 г. был хорошим. И вдруг вместо оживления рыночных отношений осенью 1925 г. страну поразил товарный голод. Промышленность не могла удовлетворить потребностей крестьян, и они не стали продавать весь «лишний» хлеб. «После сбора урожая 1925 года у богатых крестьян были большие запасы хлеба. Но и у них не было никакого стимула менять его на деньги. Снижение сельскохозяйственного налога дало крестьянам послабление; снабжение промышленными товарами было скудным, покупать было почти нечего; и хотя формально был установлен твердый валютный курс, куда более заманчивым было иметь запас зерна, чем пачку банкнотов»,¹⁵⁷ — комментирует Э. Карр.

Планы индустриального строительства и экспорта были провалены. Несовременное бюрократическое планирование не учло потребностей в топливе. Середняк, которому хлеб был нужен для собственного прокормления, не готов был рисковать запасами и предпочитал продавать по минимуму. Тем более, что запасы промышленных товаров на рынке были невелики и в значительной степени поглощались уже городом.

«Таким образом, стало ясно, что принятые летом планы бурного развития народного хозяйства не соответствуют финансовым, импортным, топливным, сырьевым, транспортным возможностям страны, не обеспечены в должной мере

¹⁵⁵ Там же, С.353.

¹⁵⁶ Цит. по: Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991. С.26.

¹⁵⁷ Карр Э. Х. Ук. соч. С. 89.

стройматериалами и квалифицированными кадрами»¹⁵⁸, — резюмирует Ю. Голанд. Начались споры, кто в этом виноват — идеологи «правых», добившиеся уступок крестьянству, или руководящие хозяйством органы: СТО во главе с Каменевым или Совнарком во главе с Рыковым, которые слишком «размахнулись» в своих планах.

Оправдываясь, Каменев ссылался на коллективность руководства: «Я не снимаю с себя ни капли ответственности за все это дело, но я утверждаю, что все основные элементы нашей хозяйственной политики были утверждены и разработаны и все целиком были одобрены Политбюро»¹⁵⁹. Каменев объяснял, что сбои в плане вызваны непредсказуемыми колебаниями мирового рынка. В ответ на предложение Кагановича повысить экспортные цены на хлеб Каменев отвечает: «И мы бы не прочь... если Нью — Йорк и Лондон позволит». «Вот в том — то и дело!» — восклицает Троцкий, который уже давно предупреждал, что без мировой революции НЭП не может быть устойчивым. Каменев тем временем продолжил свою мысль: «А там... нет ни Политбюро, ни Совнаркома...»¹⁶⁰ Пока в Лондоне и Нью — Йорке нет советской власти, а в СССР преобладают рыночные отношения, говорить о реалистичных планах (а значит и о марксистском социализме) не приходится. То мировая конъюнктура, то крестьянство будут поправлять советское правительство, вносить «поправки крестплана к нашему госплану»¹⁶¹, — как говорил министр финансов Григорий Сокольников.

Крестьяне дадут хлеб только в обмен на промышленные товары. «Начиная с этого, проблемы индустриализации становятся центральными в партийных дискуссиях 1926–1927 гг.»¹⁶², — пишет С. В. Цакунов. Получить достаточное количество качественных промтоваров возможно, если промышленность значительно увеличит свою производительность труда. Для этого необходимо техническое переоснащение — либо за счет ввоза оборудования из — за рубежа, либо путем строительства машиностроительных, металлургических и энергопроизводящих предприятий в СССР. Но для этого тоже нужно ввозить технологии и оборудование из — за рубежа. А для этого — вывозить сельскохозяйственную продукцию. Гордо заявив о строительстве социализма в одной стране, Сталин должен был идти на поклон к капиталистическому Западу и к крестьянству. Каменев, Зиновьев и Троцкий считали такой путь недалеким.

«Новая оппозиция»

Различие во взгляде на стратегию быстро стало выливаться в мелкие конфликты внутри «руководящего коллектива», которые накапливались с каждым месяцем. Бухарин, Сталин, Каменев и Зиновьев спорили и раньше. Сталин мог выступить и

¹⁵⁸ Голанд Ю. Ук. соч. С.21.

¹⁵⁹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.16, Л.41.

¹⁶⁰ Там же, Д.17, Л.85.

¹⁶¹ Там же, Л.75.

¹⁶² Цакунов С. В. Ук. соч. С.159.

против Бухарина (он заставил своего союзника признать ошибочность лозунга «обогащайтесь»), и против Зиновьева (как в вопросе о сохранении Троцкого в Политбюро). Оставаясь в центре, Сталин следил за нараставшей схваткой «школ» Бухарина и Зиновьева. Молодые сторонники двух теоретиков спорили между собой и все чаще стали «задевать» членов руководства. В январе на конференции ленинградской парторганизации секретарь райкома Д. Саркис резко раскритиковал Бухарина, обвинив его в синдикализме за идею о широкой автономии крестьянских организаций. Это был первый сигнал недовольства ленинградских лидеров курсом большинства Политбюро. Центр также был недоволен Ленинградом. То комсомольская организация города пытается собрать межрегиональную конференцию в обход ЦК ВЛКСМ, то ленинградское руководство требует создания своего теоретического журнала, хотя теория — прерогатива Москвы. Зиновьев может выступать с теоретическими изысканиями, как член Политбюро, но не как лидер ленинградской организации. Уже в марте Орджоникидзе с горечью писал Ворошилову: «обе стороны готовятся к взаимному истреблению»¹⁶³. Но до декабря 1925 г. лишь узкий круг партийных функционеров знал, что «ленинское ядро» раздирают острые противоречия.

Впервые большевики делились на фракции по принципу «кто где живет». Не потому что они так думают, а потому что они подчиняются спорящим между собой партийным вождям: «Достаточно только продумать значение того факта, что в Ленинграде была принята единогласно или почти единогласно резолюция, направленная против ЦК, в то время, как московской организацией единогласно, без единого воздержавшегося, принята резолюция, направленная против Ленинграда»¹⁶⁴, — комментировал Троцкий. Столкновение дисциплинированных кланов вместо обсуждения платформ — такой будет теперь характер борьбы в большевистской партии. Признаки этого наметились раньше, когда дисциплинированная партийная масса противостояла оппозиции. Но теперь и оппозиция была построена как военная организация, подавляющая сторонников большинства Политбюро на своей территории.

В Питере сложилась первый, но не последний территориальный клан номенклатуры на территории России. Памятуя о грузинском деле, Сталин понимал опасность этого процесса для его идеи монолитной партии — государства. Могущественные империи, создаваемые бюрократией в течении тысячелетий, рушились по мере образования автономных территориальных кланов. Вчера — влиятельный чиновник, завтра — феодал, презрительно отказывающийся подчиняться бессильному столичному императору. Но история не стоит на месте — теперь фрондирующие вельможи — еще и теоретики, выступающие в защиту беднейших слоев общества.

Сталина, Бухарина и других лидеров раздражала претензия Зиновьева и Каменева на роль «хранителей ленинизма», которые вольны определять, что соответствует догме, а что — нет. При всем догматизме большевиков такая инстанция «идеологического контроля» препятствовала выработке новой стратегии партии в меняющихся условиях НЭПа. Но пока Зиновьев и Каменев были признанными

¹⁶³ Большевистское руководство. С.301.

¹⁶⁴ Архив Троцкого. Т.1. С.153.

теоретиками, толкователями заветов Ленина. Через год после смерти Учителя Зиновьев решил суммировать его взгляды в двух работах: в статье «Философия эпохи» и книге «Ленинизм». «Философия эпохи» по Зиновьеву заключается в равенстве. НЭП основан на допущении неравенства. Следовательно, «Нэп наряду с тем, что мировая революция откладывается, среди других опасностей таит в себе опасность перерождения».¹⁶⁵ Перерождение пролетарской диктатуры заключается в расслоении на бедных и богатых, в предсказанном Устряловым «термидоре». Зиновьев считал, что нужно нейтрализовать крестьянство, которое объективно противостоит пролетарской диктатуре. Теперь его можно было, как и Троцкого, обвинить в подрыве «союза» с крестьянством. Но левое крыло Политбюро не верило в этот «союз». Они не верили в союз с крестьянством, в котором видели усиление сельской буржуазии. Каменев говорил по этому поводу: «хлеб в большей доле у такого нашего „союзника“, который, пожалуй, упрется и который может сопротивляться»¹⁶⁶.

«Философия эпохи» резко расходилась с теорией построения социализма в одной стране. По мнению Сталина, в статье «есть деревенская беднота, есть кулак, есть капиталист, есть выпады по адресу Бухарина (атаковать союзника по фракции публично — это настоящее преступление в глазах Сталина — А. Ш.), есть эсеровское равенство (Сталин знает, что равенство Зиновьева — не эсеровское, не крестьянское, а бедняцко — пролетарское — Сталину нужно заранее защититься от упреков в близости его эсерам), есть Устрялов, но нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется „Философия эпохи“. Когда тов. Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю»¹⁶⁷. Сталин бравировал своей грубостью, которая ставилась ему в вину Лениным. Оборачивая грубость из тяжкого обвинения в достоинство, Сталин дезавуировал «завещание» Ленина о своем устранении. Ведь именно устранения Сталина с поста Генсека теперь требовали и Зиновьев с Каменевым. Повод был очень существенный — в условиях раскола «фракции ленинцев» секретариат ЦК взял на себя реальную власть, подмяв расколотое Политбюро. Вопросы к заседаниям Политбюро готовил секретариат, согласовывал решения с большинством Политбюро, после чего на официальных заседаниях утверждались решения, независимо от того, что говорили Зиновьев, Каменев и Троцкий. Вопросы, выносившиеся на обсуждение Зиновьевым и Каменевым, бесконечно откладывались. Внезапно отстраненные от власти вожди требовали полновластия Политбюро и превращения секретариата в технический орган. Сталин цинично возражал: «Разве Политбюро не полновластно?»¹⁶⁸ Это он говорил людям, которые с ним создавали фракцию ленинцев. Но теперь она рассыпалась. Дзержинский заявил о выходе из «фракции ленинцев». Но вообще — то «железный Феликс» остался фракционером и позднее постоянно поддерживал большинство Политбюро. Действия зиновьевцев он назвал «Кронштадтом внутри партии» (имелось в виду

¹⁶⁵ Карр Э. Х. Ук. соч. С. 91.

¹⁶⁶ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.16, Л.39.

¹⁶⁷ Сталин И. Соч. Т.7. С.375.

¹⁶⁸ Там же, С.387.

Кронштадтское восстание против большевиков под социалистическими лозунгами) который раскалывает единство и тем расчищает дорогу термидору и будущему Бонапарту¹⁶⁹. Дзержинский считал, что опасность нового Бонапартизма исходит не от тихого умеренного Сталина, а агрессивного, жесткого Троцкого.

Статья Зиновьева была подвергнута суровой правке членами Политбюро. 19 сентября она вышла в правленном виде. В тот же день Зиновьев, Каменев, Крупская и Сокольников направили остальным членам Политбюро письмо с резкой критикой взглядов Бухарина и его школы, которые допускают «расширительное толкование решений XIV всесоюзной партконференции в сторону замазывания классовой борьбы в деревне, замазывания роли и роста кулака»¹⁷⁰. В ответ Бухарин, Дзержинский, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин и Томский («девятка») ответили письмом с хлестким названием: «О фракционной платформе четырех»: «По существу дела документ является лицемерным и беспринципным», его цель — «создать кризис»¹⁷¹. «Девятка» припомнила «четверке» все споры, которые возникали между ними в 1925 г. Большинство Политбюро к этому времени уже было сильно раздражено неуступчивостью Зиновьева и Каменева, и было готово разгромить новых «раскольников». «Четверка» не ожидала такой реакции: «Ваши обвинения — либо плод больных нервов, либо недостойный шахматный ход, мелкий прием борьбы»¹⁷² — отвечала Крупская. Характерно, что она не запомнила всех членов девятки и вместо Рудзутака направила свой ответ Фрунзе, причисляя наркома обороны к числу противников зиновьевцев. Это опровергает версию о том, что Сталину было выгодно устранение Фрунзе в этот момент. 31 октября Фрунзе скончался на операционном столе.

Перед октябрьским пленумом ЦК 1925 г. большинство и меньшинство Политбюро с трудом договорились не выносить свои разногласия на свет Божий. Резолюция ленинградской губернской организации была согласована Зиновьевым с большинством Политбюро. В знак примирения Бухарин 13 ноября признал ошибочность своего лозунга «обогащайтесь».

Раз Бухарин может так ошибаться, он — негодный теоретик. А кто — годный? В это время началась публикация в Ленинграде книги «Ленинизм», в которой Зиновьев излагал те же взгляды, что в «Философии эпохи», обосновывая их множеством ленинских цитат. Зиновьев напоминает ленинские цитаты, направленные против крестьянства. К социалистической революции (не то что к социализму) нужно идти с беднейшими слоями деревни, а не с крестьянством. Сталин кроет эти цитаты своими — о союзе с середняком против кулака и, конечно, о кооперативном пути к социализму. Начинается война цитат. Подумать, что Ленин мог быть не прав, было также недопустимо, как для средневековых католиков — усомниться в истинности Евангелия.

«Ленинизм» был попыткой вернуть официальную идеологию к идеологической

¹⁶⁹ Большевицкое руководство. С.309–311.

¹⁷⁰ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.97. Л.59.

¹⁷¹ Там же, Л.65.

¹⁷² Там же, Л.79.

чистоте военного коммунизма. Зиновьев постоянно цитирует Ленина — и это цитаты гражданской войны. НЭП — вынужденная рыночная реальность, «государственный капитализм», но нельзя отступать в идеологии от славного прошлого ленинизма. Отсюда — хлесткие и жесткие антикрестьянские формулы Ленина, которые приводятся в «Ленинизме». Крестьянство для них не может быть источником социализма, это — народничество, не марксизм. Каменев, Зиновьев и Троцкий вслед за Марксом считают, что государственная промышленность — это только предпосылка для социализма, а Сталин и Бухарин вслед за Лениным — что они уже носят социалистический характер. Путать бюрократическое управление и социализм было необходимо, чтобы вообще называться строителями социализма, когда единственным антикапиталистическим достижением по сравнению с царской Россией была передача промышленности в казенную собственность. Но ведь на этих предприятиях продолжали эксплуатировать рабочих. Мечта о социализме превращалась в нынешнюю тусклую реальность, зато можно было отчитаться об успехах в строительстве нового общества. Каменев говорил: «великая лож заключается в том, чтобы Россию нэповскую объявлять уже Россией социалистической... Рабочие — то хорошо знают и чувствуют разницу между Россией нэповской и Россией социалистической»¹⁷³. Каменев, Зиновьев и Троцкий считали это недопустимым, для них социализм оставался прекрасным будущим всеобщего равенства и братства.

Сталин был человеком более практического склада. На будущий год он опубликует ответ на зиновьевский «Ленинизм» — «Вопросы ленинизма». Американский исследователь Р. Такер, критикуя Сталина за примитивное, догматическое толкование ленинской теории, признает: «несмотря на то, что сочинение не блистало изяществом мысли, оно несло в себе довольно мощный заряд. С его страниц вещал безапелляционный проповедник ленинизма, в совершенстве владеющий своим предметом, обладающий твердыми убеждениями и умеющий их защищать... Ленин — теоретик нашел своего систематизатора»¹⁷⁴. Это было то, что нужно полуграмотной массе партийцев. Это было то, что вызвало негодование более глубоких идеологов — Троцкого, Преображенского и подобных. Это было то, что вызвало ревность «хранителей догмы» — Зиновьева и Каменева. Из идеологов лишь Бухарин относился к догматизму Сталина спокойно, думая, что имеет место разделение труда — вырабатывает стратегию Бухарин, популяризирует ее Сталин.

Договорившись о компромиссе с зиновьевцами, Сталин стал смещать зиновьевцев с постов. Очень странно выглядела смерть на операционном столе 31 октября наркома обороны М. Фрунзе, недавно сменившего Троцкого. Поговаривали, что Фрунзе был ближе к Зиновьеву, чем к Сталину.

А незадолго до съезда партии, 5 декабря собралась Московская губернская партийная конференция. Ее вел сторонник Бухарина Угланов, доклад от ЦК делал «правый» Рыков, но в президиуме сидел и единомышленник Зиновьева — Каменев, председатель Моссовета. Но Каменев был слишком занят работой на других постах, и упустил из виду усиление его противников в Москве. Каменев после октябрьской договоренности со Сталиным думал, что «мы все — таки добились того, что на

¹⁷³ Там же, Д.16, Л.41.

¹⁷⁴ Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С.291.

партийный съезд мы идем с единогласно принятыми резолюциями по всем основным вопросам нашего строительства»¹⁷⁵. Он был разочарован. Один за другим выступающие начали громить зиновьевцев, обвиняя их в неверии в возможности социалистического строительства и даже «аксельродовщине». Эта обидное для большевиков слово попало и в итоговую резолюцию, что было особенно обидно — это было сравнение с меньшевиком, с врагом: «Меньшевик Аксельрод проповедовал двадцать лет назад широкую рабочую партию в противовес большевистской организации», — возмущенно комментировала конференция ленинградской организации. Но сейчас совсем другая обстановка, и обвинения в меньшевизме — оскорбительны. «Дико звучит обвинение ленинградской организации в ликвидаторском безверии в тот момент, когда у нас кипит как никогда строительская социалистическая работа, растут, закаляются пролетарские силы»¹⁷⁶, — отвечали москвичам обиженные ленинградцы, подводя первые итоги новой дискуссии.

Война была объявлена. Между центральным органом РКП(б) газетой «Правда» и «Ленинградской правдой» началась острая полемика. «Правда» разъясняла подтекст обвинений в «аксельродовщине»: ленинградское руководство считает необходимым принимать в партию как можно большее число рабочих. Этим подчеркивалось противостояние «мелкобуржуазному перерождению» партии. А вот первый секретарь Московской организации Николай Угланов, напротив, предложил остановить рост рядов и воспитывать пока нынешний миллион членов. Полемизируя с ленинградцами, «Правда» прибегла к подтасовкам. В качестве «мальчика для битья» был избран Саркис, обидевший в начале года главного редактора газеты Бухарина. Теперь Саркис направил в «Правду» свою статью по вопросу роста рядов, но затем отозвал ее для доработки. Несмотря на это, бухаринцы решили воспользоваться статьей, чтобы унижить Саркиса и в его лице — всю зиновьевскую организацию. «Чтобы показать, до каких высот долетает фантазия некоторых товарищей», они заявили, что Саркис писал: «У нас в партии должно быть 90 процентов всех рабочих!»¹⁷⁷ Но вот конфуз — Саркис, оказывается, предлагал «довести процент рабочих (от станка) в партии до 90 %»¹⁷⁸. Это предложение было принято Ленинградской парторганизацией. Сделать «рабочую партию» действительно рабочей — это не то же самое, что принимать в партию почти всех рабочих, независимо от их взглядов. «Правда» просто выставила Саркиса глупцом, что вызвало возмущение у ленинградских коммунистов. Полемика между «Правдой» и «Ленинградской правдой» разгорелась не на шутку, стороны дошли до взаимных оскорблений. 9 декабря «Ленинградская правда» уже прямо напала на Угланова: «тов. Угланов не перестает клясться в непоколебимости своей веры в РК». Но на деле он выступает против создания пролетарского костяка в партии, считая, что «рабочий класс для этого еще не созрел»¹⁷⁹. Одновременно две газеты

¹⁷⁵ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.16, Л.36.

¹⁷⁶ Декларация, принятая XXII Ленинградской губернской конференцией РКП(б). // «Ленинградская правда», 16 декабря 1925.

¹⁷⁷ «Об орабочении нашей партии». // «Правда», 5 декабря 1925.

¹⁷⁸ Саркис. «Открытое письмо редакции ЦО РКП(б) „Правда“». // «Ленинградская правда», 8 декабря 1925.

¹⁷⁹ О. Тарханов. «О неверии в силы Рабочего класса». // «Ленинградская правда», 8 декабря 1925.

вели полемику и по поводу идеологических проблем, разделявших Зиновьева и Бухарина. Зиновьевцев атаковали «красные профессора» бухаринской «школы». И здесь методы полемики нельзя признать чистыми. Так, А. Стецкий приписал Г. Сафарову абсурдную с точки зрения марксистов мысль: «по его теории у нас госкапитализм, мы строим государственный капитализм, а не социализм»¹⁸⁰. Сафаров, вслед за Зиновьевым и Лениным считал, что в стране существует государственный капитализм. Но это не значит, что он, коммунист, считает необходимым его «строить». Зиновьевцы тоже считали нужным строить социализм, но не видели возможным его достроить до победы мировой революции. После таких подлогов естественно, что «левые» считали идеологов «правых» людьми бесчестными. Каменев говорил о школе Бухарина: «Молодежь, которая оформляется в школе Бухарина, представляла бы для нас величину малоинтересную, если бы эта молодежь не получила фактически монополию на политически — литературное представительство партии, если бы фактически в руках этой школы не находилась вся наша печать и все политико — просветительные работы»¹⁸¹. Уже через два года монополию отобрали, но школа осталась и продолжала оказывать воздействие на коммунистические умы.

Ленинградские комсомольцы тоже не сидели сложа руки и распространяли среди своих организаций «синюю папку» — подборку статей «правых» с критическими комментариями. По меркам того времени это было типичным проявлением фракционности.

Все эти дискуссии вылились на партию внезапно. Недавние товарищи гвоздили друг друга, и трудно было разобраться, в чем там у них дело. Для большинства коммунистов различие во взглядах между Зиновьевым и Бухариным было слишком сложным. В этих условиях, как и в случае с Троцким, партийная масса предпочла оставаться на стороне начальства: в Ленинграде — на стороне Зиновьева, в остальных регионах — на стороне Сталина и Бухарина. Вне Ленинграда Зиновьева поддерживали еще некоторые сотрудники Коминтерна, а также два известных лидера — Каменев и жена Ленина Н. Крупская, связанная с ними старой дружбой и разделявшая старые догматы ленинизма. «Новую оппозицию поддержал кандидат в члены Политбюро, министр финансов Сокольников и зампред Реввоенсовета Михаил Лашевич. Но это было практически все. „Можно только сказать, что все было подготовлено чрезвычайно искусно, — это мы должны признать, — и нас заставили принять бой тогда, когда соотношение сил такое, что бой принять не следует“¹⁸² — признавал Лашевич.

В сложившихся условиях октябрьское „соглашение о мире“ уже ничего не стоило. Накануне съезда Зиновьев потребовал себе права на содоклад, чтобы иметь возможность подробно разъяснить свою позицию. Отказать было нельзя, делегаты могли сочувственно отнестись к идеям „новой оппозиции“, апеллировавшей к привычным для большевиков бедняцким уравнительным лозунгам.

Идеи „новой оппозиции“ были близки взглядам Троцкого, который был возмущен

¹⁸⁰ Стецкий А. «О некоторых теориях НЭПа» // «Правда», 12 декабря 1925.

¹⁸¹ Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Л. 1926. С.254.

¹⁸² Там же, С. 181.

тем, что „вся полоса хозяйственно — политического развития оказалась окрашенной пассивным преклонением перед состоянием крестьянского рынка“¹⁸³. Но, считая Зиновьева и Каменева зарвавшимися чиновниками, памятуя о травле, которую они против него развернули, не мог поддержать этот новый вызов Сталину и правым большевикам: „позиция, занятая ленинградскими верхами, является бюрократическим извращенным выражением политической тревоги наиболее передовой части пролетариата за судьбу нашего хозяйственного развития в целом и за диктатуру пролетариата... Глухой верхушечный пока что характер борьбы придает ее идейным отражениям крайне схематический, доктринерский и даже схоластический характер..., прокладывает себе дорогу обходными путями и путается в абстракциях, воспоминаниях, бесчисленных цитатах“¹⁸⁴. Вот если Зиновьев признает стратегические идеи Троцкого, откажется от „ленинского“ догматизма, тогда пожалуй.

Троцкого больше интересуют проблемы развития промышленности. Почему бы Сталину, отношения с которым уже полгода ничем не омрачаются, не назначить на это место Троцкого? А раз так, не стоит торопиться с поддержкой оппозиции. Только в конце января, после разгрома „новой оппозиции“, Троцкий понял, что во главе ВСНХ его пока никто ставить не собирается. Тогда он свернул свою работу в этом органе.

А пока Сталин предлагал союз. Накануне съезда он сказал троцкисту Серебрякову: „Я предлагаю вашей фракции помочь нам в деле разгрома зиновьевской оппозиции“. Серебряков, опасаясь провокации, ответил, что фракции нет. „Леонид, — сказа на это Сталин, — я тебя позвал для серьезного разговора. Ты передай своему „старик“ об этом предложении“¹⁸⁵. Сталин, часто встречавшийся с Троцким на Политбюро, действовал очень осторожно и боялся задать свой вопрос прямо. Помогать ему Троцкий не стал, но и в поддержку Зиновьева не выступил. Нейтрализовав Троцкого, Сталин обеспечил себе победу.

15 декабря, накануне съезда, большинство Политбюро послало смутьянам ультиматум: принять за основу резолюцию Московской организации, членам руководства не выступать на съезде друг против друга, отмежеваться от наиболее резких выступлений членов ленинградской организации Саркиса и Сафарова, восстановить в правах сторонников большинства Политбюро, исключенных из ленинградской делегации перед съездом.

Принятие этих требований означало бы полную капитуляцию. Зиновьев и Каменев отвергли этот „компромисс“, что позволило Сталину обвинить их в отказе от сохранения единства.

Решающее столкновение между большинством Политбюро и „новой оппозицией“ Зиновьева и Каменева произошло на XIV съезде партии 18–31 декабря 1925 г.

В докладе Сталин изложил господствующую точку зрения: „мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке...“¹⁸⁶. Это —

¹⁸³ Архив Троцкого. Т.1. С.156.

¹⁸⁴ Там же, С.154.

¹⁸⁵ Цакунов С. В. Ук. соч. С.169.

¹⁸⁶ Сталин И. Соч.7. С.299.

залог движения к социализму. Зиновьев не против этого движения. Суть разногласия в другом: „Бесспорно, и всем ходом нашего хозяйственного развития доказано, что мы действительно строим социализм в нашей стране. Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить социализм... в одной стране, и при том не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской“¹⁸⁷. Каменев, конкретизируя суть разногласий, говорил, что Бухарин и Сталин видят „главную опасность в том, что есть политика срыва нэпа, а мы утверждаем, что опасность в приукрашивании нэпа“¹⁸⁸.

Стороны требовали друг от друга покаяться в прошлых ошибках (в том числе и тех, которые „ошибающиеся“ признали), обильно цитировали Ленина. Крупская корила Бухарина за лозунг „обогащайтесь“, который был „обращен к тому слою, с которым мы боролись во время революции“¹⁸⁹. Бухарин привычно напомнил о поведении Зиновьева и Каменева в 1917 г., обвинял „новую оппозицию“ в нелояльности к ЦК, его сторонник М. Рютин — в создании фракции. Через три года оба испытают тяжесть таких же обвинений на себе. А пока Каменев грустно прокомментировал эти „уколы“: „Ну что же, шкуры у нас дубленые“¹⁹⁰.

Крупская, с ужасом наблюдая избиение людей, которые многие годы были для них с Лениным друзьями семьи, призывала большинство к компромиссу с меньшинством. Разногласия неизбежны, ведь „большинство товарищей работает в очень разных условиях и разных областях работы, и поэтому они видят действительность с несколько разных точек зрения“¹⁹¹. Всего — то. Но если дать возможность этим разногласиям нарастать, то о монолитной партии придется забыть. Но пока Сталин тоже демонстрирует склонность к компромиссу. Еще не известно, чья в итоге возьмет. Так что пока он провозглашает: „Мы за единство, мы против отсечения“¹⁹².

Главная опасность выступлений „новой оппозиции“ — возможность оглашения страшной тайны: Сталин, Зиновьев и Каменев тоже создали свою фракцию. Но прямо сказать об этом пока решился только Лашевич, да и то намеками, шутливо упомянув „тройку“, „семерку“ и „туз“¹⁹³. Имелись в виду не карты из „Пиковой дамы“, а фракционные органы большинства Политбюро. Лашевича резко оборвали. Члены фракции большинства вымарали ответы Лашевичу о „тройке“ и „семерке“ из стенограммы, чтобы никто не догадался, будто Сталин и Бухарин тоже действуют с помощью фракционных методов. Позднее Зиновьев и Каменев будут прямо говорить об этом, но партийная масса уже привыкнет, что оппозиции нельзя верить.

Каменев и Зиновьев не договаривали, потому что видели шанс перетянуть

¹⁸⁷ Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С.98.

¹⁸⁸ Там же, С.252.

¹⁸⁹ Там же, С.159.

¹⁹⁰ Там же, С.245.

¹⁹¹ Там же, 158–159.

¹⁹² Сталин И. Соч. Т.7. С.390.

¹⁹³ Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С.185–186.

Сталина на свою сторону. Но эта надежда таяла на глазах. Каменев говорил: „Я тов. Сталина упрекал в ряде совещаний, я повторяю это перед съездом: ты вряд ли согласен с этой линией, но ты ее прикрываешь, и в этом твоя ошибка, как руководителя партии... Теперь я вижу, товарищи, что тов. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин“. Но дело не просто в Сталине, а в системе аппаратного руководства: „Мы против того, чтобы создавать теорию „вождя“, мы против того, чтобы делать „вождя“. Мы против того, чтобы секретариат фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему технически выполняющий его постановления секретариат“ ...Подчинить секретариат вождям... я неоднократно говорил группе товарищей — ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я кончаю речь свою»¹⁹⁴. Зал негодовал. «Раскрыли карты!» — кричали с мест. Делегаты стоя аплодировали Сталину, подвергнувшись нападению «новой оппозиции». Сведя все к персональному вопросу Сталина, Каменев подтвердил утверждение своих противников о личном характере недовольства оппозиционеров. Так, Петровский говорил на съезде: «Сначала были личные расхождения, а дальше началась уже несогласованная работа, а потом искание позиций, которые можно было бы подвести под эти расхождения и разногласия»¹⁹⁵.

Споры уже ничего не решали — позиции делегатов были известны заранее — ленинградская оппозиция плюс Каменев и Крупская с одной стороны, все остальные делегаты, подобранные аппаратно — с другой. И Троцкий, не сказавший ни слова.

Съезд осудил два уклона: «состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасности, связанных с ростом кулачества», и другой — затушевывающий «борьбу за середняка... как основной организационной форме движения деревни к социализму»¹⁹⁶. С ним нужно было бороться особенно упорно, ибо второй уклон грозил «возвратом к политике раскулачивания». Через четыре года уклонистами станут противники раскулачивания.

Но когда делегаты стали требовать отстранения Каменева и Зиновьева со всех постов, против выступил один из лидеров большинства — Томский. Он напомнил, что у партии мало таких квалифицированных людей, как Каменев и Зиновьев. Их нечем заменить. Пока нечем. Но Сталин уже думает и об этом. А пока после всех взаимных обвинений Зиновьев сохранил свое место в Политбюро, представитель «новой оппозиции» Г. Евдокимов был введен в секретариат ЦК. Чтобы не было обвинений в узурпации власти секретариатом. Это позволило вырвать Евдокимова из Ленинграда и облегчило кадровые перестановки в городе Ленина.

¹⁹⁴ Там же, С.275.

¹⁹⁵ Там же, С.168.

¹⁹⁶ КПСС в резолюциях... Т.3. С.431.

А вот Каменев был понижен до кандидата в члены Политбюро. Он был возмущен. Он напоминал, что был членом Политбюро еще тогда, когда Ленин «не считал возможным вводить в Политбюро тт. Рыкова, Томского и Бухарина...»¹⁹⁷ Каменев доказывал, что его не могут понизить за политические ошибки. Ведь Зиновьева оставили в прежнем ранге. Но в партии, напротив, говорили, что с «новой оппозицией» поступили еще мягко.

Съезд принял обращение ко всем членам Ленинградской организации, в котором увещевал ленинградских коммунистов отмежеваться от своих лидеров: «XIV съезд не сомневается, что Ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией». Цель обращения была обозначена как бы между прочим: «Дискуссия по решениям не может и не должна быть допущена»¹⁹⁸. Дискуссии не было до, дискуссии не должно было быть после съезда. Оппозиционеры возмущались. Ведь им задают вопросы: в чем была ваша позиция, почему вы так ошибались? А они не считают, что ошибались. «Скажите, чтобы мы замолчали, мы замолчим»¹⁹⁹. Но такое предложение не устраивает Сталина. Скажи такое, и Зиновьев с Каменевым начнут всем говорить — виновными себя не признаем, но нам запретили объяснять почему. Зажимают свободу слова.

«Новую оппозицию» не сломали идейно. Да и организационно еще предстояло «попотеть». После поражения на съезде зиновьевцы отчаянно пытались сохранить бастион своего клана в Ленинграде. Ленинградский губком предложил 4 января компромисс: «Единство партии и, в частности, Ленинградской организации, должно быть сохранено во что бы то ни стало»²⁰⁰. В обмен на признание решений съезда должна быть прекращена травля зиновьевцев и чистка руководства Ленинградской организации. Но Сталин не был намерен терпеть господство явно враждебной ему группировки во второй по величине организации ВКП(б) (теперь было это новое сокращение, так как на съезде партию переименовали из Российской во Всесоюзную). ЦК отверг предложение губкома и потребовал капитуляции.

Зиновьевцы оборонялись. На заводы не пускали сторонников ЦК, некоторых увольняли с работы. Большинство районных и заводских организаций ВКП(б) в Ленинграде поддержали Зиновьева. Обращение съезда к ленинградской парторганизации сначала распространялось в виде листовок курсантами военных училищ. Заменяв редакцию «Ленинградской правды», центр начал «промывать мозги» коммунистам «второй столицы». Туда были высланы испытанные кадры: Калинин, Томский, Молотов, Киров и др. Поддержать питерцев приехала Крупская. На собраниях ячеек кипели споры, стороны перед лицом рядовых коммунистов обвиняли друг друга в интриганстве и предательстве рабочего класса. Рабочая масса узнавала о происходящем от коллег — коммунистов. Большинство сочувствовало зиновьевцам хотя бы потому, что они настаивали на улучшении положения рабочих за счет

¹⁹⁷ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.123.

¹⁹⁸ КПСС в резолюциях... Т.3. С.443.

¹⁹⁹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.17, Л.131.

²⁰⁰ Цит. по: Кирилина А. Неизвестный Киров. С — Пб., М., 2001. С.114.

крестьян.

Но партийная масса привыкла к дисциплине. Что скажет ЦК, то и правда. Одна за другой районные организации признавали правоту победившей на съезде фракции Сталина — Бухарина. В феврале на губернскую партконференцию приехали Бухарин и Дзержинский. «Подготовленные» партийцы встретили их восторженно. Под давлением эмиссаров ЦК руководителем Ленинградской парторганизации был «избран» Киров.

Наиболее упорно рабочие держались на Путиловском заводе, где не хотели дать слово даже Калинин. Но под угрозой массового увольнения пролетарии сдались. Лидеры оппозиции высылались на работу в другие регионы. Зиновьеву и Евдокимову разрешалось приезжать в Ленинград только по личным делам. «Гнездо» оппозиции было разорено, но ее бойцы не собирались складывать оружие в борьбе за свои принципы.

Глава III Левая оппозиция

Бюрократия на распутье

1925–1926 гг. был апогеем НЭПа. Победила политика правого большевизма, идеологом которой был Бухарин, а основным организатором — Сталин. Бухарин как бы гарантировал Сталину и стоявшей за ним бюрократической массе: рост крестьянских хозяйств даст государству достаточное количество средств для строительства промышленных объектов, гарантирующих экономическую независимость и военную безопасность, рост благосостояния трудящихся и укрепление авторитета партии и экономической власти государства.

«Мы сейчас в нашей стране являемся не партией гражданской войны, а партией гражданского мира»²⁰¹, — провозгласил он в феврале 1926 г. Это было уже почти признанием «надклассового» характера партии, отсутствия ее твердой связи с пролетариатом (о классовом бюрократическом характере новой власти тогда еще не говорили даже оппозиционные коммунисты).

Эта политика устраивала и большинство населения, причем не только середняка, но и «кулака» (зажиточного крестьянина по одним оценкам, сельского буржуа — по другим). Один из сельских предпринимателей писал: «Мы, торговые люди, всегда коммунизм понимали... Пускай коммуна строится, только бы нас не трогала... Бедняк выгоден для власти политически, середняк — экономически, а кулак ведет показательное хозяйство»²⁰². В этом откровенном письме чувствовалось предложение страшного для коммунистов компромисса — высокопродуктивное сельское хозяйство может быть только крупным, и поскольку у государства не получается наладить такое производство из — за бюрократической неразберихи и равнодушия работников, то сельская буржуазия возьмет это дело в свои руки, и капитализм превратится здесь в лидирующий сектор.

²⁰¹ Бухарин Н. И. Избранные сочинения. М., 1988. С.235–236.

²⁰² Рогалина Н. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С.39.

В государственном секторе, который в модели НЭПа должен был играть организующую роль, царил хаос. Бюрократический монополизм породил совершенно неэффективную систему управления. Председатель Высшего совета народного хозяйства Ф. Дзержинский писал: «Из поездки своей... я вынес твердое убеждение о непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений..., губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные средства и силы»²⁰³. Невозможность произвести достаточное количество товаров, которые устроили бы крестьян, могло завести в тупик очередную заготовительную кампанию — крестьянин не хотел отдавать хлеб слишком дешево. В этом крылись пределы роста НЭПа — он годился как восстановительная политика, но по мере приближения к уровню 1913 г. требовались новая техника, квалифицированное управление предприятиями либо дополнительные стимулы к труду работников. Этого коммунисты пока предложить не могли. Поэтому они не могли предложить деревне достаточного количества товаров. Поэтому не хватало хлеба и других сельских товаров, чтобы обеспечить дальнейшее развитие промышленности. Поэтому успехи НЭПа были временными, он был обречен на глубокий кризис. Довоенный уровень экономики был для него пределом роста.

Аппетиты коммунистической элиты в 1926 г. снова оказались гораздо выше возможностей нэповской экономики. Апрельский пленум признал неудачи планирования, выразившиеся в преувеличении планов и по сбору зерна, и по экспорту, и по валютным поступлениям, и по капитальному строительству. Одно вытекало из другого — меньше хлеба — меньше строек, меньше строек — меньше техники и промышленных товаров, меньше дает промышленность — меньше хлеба продает село. Товарный голод. Всем нужны товары, но рынок не работает. Замкнутый круг.

Разорвать его могла индустриализация — создание передовой промышленности. Эту проблему должен был по докладу Каменева обсудить XIV съезд. Но там было не до серьезного разговора. В апреле 1926 г. уже по докладу Рыкова тему обсудил Пленум ЦК. Опираясь на выводы спецов (умеренных социалистов), Рыков считал необходимым рост промышленности по «затухающей кривой», то есть быстрый рост первоначально и более медленный потом, после рывка. Троцкий назвал эту идею «черепашьям шагом к социализму». Возражая Рыкову, он утверждал: «Основные хозяйственные трудности проистекают, следовательно, из того, что объем промышленности слишком мал... Было бы в корне неправильно думать, будто к социализму можно идти произвольным темпом, находясь в капиталистическом окружении»²⁰⁴. То есть, по Троцкому нельзя было ставить рост промышленности в зависимость от роста крестьянского хозяйства. «Между тем движение к социализму обеспечено только в том случае, если темп развития промышленности не отстает от общего движения хозяйства, а ведет его за собой, систематически приближая страну к техническому уровню передовых капиталистических стран».²⁰⁵

Дефицит техники был главной экономической проблемой, хорошо

²⁰³ Цит. по: Коммунист. 1989. № 8. С.85.

²⁰⁴ Архив Троцкого, Т.1. С.217–219.

²⁰⁵ Архив Троцкого. Т. 2. С. 14.

осознававшейся лидерами партии. Пленум ЦК признал, что «народное хозяйство подошло к концу восстановительного периода, используя всю технику, доставшуюся от дореволюционного времени»²⁰⁶. Пока нет новой техники, не может быть и новых средств производства, готовых качественно повысить производительность труда, экономическую мощь страны и государства, уровень жизни трудящихся.

Технику можно было бы купить на Западе, но в 1926 г. экспорт СССР был меньше импорта — расширить покупки было не на что.

Частная торговля также обгоняла неповоротливое государственное хозяйство — она контролировала 83 % розничного товарооборота. Кулаки оказались, как и следовало ожидать, более предприимчивыми, и сами подчиняли себе кооперативы, расширяли свое хозяйство, вызывая зависть и ненависть чиновников и бедняков — маломощных крестьян, не способных к самостоятельному хозяйствованию. Крестьянское самоуправление поддерживало хозяйственных крестьян, это же сказалось и при выборах в Советы. Беднякам же оставалось писать в «инстанции»: «Кажется, загрыз бы зубами кулака»²⁰⁷. И все чаще звучал лозунг: «За что боролись?»

Недовольство проявляли и рабочие. В 1926 г. прошло 337 забастовки вместо 196 в 1925 г. Иногда рабочие выступления принимали политический характер, как это случилось во время кампании помощи бастующим английским шахтерам, на которых Коминтерн возлагал большие надежды: «Рабочие путиловских заводов (5 тыс. чел.) отказались отдать часть заработка в помощь горнякам Англии. Перед ними выступил председатель ВЦСПС М. П. Томский. Против него выступило двенадцать рабочих, которые резко критиковали его речь, высказывались против политики правительства в этом вопросе и свое отрицательное отношение мотивировали тем, что оборванные, не одетые русские рабочие должны выплачивать на британских бастующих, делегаты которых приезжают сюда, одетые в дорогие меха, в накрахмаленных воротничках и в шелковых чулках... Около 80 рабочих было арестовано».²⁰⁸

Напомним, что именно путиловцы дольше других поддерживали «новую оппозицию». Так что почва для расширения внутрипартийной оппозиции существовала. Требования роста зарплаты рабочих и ускорения индустриального роста за счет «нажима на кулака» (то есть увеличения налогов с зажиточных крестьян) встречали в партии большую поддержку. Росло недовольство привилегированной бюрократией, требования больших прав в партии для простых рабочих, широкого обсуждения курса партии, который стал подходить к новой кризисной черте.

Оппозиционеры больше других говорили о приближающемся кризисе, и события подтверждали правоту их критики: «тот не критический оптимизм, который сейчас так широко распространен среди хозяйственников и в значительной степени поддерживается нашей прессой, может усугубить действие неизбежного кризиса, ибо этот последний застигнет нас врасплох»²⁰⁹, — напоминал Троцкий на апрельском

²⁰⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. М., 1984. С.10.

²⁰⁷ Рогалина Н. Ук. соч. С.36.

²⁰⁸ Шишкин В. А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.). С — Пб., 1999. С. 245.

²⁰⁹ Архив Троцкого. Т.1. С.209.

пленуме 1926 г. о своих словах, сказанных несколькими месяцами ранее.

Провозгласив гражданский мир в стране, руководители партии должны были продолжать наступление на оппозицию, которая отстаивала прежнюю политику и могла объединить вокруг себя всех недовольных капиталистическим расслоением.

Надежным средством борьбы с вождями оппозиции были кадровые перемещения. В январе 1926 г. было принято решение совместить пост руководителя Совета труда и обороны (СТО) и СНК СССР. Унаследованное от времен гражданской войны экономическое двоевластие было ликвидировано, и для возглавлявшего СТО Каменева пришлось искать другую работу. Каменева назначили наркомом внешней и внутренней торговли, что было незначительным понижением в должности (заслуженного лидера как бы и не преследовали за инакомыслие). Этим же постановлением Сокольников переводился с поста наркома финансов СССР на малозначительный пост одного из заместителей председателя Госплана СССР.

Разгром Ленинградской оппозиции ставил на повестку дня объединение оппозиционных фракций. Несмотря на то, что лидеры «диссидентов» терпеть друг друга не могли, но факт оставался фактом — их взгляды почти не отличались. Сначала Троцкого это обстоятельство даже смущало, и он попытался воспользоваться этим обстоятельством, чтобы доказать: ни его, ни кого — либо из вождей большевизма нельзя обвинять в идеологических «отклонениях», все разногласия искусственно раздуты интриганями — чиновниками: «Почему обвинители так легко превращаются в обвиняемых. Потому, что у нас всякий вопрос ставится на острие аппаратной бритвы и всякое отклонение от этого острия на одну тысячную долю миллиметра объявляется — путем аппаратного мифотворчества — чудовищным уклоном. Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима. А режим этот автоматически приводит к тому, что тот, кто недавно других обвинял в троцкизме, сегодня сам оказывается троцкистом»²¹⁰, — говорил «главный троцкист» на апрельском пленуме ЦК. В этих горьких словах было много справедливого: руководители бюрократической системы ВКП(б) боролись за полное единомыслие, и любую свободу взглядов воспринимали как враждебную деятельность, как шаг к расколу. Свою роль во взаимных обвинениях играли и личные антипатии, и борьба за власть. Но для таких людей, как идеологи большевизма, взгляды, идеологический поиск был все же на первом месте. Уверенность в собственной правоте разделяла и сводила людей.

И Троцкий, и Зиновьев верили, что они — представители не бюрократии, а рабочего класса. В это же верил и Сталин, и Бухарин. Все они, как марксисты, видели свою цель в преодолении капитализма в интересах работников. Но пути этого видели по — разному. Именно в «правильном пути» заключалась служба рабочему классу, а в «неправильном» — чему — то иному, враждебному. Объективная (неосознанная) или осознанная (если человек упорствует в неправоте) служба буржуазии.

Прежде всего — мировой буржуазии. Раз Сталин переносит центр тяжести борьбы с мира на страну, он объективно помогает мировому капиталу. Строительство социализма в условиях зависимости от мировой конъюнктуры — это создание общества, подконтрольного мировому капиталу и пропитанного национальными особенностями, унаследованными от полуфеодального прошлого. «Социализм в нашей стране победит в неразрывной связи с революцией европейского и мирового

²¹⁰ Там же, С.211.

пролетариата и борьбой Востока против империалистического ярма»,²¹¹ — считали оппозиционеры. «Грубее всего идеологический маскарад обнаруживается в совершенно упадочной теории „социализма в одной стране“. По Ленину революционная эпоха выросла из империализма, из „зрелости“ и „перезрелости“ капитализма не в национальном, а в мировом масштабе... Защитники новой теории социализма в одной стране исходят, по существу, из предпосылки замкнутого экономического и политического развития».²¹² Сторонникам построения социализма в одной стране оппозиционеры отвечали: «вы потеряли веру в победу социальной революции в других странах»²¹³

По тем же причинам оппозиционеры считали необходимым усилить нажим российский капитал, который накапливался прежде всего в сельском хозяйстве. Они считали, что кулачество контролирует треть товарного хлеба. Оппозиция не тешила себя иллюзиями добровольного участия крестьян в создании гигантов индустрии, что требовало колоссальных средств. Бюрократия поддержала бы программу (как поддержит через два года еще более грубой экспроприации крестьянства). Зиновьевцы надеялись, что в ближайшее время настроение партийной элиты сдвинется влево — к этому вела логика событий (но привела только через три года). Но оппозиционеры прямо выступили и против самой бюрократии, критикуя ее неэффективность и антидемократизм. Вожди оппозиции, привыкшие чувствовать себя хозяевами аппарата, никак не могли свыкнуться с положением, когда аппарат стал хозяином партии.

Лишившись власти, лидеры большевизма стали уделять проблеме бюрократизации гораздо большее внимание, чем прежде, в годы революции, когда они закладывали основы бюрократической диктатуры. Троцкий отождествлял демократию с возможностью для лидеров высказывать разные мнения. Теперь его лишали такой возможности. И вождь вступает за право партии выбирать между вождями, которое уже не признается победившей фракцией: «Партия изображается в виде инертной массы, которая упирается и которую приходится „втягивать“ в обсуждение тех задач, которые ставит перед нею тот же партийный аппарат... Он разъясняет, что найдет нужным, через партию рабочему классу»²¹⁴.

Партия уже несколько раз «проваливала» Троцкого. Причину этого вождь видит в аппаратных методах полемики. Вот если бы спор был честным, то красноречие Троцкого дало бы результат... Но ведь дело не в том, чье красноречие сильнее. Когда большевики проигрывали диспуты эсерам, Троцкий был в первых рядах тех, кто предлагал разогнать «говорильню» Учредительного собрания. Но это была «их», мелкобуржуазная говорильня, а теперь нужно бороться за «нашу» пролетарскую демократию. При этом Троцкий был далек от идеи предоставить демократию вне партии хотя бы рабочим. Пролетариат для Троцкого был синонимом партии.

Троцкий не видел, что партийная бюрократия может выразить собственные

²¹¹ Архив Троцкого. Т. 2, С. 19.

²¹² Там же, С. 91, 142.

²¹³ РГАСПИ Ф.17, Оп.71, Д.85, Л.12.

²¹⁴ Архив Троцкого. Т.1. С.231.

классовые интересы. Приходилось искать ей иные социальные объяснения: «Бюрократизация партии является в этом случае выражением нарушенного и нарушаемого в ущерб пролетариату социального равновесия»²¹⁵. Но где это искомое равновесие?

Оппозиционеры объединяются

В начале 1926 г. коммунистическая оппозиция была расколота на несколько фракций: троцкисты, «новая оппозиция», группа «демократического централизма» (сапроновцы), «рабочая оппозиция» (шляпниковцы), «рабочая группа» (медведевцы). Наиболее влиятельными были первые две группировки. Несмотря на острую неприязнь их вождей друг к другу, объединение было неизбежно — две группы имели практически общие взгляды. Еще в апреле Троцкий не терял надежды договориться со Сталиным о «более дружной работе, разумеется, на почве решений XIV съезда»²¹⁶. Но затем Троцкий понял, что Сталин не намерен возвращать его к реальной власти, начались переговоры о примирении между опальными лидерами.

Известный троцкист Пятаков писал «новым оппозиционерам»: «Решайтесь: или вы „честно“ хотите сообща вести работу, без кулака в нашу сторону (и мы наши кулаки согласны разжать) или... идите в Каноссу к Сталину»²¹⁷. Под Каноссой имелось в виду покаяние. Каяться не хотелось — все считали себя правыми.

Сталин не без тревоги наблюдал за сближением двух групп. Особенно беспокоил Зиновьев, который по части политической интриги был своего рода учителем Сталина. Сталин пишет Молотову: «До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Тр(оцкий), Ра(очая) оппоз(иция) и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо... С появлением группы Зинов(ьева) оппоз(иционные) течения стали наглеть, ломать рамки лояльности»²¹⁸. Сталин был готов использовать униженного Троцкого на вторых ролях как ценного специалиста. Но теперь, когда Сталина атакуют его недавние друзья, Троцкий тоже усилил натиск. Это нетерпимо, в условиях такой склоки ЦК не может работать. Большевистская политическая культура была чужда согласованиям. Руководящее ядро могло работать только как единая команда, но эта команда подбиралась Лениным, и без него быстро превратилась в совокупность враждующих групп. Но и просто очистить руководство от несогласных было опасно — вместе с опальными вождями могли уйти сотни их сторонников, занимающих важные посты. Раскол партии означал и раскол государственной структуры, потерю однопартийности. Сначала нужно превратить Троцкого, Каменева и Зиновьева «в политических отщепенцев вроде Шляпникова»²¹⁹. Их сторонников перемещают с места на место, чтобы нигде не дать закрепиться, обрасти кадрами, реальными

²¹⁵ Там же, С.235.

²¹⁶ Там же, С.188.

²¹⁷ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.27, Л.121.

²¹⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. С.72.

²¹⁹ Там же, С.71.

властными полномочиями. Снова распространяется информация о «недостойном прошлом», часто клеветническая. Унизить противника, чтобы массы коммунистов перестали уважать Троцкого, Каменева и Зиновьева. Сталин надеялся бить зиновьевцев и троцкистов по частям, но давление на оппозиционеров ускорило их сближение.

Еще в июне Троцкий упрекает Зиновьева и Каменева за бюрократизм и травлю против «троцкизма». На Политбюро Троцкий голосовал то за, то против предложений Зиновьева. Но накануне июльского пленума ЦК лидеры оппозиции наконец столкнулись и признали ошибочность борьбы друг против друга в 1923–1924 гг. Зиновьев признал, что оппозиционное движение 1923 г. «правильно предупреждало об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте пролетарского режима». Троцкий также признал «грубой ошибкой» то, что он раньше связывал «оппортунистические сдвиги» с деятельностью Зиновьева и Каменева, а не Сталина. «Это значит, что Троцкий открыто отсекся от своих на шумевших „Уроков Октября“, дав тем самым „амнистию“ Зиновьеву и Каменеву в обмен за ту „амнистию“, которую он получил от Зиновьева и Каменева»²²⁰, — иронизировал Сталин.

Товарищи предостерегали Троцкого от союза с Зиновьевым: «Сталин обманет, а Зиновьев убежит», — говорил ему С. Мрачковский. Троцкий позднее признал правоту своего товарища в оценке зиновьевцев: «их хватило не на долго»²²¹. Но на безрыбье и рак рыба. Казалось, что совместный натиск вождей на бюрократию даст результат.

Поскольку против опальных большевиков работала вся мощь секретариата ЦК с его слаженным аппаратом, оппозиционеры попытались также наладить рассылку своих материалов, чтобы информировать партийные круги о своей позиции и опровергать клевету большинства. Но сталинский аппарат быстро отследил появление их в Брянске, Саратове, Владимире, Пятигорске, Омске, Гомеле, Одессе. Раз аппарат ЦК работал против них, оппозиционные вожди использовали подчиненные им аппараты. Сотрудники Зиновьева по Коминтерну ездили по стране, собирая сторонников «левых». Старые конспираторы с дореволюционным стажем стали назначать явки, шифры и пароли. Вольномыслящие коммунисты перепечатывали материалы оппозиции, даже если не были с ними согласны: партия должна знать разные мнения. Чтобы дать возможность партийцам Краснопресненского района послушать точку зрения оппозиционного кандидата в члены ЦК М. Лашевича, пришлось собирать 6 июня сходку в лесу под Москвой. Еще бы, теперь за связь с оппозицией могли исключить из партии и снять с работы.

Но у Сталина тоже везде были свои уши. Руководитель Краснопресненской организации М. Рютин узнал о происшедшем и немедленно доложил «куда следует». Активность оппозиционеров была истолкована соответствующим образом: оппозиционеры создали подпольную организацию внутри партии, фракцию. Июльский пленум ЦК, издевательски предложив оппозиционерам открыто высказывать свои взгляды, исключил Зиновьева из Политбюро, Лашевича — из ЦК. Он был также выведен из Реввоенсовета — велась чистка армии от оппозиционеров.

В ответ на обвинения во фракционности оппозиционеры разгласили страшную тайну Сталина: «В течении двух лет до XIV съезда существовала фракционная

²²⁰ Сталин И. Соч. Т.8. С.237.

²²¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.265–266.

„семерка“, куда входили шесть членов Политбюро и председатель ЦКК тов. Куйбышев. Эта фракционная верхушка секретно от партии предreshала каждый вопрос, стоящий в порядке дня Политбюро и ЦК, и самостоятельно разрешала ряд вопросов, совсем не вносившихся в Политбюро... Подобная же фракционная верхушка существует несомненно и после XIV съезда. В Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных центрах происходят секретные собрания, организуемые частью верхушек партаппарата, несмотря на то, что весь официальный аппарат находится в ее руках. Эти секретные собрания по особым спискам являются чисто фракционными собраниями. На них читаются секретные документы. За простую передачу которых всякий, не принадлежащий к этой фракции, исключается из партии».²²² Пленум предпочел не поверить. Тем более, что сидевшие в президиуме люди знали, что это правда. Но «не пойман — не вор». Зато Сталину пришлось пережить серьезное унижение, когда оппозиция добилась зачтения им последних писем и статей Ленина, направленных против генсека. Сталин зачитал тексты (они попали в официальные стенограммы), но никаких организационных выводов из них сделано не было.

Оппозиция напомнила, что большинство Политбюро действовало как фракция и призвала: «Мы обращаемся к пленуму ЦК с предложением — общими силами восстановить в партии режим, который позволит разрешить все спорные вопросы в полном соответствии со всеми традициями партии, с чувством и мыслями пролетарского авангарда».²²³ Но большинство уже приняло решение превратить оппозиционеров в «политических отщепенцев».

Июльский пленум должен был нанести удар также по Каменеву, но он на прямой фракционной работе не попался. Его заставили отчитываться за только что полученный участок работы. На обсуждение был поставлен доклад наркома торговли Каменева «О хлебозаготовительной кампании». Дзержинский дал разгромную оценку деятельности Каменева на этом посту. Тот заметил: «Вы четыре года нарком, а я только несколько месяцев». Дзержинский в ответ: «А вы будете 44 года и никуда не годны, потому что занимаетесь политиканством, а не работаете... Я не щажу себя тов. Каменев никогда»... Новая оппозиция и Троцкий часто прерывали речь Дзержинского постоянными резкими контрвыпадами. В своей речи Дзержинский предлагал расстрелять виднейших членов оппозиции. Но они выкрикивали: «...это вас нужно расстрелять!». Дзержинский кидал реплику: «Я вам докажу, что добьемся своего!»²²⁴ — докладывал чехословацкий дипломат о драматичной полемике на пленуме.

Дзержинский воспринимался оппозицией как законченный термидорианец, сторонник террора против революционеров, гарант буржуазного перерождения, интересов обуржуазившейся бюрократии и новой буржуазии. Он был достаточно прямолинеен, чтобы уже в июле 1926 г. прямо объявить инакомыслящим, что их ждет в итоге борьбы «с партией». Конечно Дзержинский тоже думал, что оппозиция ведет к контрреволюционной диктатуре: «оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья не были на

²²² Архив Троцкого. Т. 2. С. 20.

²²³ Там же, С. 22.

²²⁴ Шишкин В. А. Ук. соч. С. 38–39.

его костюме»²²⁵.

Непримиримость Дзержинского к товарищам по партии контрастировала с его покровительственным отношением к бывшим меньшевикам, которые работали в ВСНХ. Как то он говорил Валентинову: «Ленин часто говорил, что Ю. Ларин любит сплетничать. Это верно. Вот теперь он в разных местах фистулой (у Ларина был пискливый голос — комментирует Валентинов) свистит, что, мол, в ВСНХ — меньшевистское засилье. Пожелаю, чтобы и в других наркоматах было такое же засилье»²²⁶. Дзержинский в своих экономических воззрениях находился под влиянием меньшевиков и правых большевиков, и он убежденно отстаивал эти идеи: «Программа Пятакова, — кричал он на пленуме, — за повышение оптовых цен бессмыслица, она антисоветская, антирабочая. Это ликвидация всей нашей борьбы за снижение розничных цен»²²⁷.

Но в вопросе о бюрократии Дзержинский был ближе по взглядам к оппозиции: «Я прихожу прямо в ужас от нашей системы управления, этой неслыханной возни со всевозможными согласованиями и неслыханным бюрократизмом»²²⁸ «Троцкий будто бы крикнул ему: „Осторожнее указывайте на разлагающий партию бюрократизм! Вы рискуете со всеми вытекающими отсюда последствиями быть записанным в лагерь оппозиции“»²²⁹. Впоследствии правые большевики будут повторять троцкистскую критику бюрократии. И их зачислят в лагерь оппозиции. Но Дзержинский до этого не дожил. Он так энергично боролся с троцкистами, что умер от сердечного приступа после очередного заседания пленума. Это позволило сделать его мучеником борьбы с троцкизмом. Моральная победа на пленуме осталась за правящей группой.

3 августа 1926 г. Каменев подал в отставку с поста Наркома, за который не держался. В глазах партийного актива это тоже выглядело как поражение. В начале августа Троцкий заявил: «тов. Сталин выставляет свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции»²³⁰. Сталин был возмущен. Личные отношения между ними были окончательно разорваны.

Но «объединенная оппозиция» не считала себя разбитой. По итогам пленума 13 лидеров троцкистов и зиновьевцев приняли общую резолюцию, которая стала первым документом объединенной оппозиции. В нем говорилось: «Ближайшая причина все обостряющихся кризисов в партии — в бюрократизме, который чудовищно вырос в период, наступивший после смерти Ленина, и продолжает расти»²³¹

В чем причина этой напасти? «Расхождение между направлением хозяйственной политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда усиливает

²²⁵ Коммунист. 1989. № 8. С.88.

²²⁶ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.211.

²²⁷ Там же, С.168.

²²⁸ Там же, С.169.

²²⁹ Там же, С.169.

²³⁰ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.97. Л.304.

²³¹ Архив Троцкого. Т.2. С.11.

неизбежно потребность в нажиме и придает всей политике административно — бюрократический характер».²³² То есть бюрократизация вытекает из принуждения пролетариата к движению туда, куда он (вернее — его коммунистический авангард) двигаться не желает. Но большевики сразу после прихода к власти тащили пролетариат туда, куда он идти не желал, активно сопротивляясь большевистской власти. Что касается коммунистического «авангарда», то он уже несколько раз «прокатывал» оппозиционеров во время дискуссий. Причины бюрократической напасти коммунистическая оппозиция не нашла, да и не могла найти в силу своей приверженности сверхцентрализованной модели социализма.

Но сомнения в правильности большевистского построения партии были. Авторы вычеркнули из проекта заявления 13-ти ритуальное заклинание о пользе партийного централизма: «Без такой могучей централизации мы не победили бы врагов в прошлом и не выполним своих задач в будущем»²³³. Теперь благотворность партийной централизации переносится в прошлое: «Значение крепко спаянного централизованного аппарата в большевистской партии не требует пояснений. Без этого костяка партии пролетарская революция была бы невозможна».²³⁴ Для того, чтобы подавить противников большевизма, нужна крепкая централизация, а после победы, для коммунистов — демократия. Но вот беда — «крепкий централизованный аппарат» не собирается сдавать свои позиции.

Крепко спаянный централизованный аппарат партии — государства стал ядром этатрического класса, основой которого была бюрократия. Ее усиление вытекало с неизбежностью исторического закона из огосударствления экономики, партийно — государственной централизации и подавления гражданского общества. Программа левой оппозиции ничего не противопоставляла этому процессу. Она выражала интересы части коммунистической технократии, и при всей ненависти к своим бюрократическим «братьям по классу», объективно содействовала их усилению. Левая оппозиция пыталась избавить бюрократию от правых иллюзий, придать государственному хозяйству больший динамизм. Со временем лидеры бюрократии воспримут экономическую часть троцкистской программы. Но вожди оппозиции считали, что их программа может быть реализована только под их руководством.

Наступление Объединенной оппозиции

А пока оппозиционные лидеры, как и лидеры большинства, ушли в отпуск. В прямом смысле слова. Спорщики разъехались в отпуска, накапливать силы для новой схватки осенью.

Троцкий и Зиновьев вернулись из Крыма 29 сентября и узнали об исключении нескольких малоизвестных партийцев за фракционную работу. Партийные чиновники проверяли, готовы ли вожди оппозиции заступаться за свой актив. Они были готовы. Направившись в Коммунистическую академию, где была запланирована встреча с

²³² Архив Троцкого. Т. 2, С. 13.

²³³ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.77, Л.1.

²³⁴ Там же, С. 17.

этими партийными руководителями (а оппозиционеры формально оставались партийными руководителями), левые подвергли политику большинства Политбюро разгромной критике. Троцкий и Зиновьев имели огромный ораторский опыт, увлекали за собой аудиторию, даже уже обработанную официальными агитаторами ЦК.

Окрыленные первым успехом, лидеры «объединенной оппозиции» пошли в рабочие ячейки, и там имели успех. Настоящее сражение развернулось на заседании парторганизации Рязанской железной дороги. Рабочие спрашивали, за что из партии исключили двух их товарищей — оппозиционеров. За взгляды? На собрание был приглашен известный оппозиционер, лидер группы «Демократического централизма» Т. Сапронов. Он стал выступать. Руководители ячейки стали его закрикивать, а рабочие — поддерживать. Оппозиционеры послали за Троцким, который прибыл незамедлительно. «При появлении на собрании т. Троцкого райкомщики подняли крик, шум, гам, свист, рабочие же тов. Троцкому устроили овацию»²³⁵ — рассказывал Сапронов. Начальство ушло с собрания и объявило его незаконным. Несмотря на это рабочие долго слушали опального вождя, приняли резолюцию и спели интернационал.

Рабочие заявили, что Московская контрольная комиссия исключила из партии их товарищей «за то, что они пытались добросовестно разобраться в вопросах, волнующих партию... Мы, рабочие партийцы, хотим принимать непосредственное участие в управлении нашей собственной партией... Нам говорят, что оппозиция ошибается, а что говорит сама оппозиция, мы не знаем».²³⁶

На собраниях Троцкий так излагал программу левой оппозиции: «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана — получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой. Вот в двух словах наша хозяйственная программа»²³⁷ Все эти цифры были совершенно условны. Правым было ясно одно: резкое сокращение бюрократии приведет только к дезорганизации государственного хозяйства. Экспроприация кулаков и нэпманов даст средства только на год, а потом брать будет не с кого.

Никто из членов Политбюро не решился противостоять в открытой полемике Троцкому и Зиновьеву, когда они, окрыленные успехом, вместе со своими сторонниками Радеком, Пятаковым, Смилгой и др. созвали несколько собраний на фабриках и заводах в Москве и окрестностях. Дискуссии закипели в партийных ячейках на заводах, в хозяйственных и даже в военных учреждениях. Сталин и Бухарин опасались большого скандала, особенно в условиях назревающего экономического кризиса. Истинные настроения партийного актива были неизвестны — далеко не все решались высказывать то, что думают.

Открыто в Москве и Ленинграде за оппозицию решились проголосовать только 496 человек, но по данным чехословацкого дипломата Й. Гирсы в Москве около 45 % коммунистов были на стороне оппозиции²³⁸.

²³⁵ РГАСПИ Ф.17, Оп.71, Д.84, Л.3–4.

²³⁶ Там же, Л.1.

²³⁷ Партия и оппозиция по документам. Материалы к XV съезду ВКП(б). Вып.2. М., 1927. С.29.

²³⁸ Шишкин В. А. Ук. соч. С. 50.

Но пока недовольство политикой ВКП(б) было еще не очень велико. Кризис НЭПа еще не набрал силу. К тому же предлагавшаяся оппозицией демократия не касалась народа (рабочему классу обещали сохранение зарплаты, не более), речь шла о демократии для элиты, причем еще более узкой, чем в ненавистных капиталистических странах. Диктаторский «имидж» вождей оппозиции ослаблял силу ее агитации за демократию и против бюрократизма. Страна помнила Троцкого как жестокого диктатора времен гражданской войны, Ленинград помнил авторитарный стиль руководства Зиновьева.

Отсутствие возможности отстаивать свои взгляды в печати ставило оппозицию под удар клеветы — ее требования в ответах Бухарина и его сторонников доводились до абсурда. Использовались и антисемитские нотки. «Идейная борьба заменилась административной механикой: телефонными вызовами бюрократии на собрания партийных ячеек..., хорошо организованным свистом и ревом при появлении оппозиционеров на трибуне. Правящая фракция давила механической концентрацией своих сил, угрозой репрессий. Прежде чем партийная масса успела что —нибудь услышать, понять и сказать, она испугалась раскола и катастрофы. Оппозиции пришлось отступить»²³⁹, — вспоминает Троцкий о ситуации 1926 г.

Оппозиционеры пытались представить себя равноправным течением в партии и 4 октября обратились в ЦК ВКП(б) с заявлением о необходимости налаживания «совместной дружной работы» и «ликвидации тяжелого периода внутривнутрипартийной распри»²⁴⁰. Политбюро затем оценило это заявление как признание правильности политики ЦК, что было явным преувеличением. Оппозиционеры освежили связи со второй столицей. 7 октября на собрании коллектива крупнейшего ленинградского завода «Красный путиловец», где присутствовал Киров, неожиданно выступил приехавший из Москвы Зиновьев. Левые выступили и на других предприятиях Ленинграда. Каждый раз их выступление вызывало интерес рабочих и бурю негодования со стороны начальства. Но и негодование это часто было показным.

Политбюро вынуждено было услышать призыв к компромиссу и выставило 11 октября свои условия, сводившиеся к прекращению фракционной работы и недопустимости открытой дискуссии. Требовалось также отмежеваться от других оппозиционных групп, критиковавших Политбюро. Поскольку левые отрицали, что ведут именно фракционную работу, и отрицательно относились к более радикальным оппозиционерам, чем они сами, то Троцкому, Зиновьеву и Каменеву оставалось согласиться только на прекращение дискуссии.

Достижению компромисса способствовало и то, что сталинское руководство по —прежнему не чувствовало себя уверенно. Сохранялись «опасения быстро и резко порвать друг с другом при неустойчивости режима и боязни внешних и внутренних его противников в случае внезапного раскола или распада партии».²⁴¹ Эти опасения будут сохраняться и позднее, но невозможность единства изменит отношение к товарищам по партии. С кем нельзя договориться, того следует репрессировать. В условиях хозяйственных трудностей оппозиция может получить массовую поддержку

²³⁹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т.2. М., 1990. С.274.

²⁴⁰ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 64.

²⁴¹ Шишкин В. А. Ук. соч. С. 58.

недовольных, расколоть партию и таким образом покончить с ее монополией на власть. А в условиях многопартийности из подполья выйдут сторонники иных путей, кроме марксистского, и страна вернется к капитализму. Все жертвы революции будут напрасными. Такая логика возобладает уже через год. А пока противоборствующие фракции еще были готовы договариваться.

15 октября передовица «Правды» отзывалась об оппозиции в компромиссном тоне. 16 октября лидеры левых подписали заявление, в котором вновь подтверждалось осуждение фракционной борьбы (оппозиционеры не признавали, что ведут именно фракционную борьбу), признавались некоторые ошибки, хотя и утверждалось, что оппозиция остается «на почве своих взглядов», изложенных «в официальных документах и речах ...», «...обязуется отстаивать лишь в формах, установленных уставом, решениями съездов и ЦК в убеждении, что то, что в этих взглядах правильно, будет принято партией в ходе ее дальнейшей работы»²⁴². Признание ошибок стало условием компромисса — Сталину было важно унижить противников, использовать и это столкновение, чтобы подорвать авторитет опальных вождей, чья слава еще недавно превосходила его, Сталина, славу. И дело было не в личных амбициях. Чтобы победить в политической борьбе, необходим больший авторитет, влияние, поддержка, чем у противника. Добившись своего, правящая группа прокомментировала заявление оппозиции: «Центральный Комитет считает, что тот минимум, который необходим для обеспечения единства партии, можно считать достигнутым. Задача состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь»²⁴³.

Оппозиционерам могло показаться, что за ними признали право на инакомыслие — сохранение ошибок, с которыми нужно бороться идейно, а не организационно. Но Сталин решил закрепить успех именно «оргмерами». Раз были признаны ошибки, то есть идеологическое преступление, можно было перейти и к наказаниям. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 и 26 октября рассмотрел вопрос «О внутрипартийном положении в связи с фракционной работой и нарушении партийной дисциплины ряда членов ЦК».

По предложению С. Кирова (разумеется от имени ленинградской организации, что должно было быть особенно болезненным ударом для Зиновьева) было принято постановление, в соответствии с которым Зиновьева отозвали из руководства Коминтерна, Троцкого вывели из Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро. Меры взыскания должны были быть умеренными. Важно было не вызвать к опальным вождям излишнюю жалость, которая часто окружает опальных бояр. А в случае обострения обстановки в стране можно было бы и примириться с этими опытными работниками, которые с наибольшей эффективностью действовали именно в условиях революции.

Одновременно Сталин настоял на еще одном унижении оппозиции. В качестве проверки на лояльность Зиновьева ему предложили выступить против других оппозиционеров, которые выступили за отказ от однопартийности, компромисс с социал — демократией, широкую демократизацию. Этот уклон, представленный

²⁴² Правда. 1926. 17 октября.

²⁴³ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 66.

прежде всего «рабочим оппозиционером» С. Медведевым, был «заклеймлен» как меньшевистский, а Зиновьеву еще в начале года было предложено выступить против него в прессе. Зиновьев согласился, так как действительно выступал против столь широкой демократизации, но затягивал выступление против коллег по оппозиционной деятельности. В мае 1926 г. Сталин писал Молотову, что Зиновьев «преступно просрочил все сроки»²⁴⁴ выступления против Медведева. В итоге «честь» дать отпор «меньшевистскому уклону» выпала на долю Бухарина, который осудил «правых» в статье «Правая опасность в нашей партии». «Новой оппозиции» пришлось присоединиться к позиции Бухарина. Альтернативу Зиновьев сформулировал так: «Либо престиж свой и партии, либо Медведева»²⁴⁵. Конечно, Зиновьев выбрал свой престиж, тем более, что 29 октября Медведев под угрозой исключения из партии выступил с признанием ошибок. Всем было очевидно, что это признание формально и неискренне.

Эта история была важным успехом Сталина: ему удалось унижить «двух зайцев» одним ударом: одну группировку изолировать и заставить покаяться, а другую — отмежеваться от возможного союзника и присоединиться к официальной позиции. Оппозиционный фронт был расколот. Это «тактическое средство, которое впервые было использовано для подрыва оппозиционного блока в октябре 1926 г., затем последовательно применялось Сталиным на протяжении 1927–1929 гг., когда зиновьевцы после „покаяния“ служили оружием борьбы с троцкистами...»²⁴⁶, — комментирует эти события В. А. Шишкин.

Таким образом, к концу года авторитет оппозиции был подорван, и правящий блок мог торжествовать победу. Выступая 1 ноября на XV партконференции, Сталин комментировал заявление «объединенной оппозиции» о том, что она остается при своих взглядах: «мы говорили оппозиции, что ей самой не выгодно кричать о том, что они, оппозиционеры, остаются, да еще „полностью“ на старых позициях, ибо рабочие с полным основанием скажут: „значит, оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь бить“»²⁴⁷.

Но рабочие, в том числе коммунисты, молчали. И это печалило оппозицию, надеявшуюся на более активную поддержку снизу: «партийный середняк не сумел дать отпор неслыханному издевательству со стороны ЦК и всего аппарата над партией, что он казался слишком пассивным, но эта пассивность — тем режимом, который за последние годы проводил ЦК — режимом неслыханного террора по отношению ко всем, кто смел высказывать свое мнение»²⁴⁸. Террор? Разве это террор. Он еще впереди. Пока — увольнения: «Рабочего — партийца заставили молчать под угрозой голода»²⁴⁹.

²⁴⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С.55–56.

²⁴⁵ РГАСПИ Ф.323, Оп.2, Д.28, Л.180.

²⁴⁶ Шишкин В. А. Ук. соч. С. 56.

²⁴⁷ Сталин И. Соч. Т.8. С.240.

²⁴⁸ РГАСПИ Ф.17, Оп.71, Д.85, Л.1.

²⁴⁹ Там же, Л.2.

После вероломного нарушения Сталиным компромисса 16 октября оппозиционеры продолжали рассылать материалы, в которых призывали бороться «против ликвидации партии, проводимой сталинской фракцией под лицемерными лозунгами „единства“».

За действительное единство партии — на основе внутрипартийной демократии»²⁵⁰.

Они готовились к новым политическим баталиям. Сейчас большинство Политбюро победило. Но стоило ему допустить крупную политическую ошибку, и фортуна могла повернуться лицом к другой фракции. События следующего года напомнили об этом.

Между тем XV партконференция, которая также осудила троцкистов, фактически приняла их программу по важнейшей проблеме индустриализации: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»²⁵¹. Пока руководителей партии устраивали так называемые «затухающие» темпы роста промышленности (процент роста падал по мере того, как исчерпывались возможности расконсервации старых предприятий). Поэтому достаточными казались и прежние надежды — на рост товарности крестьянского хозяйства, на совершенствование планирования, на благоприятную конъюнктуру рынка, на всемерную экономию, на новые внешнеполитические успехи. 1927 год опровергнет многие из этих надежд.

Китайская катастрофа

Вожди большевизма видимо всерьез верили, что «мировая буржуазия» считает своей приоритетной задачей уничтожение СССР. Ведь они сами готовили уничтожение капиталистической системы, тратили силы и ресурсы на развитие сети коммунистических партий — секций Коминтерна. Когда в кризисный момент на Западе начнется революционный подъем, СССР станет оплотом мировой революции. От этого в ВКП(б) не отрекался никто. Раз так, то и капиталисты должны были заранее уничтожить этот оплот мировой революции.

Большевицкая бюрократия была продуктом военных обстоятельств и воспроизводила свой военный дух в обстановке военной истерии. В то же время руководство СССР боялось войны, чувствуя свою неподготовленность к ней, нежелание бюрократии погружаться в беспокойную военную обстановку. В 1924 г. после попытки переворота в Эстонии и скандала из — за вмешательства Коминтерна в дела Великобритании СССР на время прекращает провоцирование революционных выступлений в Европе. В 1924 г. западные государства начинают одно за другим признавать СССР. Победа теории построения социализма в одной стране делает мировую революцию не столь срочной. Но все равно необходимой, потому что в условиях капиталистического окружения победа социализма всегда будет неустойчивой — и из — за угрозы военного вторжения, и из — за нехватки передовых

²⁵⁰ Там же, Л.7.

²⁵¹ КПСС в резолюциях... Т.4. С.72.

технологий, сосредоточенных на Западе, и из — за недостатка ресурсов, которые империалистические страны черпают на Востоке.

После того, как революционная волна на западе спала, взоры большевиков обратились именно к Востоку, и прежде всего к Китаю. С 1923 г. здесь нарастали революционные события. СССР и Коминтерн помогали советниками, деньгами и оружием китайским революционерам. Таковыми считались сторонники партии Гомиьндан и его лидера Сунь Ятсена, укрепившегося на юге страны. Сунь Ятсен выступал за объединение Китая, ныне раздробленного, индустриализацию и государственный социализм. Несмотря на то, что взгляды Сунь Ятсена не были марксистскими (он считал возможным не пролетарский, а общенародный характер революции и новой власти), они были близки Коминтерну в его политике в Азии, где с пролетариатом вообще было плохо, и на первый план выходили не классовые, а антиимпериалистические задачи. В 1921 г. Советская Россия и Коминтерн поддержали монгольских революционеров, и которые установили прокоммунистический режим в стране, где пролетариата фактически не было вовсе. В этих условиях Сунь Ятсен и его сторонники могли осуществить монгольский опыт в масштабах гигантского государства. Но для этого они должны были действовать под контролем советских советников и направляемых Коминтерном китайских коммунистов. Коммунистическая партия Китая (КПК) вошла в Гомиьндан.

В 1924 г. один из «милитаристов» (военных руководителей, каждый из которых контролировал обширные районы Китая) захватил Пекин и пригласил туда Сунь Ятсена. Но по дороге в столицу он в 1925 г. скончался. Движение за объединение страны набирало силу. Масло в огонь подлили империалистические державы. В мае 1925 г. в Шанхае националистическая демонстрация студентов двинулась к закрытому кварталу иностранных представительств. Охранявшая квартал британская полиция увидела в этом угрозу безопасности и открыла огонь по демонстрантам. Гибель людей возмутила весь Китай. Началась революция. Забастовки и митинги охватили страну. За лозунгами объединения, выдвигавшимися Гомиьнданом, шли миллионы людей. Гомиьндан быстро радикализировался и в феврале 1926 г. даже попросился в Коминтерн. Коммунисты стали занимать ключевые посты в аппарате Гомиьндана и в армии. Но в это время обострилась борьба в Гомиьндане между коммунистами и консервативными националистами. В марте 1926 г. она вылилась в открытые столкновения. В результате этих событий главнокомандующим Национально — революционной армии Гомиьндана (НРА) стал генерал Чан Кайши. Он выступал за объединение страны, но против предлагавшихся коммунистами антикапиталистических мер и передела земли. Права коммунистов в Гомиьндане были ограничены, левый лидер партии Ван Цзинвень покинул страну, и Чан стал фактическим преемником Сунь Ятсена.

Коминтерн приказал КПК смириться с ограничением своих прав. Коммунисты были еще слабы, и опираясь на организационную силу Гомиьндана могли нарастить силы и влияние.

В июле 1926 г. Гомиьндан провозгласил Северный поход. В 1926–1927 гг. НРА при поддержке населения освободила от милитаристов центральные районы Китая. Здесь создавались массовые профсоюзы, кое — где крестьяне начали делить землю помещиков, а горожане — собственность иностранцев и купцов. В то же время в НРА и Гомиьндан вошли сотни тысяч новых людей, большинство из которых были националистами и относились к коммунистам и социальным выступлениям бедноты отрицательно.

Все это время лидеры ВКП(б) руководили действиями КПК через Коминтерн. Естественно, что споры между ними касались и Китая. В апреле 1926 г., после первых столкновений между коммунистами и чанкайшистами, Троцкий предложил вывести КПК из Гоминьдана, но настаивать на этом не стал. Зиновьев, который был архитектором союза КПК и Гоминьдана, колебался. С одной стороны, опасно сожительствовать в одной партии с реакционерами. С другой — хотелось бы превратить Гоминьдан в антиимпериалистический таран и выжать из него все, что можно, в пользу КПК. Поэтому коммунисты должны были вести себя потише, не поддерживать рост крестьянской борьбы за землю.

26 октября Политбюро ВКП(б) указало дальневосточному бюро Исполкома Коминтерна настаивать на сдерживании классовой борьбы в деревне, поскольку «немедленное развязывание гражданской войны в деревне, в обстановке разгара войны с империализмом и их агентами в Китае может ослабить боеспособность Гоминьдана»²⁵².

Суть новой коммунистической стратегии в Китае, отвечавшей бюрократическому характеру коммунистического руководства, выразил Сталин: «и вот задача коммунистов и вообще революционеров Китая состоит в том, чтобы проникать в аппарат новой власти, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам через этот аппарат удовлетворять свои насущные требования»²⁵³. Не разжигание революции, как в былые времена, а захват аппарата власти становится основой коммунистической политики на десятилетия вперед. «Руководство эпигонов в Китае означало попрание всех традиций большевизма. Китайская коммунистическая партия была, против ее воли, введена в состав буржуазной партии Гоминьдан и подчинена ее военной дисциплине. Создание Советов было запрещено. Коммунистам рекомендовалось сдерживать аграрную революцию и не вооружать рабочих без разрешения буржуазии»²⁵⁴, — впоследствии комментировал этот подход Троцкий. В сентябре 1926 г. он вернулся к китайскому вопросу. Усиление правых в Гоминьдане угрожало коммунистам изоляцией. «Выход не в том, чтобы не стремиться „заменять“ левых внутри Гоминьдана; не в том, чтобы мягко и незаметно воспитывать их и подталкивать; не в том, чтобы „содействовать созданию левогоминьдановской периферии из организации мелкой буржуазии“. Все эти рецепты и даже их формулировка убийственно напоминает старую меньшевистскую кухню. Выход из положения состоит в организационном размежевании как предпосылки самостоятельной политики с глазами, устремленными, в первую очередь не на левогоминьдановцев, а на пробудившихся рабочих». Конкретное требование: «перевести взаимоотношения компартии и Гоминьдана на путь союза двух самостоятельных партий».²⁵⁵

Сталин считал, что уход из Гоминьдана — это сдача крупнейшей революционной организации антикоммунистам. Возражая тем, кто считал необходимым создавать

²⁵² Цит по: Панцов А. В. Тайная история советско — китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С.140.

²⁵³ Цит. по: Троцкий Л. Д. Сталин. Т.2. С.190–191.

²⁵⁴ Троцкий Л. Д. Ук. соч. С.274–275.

²⁵⁵ Архив Троцкого. Т. 2. С. 107–108.

крестьянские советы под руководством самостоятельной от Гоминьдана КПК, Сталин говорил: «Нельзя строить Советы в деревне, обходя промышленные центры в Китае»²⁵⁶. Пройдет несколько лет, и коммунисты будут создавать крестьянские советы и стремиться построить коммунизм с опорой не на города, а на деревенские коммуны. «Левацкая» стратегия в Китае будет связана с именем Мао Цзедуна, лидера, который сможет привести радикальный коммунизм к победе. Конечно, маоизм — не троцкизм, но в некоторой степени он позволяет понять, куда вела левая альтернатива и к чему она могла привести. После всех потрясений и ожесточенной борьбы не только с капитализмом, но и с «ревизионизмом» КПСС, радикальный коммунизм все равно вернулся к бюрократической диктатуре. Альтернатива «левого» коммунизма здесь, как и в СССР в 20-е гг., оказалась условной и привела к тому же результату, что и сталинский путь.

Весной 1927 г. российская левая оппозиция наконец преодолела разногласия по китайскому вопросу и решила все же развернуть критику сталинской политики в Китае: «Коммунисты выступают под собственным знаменем только в самых исключительных случаях. Все движение идет под знаменем Гоминьдана. Это положение приведет к тому, что при повороте верхушки Гоминьдана направо не будет организационного стержня для масс отходящих от Гоминьдана»²⁵⁷, — утверждал К. Радек, специалист по китайскому вопросу в рядах оппозиции.

Выступление оппозиции по китайскому вопросу было очень некстати. Китайская революция была на пике, и позиция Коминтерна претерпела сдвиг «влево». В марте 1927 г. в результате восстания бедноты Шанхай перешел под контроль НРА. Рабочие отряды не разоружились и конфликтовали с чанкайшистами. Нанкин, занятый НРА, был обстрелян флотилией западных стран. Это усилило антиимпериалистические настроения одной части гоминьдановцев и склонность к примирению — другой. Нужно было на что — то решаться. К этому времени Сталин уже выступал гораздо радикальнее, чем в 1926 г., требовал развертывания крестьянского и рабочего движения, но по — прежнему указывал, что КПК должна оставаться в составе Гоминьдана. Проанализировав документы этого периода, А. Панцов пришел к выводу: «Хорошо подготовленный „тихий“ коммунистический переворот внутри Гоминьдана стал к тому времени настоящей сталинской идеей фикс»²⁵⁸. В марте коммунисты и левые гоминьдановцы стали готовить арест Чан Кайши²⁵⁹. Нужно было, официально демонстрируя дружбу в отношениях с Чан Кайши, готовить его устранение. Коминтерн надеялся на поддержку лидера левых гоминьдановцев Ван Цзиньвэня, вернувшегося в Китай. Сколько раз потом Сталин будет действовать так же. Тщательно и тихо готовить удар, и затем молниеносно его наносить (если противник не опередит).

И тут оппозиция начинает кричать о реальных опасностях, «демаскировать» переворот. Уступить ей нельзя — Чан все поймет. Тем более, что троцкисты

²⁵⁶ Сталин И. Соч. Т.8. С.367.

²⁵⁷ Архив Троцкого. Т. 2. С. 192.

²⁵⁸ Панцов А. В. Ук. соч. С.183.

²⁵⁹ Чжан Готоа. Становление коммунистической партии Китая: 1921–1927. Автобиография. М., 1975. С.517.

продолжают мыслить в категориях революций 1905 и 1917 гг. — поднимать народ, разжигать классовую борьбу, а не занимать посты, тихо договариваться с силовыми структурами. Так Сталин затем будет действовать в Испании и Восточной Европе в 30–40-е гг. Сейчас начал опробовать новый метод, так соответствующий его складу характера и настроением советской и китайской бюрократий. И на тебе — троцкисты напоминают о традициях большевизма.

В апреле 1927 г. Чан Кайши, предупрежденный о коммунистическом заговоре, взял власть в свои руки и исключил коммунистов из армии и Гоминьдана. В Шанхае была проведена кровавая чистка от коммунистов. И после этого Сталин не считал возможным «отдать знамя Гоминьдана, самое популярное из всех знамен в Китае, в руки правых гоминьдановцев»²⁶⁰.

Освобожденная территория раскололась. Приморские районы поддержали Чан Кайши, а центральные — уханьское правительство левых гоминьдановцев и коммунистов во главе с Ван Цзинвеном, которому СССР продолжал оказывать финансовую и военную помощь. Сталин оказался заложником собственной политики и пытался извлечь пользу из союза хотя бы с осколками Гоминьдана. Но оппозиция категорично протестовала против продолжения этой обанкротившейся политики: «В пересмотре нуждается как раз линия на оставление компартии в Гоминьдана в положении придатка к Гоминьдану», — писал Зиновьев по свежим следам переворота, — «Выставить лозунг Советов в Китае значит, по мнению Сталина, „перепутать все карты“, смешать все перспективы». Чьи карты, чьи перспективы?... Да, эти карты необходимо «перепутать»²⁶¹ В китайском вопросе, как никогда столкнулись два политических стиля. Радикальные большевики привыкли к непредсказуемой игре, изменению тактики в зависимости от ситуации, опоре на массовую стихию с последующим подавлением ее, когда задача завоевания власти выполнена. Сталин предпочитал тщательную подготовку операции, и в случае внезапной неудачи некоторое время продолжал действовать по инерции, постепенно готовя новую «операцию». Когда Сталин поддерживал Гоминьдан, оппозиция выступала за советы в Китае. В 30-е гг. Сталин будет проводить здесь политику создания советов. Оппозиция выступала за форсирование индустриализации, и кризис НЭПа показывал Сталину их правоту. Но он уже не мог примириться с Троцким, и смена курса была возможна только после ликвидации левой оппозиции как силы, которая может претендовать на власть. Сталин будет готов принимать идеи со стороны, но он, а не кто — то другой должен решать, какие идеи принимать, а какие — нет.

В начале июля Сталин пришел к выводу: «Мы использовали уханскую верхушку как только можно было ее использовать. Теперь надо ее отбросить»²⁶². Но Коминтерн призывал: «Ухань должен быть центром за другой путь развития Китая...», и в то же время, наученный горьким опытом союза с Чан Кайши, давал указание коммунистам: «стройте свои вооруженные силы»²⁶³. Военные приготовления коммунистов были

²⁶⁰ Сталин И. Соч. Т.9. С.230.

²⁶¹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.99, Л.504, 531.

²⁶² Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову. С.108.

²⁶³ Там же, С.106.

замечены левыми гоминьдановцами. В июле и они разгромили КПК и объединились с Чан Кайши. Тысячи коммунистов погибли. В отчаянии КПК попыталась поднять восстания в городах Китая. В Кантон для этого прибыли эмиссары Коминтерна, в том числе видный деятель ВКП(б) В. Ломинадзе. Но население не поддержало коммунистов, и выступления были подавлены.

Китайская катастрофа потрясла коммунистов всего мира. Последние надежды на мировую революцию рухнули, тысячи китайских товарищей погибли. Сталинская политика потерпела полный крах. Части оппозиционеров «казалось, что столь очевидное банкротство сталинской политики должно приблизить победу оппозиции»²⁶⁴. Это позволило Троцкому утверждать: «...буржуазия, о которой говорилось, что мы ее используем и выбросим, как выжатый лимон, использовала на деле нас. Мы помогли ей сесть в стремя, она нас ногой отбросила, захватила всю власть, обескровила пролетариат. А за неделю до этого Сталин брал на себя ответственность за политическую линию Чан Кайши. Это худший обман партии, худший обман, — этого никогда не было в истории нашей партии, — говорят, что Центральный Комитет „все предвидел“, а на деле было прямо противоположное»²⁶⁵. Итак, Сталин ошибся в Китае. Значит, он может ошибаться и в СССР. Оппозиция была права в критике китайской политики, значит, она может быть права и в отношении НЭПа.

Военная тревога и наступление оппозиции

Разгром коммунистического движения в такой огромной статье, как Китай, создавал впечатление, что империализм переходит в глобальное контрнаступление, что нужно ждать нападения на СССР. Это подтверждалось и серией событий накануне переворота Чан Кайши. Произошли налеты на советские представительства в Лондоне и Пекине с последующей публикацией захваченной документации о вмешательстве СССР в дела Китая и Великобритании. Отношения с последней тоже стали быстро ухудшаться, что объяснялось прежде всего советской поддержкой стачки британских шахтеров. В мае дипломатические отношения с Великобританией были разорваны. В советском руководстве опасались, что страны Запада могут предпринять военную акцию против СССР с помощью стран Восточной Европы. Поэтому шокирующее впечатление в Москве произвело убийство советского посла П. Войкова в Варшаве 7 июня. Его сравнивали с выстрелом в Сараево, который спровоцировал Мировую войну, и ждали новых провокаций.

В стране началась военная тревога. На этот раз это не была пропагандистская шумиха: «существующая ныне паника, которая слышится в каждом публичном выступлении и читается в каждой статье партийных лидеров, не „поддельная“..., эта нервозность успешно передается всему советскому народу»²⁶⁶, — докладывал

²⁶⁴ Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.275.

²⁶⁵ Архив Троцкого. Т. 3.С. 91.

²⁶⁶ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно — промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001. С.48.

британский дипломат. Чехословацкий дипломат также сообщал, что в 1927 г. «увеличивается число санитарных поездов. Многие фабрики и заводы перешли к работе на оборону...»²⁶⁷ СССР еще не был готов к столкновению с коалицией стран, граничивших с ним на западе и поддержанных Великобританией.

Военная тревога только обострила кризис НЭПа. Э. Карр комментирует: «В 1927 году кризис во внешних делах СССР, а так же первый взрыв увлеченности планированием отвлекли внимание от аграрных проблем. Урожай, хотя и менее обильный, чем в 1926 году, был вполне удовлетворительным, и предполагалось, что хлебозаготовка как и в прошлом году, пройдет спокойно. Эта уверенность была совершенно неоправданной. По сравнению с предыдущим годом настроения изменились. Тревожная международная ситуация, разговоры о войне, об оккупации — все это беспокоило теперь и деревню. После двух урожайных лет крестьянин впервые с начала революции наконец почувствовал себя уверенно. У зажиточного крестьянина были запасы зерна и денег. Промышленные товары, которые ему могли бы понадобиться, купить было почти невозможно. Деньги опять обесценивались инфляцией; в такой неопределенной ситуации зерно оказывалось самой надежной валютой. Крестьянам, имевшим большие запасы зерна, не было никакого смысла отправлять их на рынок. Поэтому осенью 1927 года зерна сдали государству чуть не в половину меньше, чем в 1926 году... Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко — редкостью. Государственные запасы зерна истощились»²⁶⁸.

«Военная тревога» стала лишь спусковым крючком давно назревавшего кризиса. Уже с начала года большевистское руководство предпринимало рискованные шаги, чтобы выйти из «заколдованного круга», заставить зажиточных крестьян сдавать хлеб по более низким ценам. Государство отказалось от традиционного повышения цен весной, когда хлеб продавали владельцы крупных запасов. Считалось, что в условиях государственной монополии «кулаки» никуда не денутся и все равно продадут хлеб осенью. Но они не продали его. Крестьяне не были настолько богаты, чтобы отказываться от продовольствия, которое можно было потребить самим. Более, того, они сами «регулировали» производство, снижая его в соответствии с более чем скромными возможностями купить что — то у города. В 1926–1927 гг. производство хлеба упало на 300 млн. пудов²⁶⁹.

Троцкий оказывался прав в том, что если большевики не хотели потерять контроль над экономической ситуацией, а значит и власть, им нужно было возвращаться к политике нажима и конфискации — другими методами их кадры не владели. Бухарин вынужденно намечает пути отступления от прежней политики: «мы должны теперь... сомкнутым фронтом, вместе с середняком, успешно начать более солидный нажим на нашего основного противника в деревне — на кулака»²⁷⁰. Зиновьев комментировал этот поворот официальной идеологии: «Значит, оппозиция

²⁶⁷ Цит. по Шишкин В. А. Ук. соч. С. 119.

²⁶⁸ Карр Э. Х... Русская Революция. С. 134–135, 138.

²⁶⁹ Голанд Ю. Ук. соч. С.72.

²⁷⁰ Бухарин Н. И. Избр. соч. С.328.

боролась не даром. Значит, она была права — если даже у Бухарина смогла вырвать перед съездом такое заявление»²⁷¹. Отмахиваясь от обвинений троцкистов в том, что бухаринцы «стибрили нашу платформу», «теоретик партии» считал «левый поворот» своей политики временным.

Военная тревога пройдет, а кризис останется. Только оборонная нагрузка на бюджет будет расти, достигнув в 1928 г. размеров вложений в саму индустриализацию.

СССР напомнил миру, что он — не обычное государство. На следующий день после убийства Войкова ОГПУ расстреляло 20 «белогвардейцев». В мире оценили этот акт как возвращение красного террора, заложничество. Эта конвульсивная реакция была порождена рекомендацией ОГПУ, которая здесь преследовала и собственную цель — спрятать «концы» провала операции «Трест». Дело в том, что в течение нескольких лет культивировали монархические кружки, создав из них контролируемую собственными агентами организацию. «Трест» с помощью ГПУ выстроил каналы переброски людей через границу. Это позволило арестовать международного авантюриста С. Рейли. Однако в 1927 г. в СССР проникло несколько белогвардейцев (возможно с помощью деятелей «Треста», не знавших о том, что работают «под колпаком»). «Колпак» оказался дырявым. Оказавшись в СССР, боевики не пошли на доклад к руководству «Треста», а занялись террором. Они заложили бомбу в помещение общежития ОГПУ (она была обнаружена до взрыва) и бросили бомбы в Центральный партийный клуб в Ленинграде. Один человек погиб, несколько было ранено. 8 июня одна группа боевиков безнаказанно ушла в Финляндию. Другую удалось уничтожить. Эти события напомнили советским руководителям, увлеченным внутренней борьбой, что эмиграция не дремлет. ОГПУ решило пожертвовать своим «рассадником монархизма», чтобы продемонстрировать успехи в борьбе с терроризмом и доказать внешним врагам, что не стоит рассчитывать на поддержку в стране. Для расстрела были отобраны деятели монархического подполья, эмиссары эмиграции, проникшие в страну в 1926–1927 гг., просто бывшие белогвардейцы и царские чиновники.

Расстрел 10 июня политически вернул страну ко временам военного коммунизма. Оппозиция чувствовала себя на коне — это было время торжества ее вождей. Они рассчитывали, что в условиях военной опасности их опять призовут к руководству. Тем более, что в вопросах внешней политики чуть ли не каждый день доказывал правоту оппозиции. Так, оппозиция выступала за прекращение работы Англо — русского профсоюзного комитета, где сотрудничали коммунисты и социал — демократы. После расстрела «заложников» представители Генерального совета Британской конфедерации труда были возмущены этим варварством, комитет распался, что вызвало глубокое удовлетворение оппозиции: «протест генсоветчиков против расстрела нами двадцати белогвардейцев доканал идею англо — русского комитета»²⁷².

Но Сталин не торопился мириться. Более того, оппозицию подозревали в том, что она будет принимать участие в обороне СССР на своих условиях. Это вызывало возмущение Троцкого и Зиновьева: «Клеветнические клички „пораженцы“ и

²⁷¹ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.97, Л.30.

²⁷² РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.92, Л.66.

„условные оборонцы“ к нам не пристанут, рабочие Вам в этом не поверят».²⁷³

В мае 1927 г., по свежим следам Китайской катастрофы, Троцкий, Зиновьев и Каменев написали открытое письмо в ЦК, под которым собрали сначала 83 подписей старых большевиков, а затем более 3000 подписей членов партии. Часть подписавших сняло свои подписи. Эти случаи широко освещались в печати. Но это не смущало оппозиционеров: «подавляющее число отходов — не результат свободного выбора идейных позиций, а капитуляция перед аппаратом»²⁷⁴, — писал Л. Смилга. Ничего страшного — на место отошедших единиц приходят сотни.

Разоблачая международную политику Сталина и Бухарина, оппозиционеры грозили партии внешним вторжением. Апеллируя к традициям старого большевизма, оппозиционеры требовали восстановить внутрипартийную демократию (но ни в коем случае — демократию вне партии). НЭП привел, по мнению оппозиционеров, к сползанию от революции к «термидору». «Якобинцы» требовали защитить пролетариат от натиска бюрократии, кулачества, новой буржуазии (нэпманов), буржуазных специалистов. Главным средством возрождения пролетариата по — прежнему считался индустриальный рывок, который мог бы наконец превратить страну в единую «социалистическую» фабрику. «Отставание крупной промышленности от требований, предъявляемых к ней со стороны народного хозяйства (товарный голод, высокие цены, безработица) и со стороны советской системы в целом (оборона страны) приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза — особенно в деревне»²⁷⁵, — писали авторы «Письма 83-х» и призывали исправить это положение. Оппозиционеры чувствовали, что для них это — последний и решительный бой. Неудача внешней политики правящей группы ставила ее перед выбором — или позволить усилиться оппозиции до такой степени, что она станет «позицией» партии, или разгромить ее не аргументами, так организационно — репрессивными мерами. «Борьбу на истощение» против оппозиции, ведущуюся за последнее полугодие, Сталин решил теперь заменить «борьбой на истребление». Почему? Потому что Сталин стал слабее; его банкротство в китайском и англо — русском вопросе очевидно, как и тяжкие последствия этого банкротства для нашего международного положения. На Сталина нажимает растущее правое крыло: «зачем лез в генеральную стачку и в Китай?»²⁷⁶. Авторы письма призывали большинство к примирению. Они действительно хотели этого, особенно теперь, когда их правота столь заметна. Набрасывая тезисы к очередному из бесчисленных выступлений 1927 г., Каменев пишет: «Мы хотим парт. легальности», и обводит это изречение в рамку. «Что такое легальность? а) Сохранение устава. Выборность. б) Тон полемики в) Совместная работа»²⁷⁷. Эти условия обеспечили бы им возвращение к власти, как только партийная элита осознает, что без опытных вождей из сложившейся ситуации не выйти.

²⁷³ Там же, Л.71.

²⁷⁴ Там же, Д.95, Л.6.

²⁷⁵ Архив Троцкого. Т.3. М., 1990. С.63.

²⁷⁶ Там же, С. 58.

²⁷⁷ РГАСПИ Ф.323, Оп.2, Д.28, Л.125.

Несколько раз летом лидерам левых казалось, что ситуация вот — вот переломится. Так, например, в июне Зиновьев срочно вызвал Каменева в Москву: «Случились новые события, на этот раз в нашу пользу. Предстоят серьезные решения»²⁷⁸.

Письмо 83-х было широко распространено и стимулировало широкую дискуссию: повсеместно проходили полулегальные собрания, через которые проходили тысячи членов партии, а затем и беспартийных, что угрожало основам большевистского режима.

Критика бюрократии левой оппозицией становилась все более радикальной, причем даже на заседаниях партийного суда ЦКК, куда время от времени вызывали оппозиционеров. Осудить их не удавалось. Результаты этих прений были неутешительными для Сталина: «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК. Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий»²⁷⁹. Троцкий говорил: «Товарищи, не надо смешивать социалистическое отечество с начальством. Мы заявляем: сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который подорвет все завоевания Октябрьской революции, а они нам так же дороги, как и вам»²⁸⁰. Выводы Троцкого становились более смелыми: «Государственный и хозяйственный аппарат прочно захватывается несменяемой кастой чиновников. Эти чиновники уже противостоят трудящимся массам как новое господствующее сословие, воплощая в своем лице неслыханный рост бюрократических извращений рабочего государства»²⁸¹. Да, государство все еще «рабочее», но реальная власть в руках бюрократического сословия. Отсюда один шаг до понимания того, что и партия, и государство, и власть носят классовый бюрократический характер.

Троцкий, который всегда поддерживал насилие против небольшевистской оппозиции, теперь предупреждал, что бюрократические репрессии со временем распространятся на всех нынешних идеологов партии: «Кто голосует всегда на 100 % с вами, кто вчера по приказу „крыл“ Троцкого, сегодня Зиновьева, завтра будет крыть Бухарина и Рыкова, тот никогда не будет стойким солдатом в трудный час революции»²⁸². Он спрашивал своего оппонента Сольца, обвинявшего оппозицию в контрреволюционности и угрожавшего ей репрессиями: «по какой главе Сольц собирается нас расстреливать?» «Расстрелов никто из нас не пугается. Мы все — старые революционеры». «Я опасюсь, тов. Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т. е. термидорианской главе». На возражение о том, что Сольц — тоже революционер, Троцкий был готов ответить молниеносно:

²⁷⁸ Там же, Л.168–169.

²⁷⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С.102.

²⁸⁰ Архив Троцкого. Т. 3. С. 96.

²⁸¹ Там же, С. 138.

²⁸² Там же, С. 103.

«Термидорианцы были якобинцами, только поправевшими»²⁸³.

Рассуждая о «термидоре», Троцкий оставался именно якобинцем, то есть революционером, готовым навязывать народу свои авторитарные схемы и воспринимавшим как контрреволюцию любое отклонение от этих схем. Явлениями одного порядка для него являются и выступления против бюрократической диктатуры большевиков в пользу советской демократии, которые он подавлял в Кронштадте в 1921 г., и нынешняя авторитарно — бюрократическая политика Сталина: «Кронштадтская форма „Термидора“ — военное восстание. Но при известных условиях можно более мирно сползти к Термидору. Если кронштадтцы партийные и беспартийные, под лозунгом Советов и во имя Советов спускались к буржуазному режиму, то можно сползти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках. В этом и состоит дьявольская хитрость истории»²⁸⁴. «Дьявольская хитрость истории» и историческая трагедия Троцкого заключалась в том, что «Наполеон», покончивший с «Термидором», придет к власти, взяв на вооружение лозунги Троцкого. Этим «Наполеоном» будет Сталин, который в 1927 г. был оплотом «правой» политики, а в 1929 г. станет «левее»²⁸⁵ Троцкого.

Аппарат вычищал партийные и государственные органы от оппозиционеров либо перемещал их с места на место, лишая реальной власти. Сторонники большинства вели себя все более агрессивно: «На партийных собраниях то и дело раздаются фашистские речи о необходимости физической расправы с ленинцами. Сталинский аппарат не побеждает идейно оппозицию, а подавляет, ломает, обезличивает, политически разлагает и убивает отдельных лиц»²⁸⁶, — возмущался Смилга.

Но сломать лидеров оппозиции пока не удавалось. Памятуя неудачный опыт ЦКК, против Троцкого и Зиновьева был выставлен объединенный пленум ЦК и ЦКК, который проходил 29 июля — 9 августа. Троцкий и Зиновьев обвинялись в том, что они распространяют фракционную декларацию 83-х, выступают с антипартийными речами, обвиняют партию в термидорианстве, заявляют, что партийный режим опасней войны. Особую опасность для правящей группы представляло «печатание и распространение фракционной литературы не только среди членов партии, но и беспартийных, организация подпольных фракционных кружков»²⁸⁷ и организация

²⁸³ Там же, С. 108.

²⁸⁴ Архив Троцкого. Т. 4. С. 15.

²⁸⁵ Смысл понятий «левый» и «правый» был сильно искажен со временем. Если в начале Французской революции левыми считались сторонники демократии, а правыми — абсолютизма, то затем «левые» сами раскололись на все тех же демократов и радикалов — сторонников скорейших широкомасштабных перемен, не обязательно демократических. Трагедия якобинцев заключалась в том, что под лозунгами демократии их радикализм привел к абсолютизму, еще более авторитарному, чем во времена королей. Та же трагедия повторилась и с марксистами. Начав с демократических лозунгов и отождествляя их с антикапитализмом, они пришли к тоталитарной диктатуре. А двойственное значение слова «левый» осталось в наследство от этих исторических метаморфоз. Сталин может считаться левым как сторонник радикальной антикапиталистической политики. Но очевидно, что в демократическом смысле левее всех большевиков находятся и эсеры, и анархисты, причем последние — в обоих значениях слова. Двойственное значение слова «левый» сыграло с нашей страной злую шутку и в 80–90-е гг. XX в., когда противники КПСС считались «левыми» как демократы, но затем часть их стала проводить крайне правую (либеральную) экономическую политику и укреплять авторитарные структуры в обществе. Здесь мы будем называть радикальных коммунистов левыми, а умеренных — правыми.

²⁸⁶ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.95, Л.6.

²⁸⁷ КПСС в резолюциях... Т.4. С.204.

демонстрации (под этим понимались проводы Смилги на Дальний восток, куда его усрал секретариат ЦК).

На этот раз Троцкому просто не давали говорить, постоянно его перебивая. Продираясь через крики цекистов, Троцкий пытался обвинять Сталина и Бухарина в пересмотре ленинизма и диктатуре. На обвинения в том, что выступая против руководства, оппозиция подрывает обороноспособность страны, Троцкий ответил: «Партия должна сохранять контроль над всеми своим органами во время войны, как и во время мира»²⁸⁸.

К аргументам Троцкого не очень прислушивались. Решение об исключении Троцкого и Зиновьева из партии было принято за основу. Они решили, что уже исключены, и не пошли на заседание ЦК 6 августа. Однако сценарий расправы еще не был завершен. Как в царские времена, для унижения жертвы в последний момент предполагалось помилование. А «висельники» не собираются его принимать! Орджоникидзе, не знавший об отсутствии Троцкого и Зиновьева на заседании ЦК, начал риторически обращаться к ним: «Пусть они мне ответят...» На это остававшийся в зале Каменев крикнул: «Зиновьев не может Вам ответить, ибо он и Троцкий исключены Вами из ЦК»²⁸⁹. В стане большинства случился переполох. За опальными вождями послали. Им торжественно заявили, что пока они еще не исключены из ЦК, что им дают последний шанс.

Немедленное исключение грозило расколом партии, и Сталин в это время еще планировал тянуть время, держать вождей оппозиции на грани исключения, но не рисковать. Ведь исключение Троцкого из партии могло вызвать ее раскол и возникновение второй коммунистической партии в полуподполье. И все это — в условиях опасности военного вторжения.

Стороны, утверждая, что их противник «дрогнул», договорились о компромиссе. Началась новая торговля о тексте, который должны подписать оппозиционеры. Быстро договорились на осуждении фракционности (оппозиция была против фракционности и считала свои действия вынужденным ответом на произвол сталинской фракции), об отказе от создания второй компартии. После недолгих препирательств оппозиция согласилась признать, что термидорианское перерождение партии не стало фактом, есть только такая угроза. В ответ оппозиция требовала объявления официальной дискуссии по ее платформе. Сталин рекомендовал принять эти условия.

Лозунгом оппозиции стало: «Ни новое 16 октября, ни лозунг второй партии»²⁹⁰. Она уже не хотела идти на уступки, надеясь вернуть себе большинство в партии по мере «полевения» ситуации в стране. Когда недовольство сталинско — бухаринским курсом станет массовым, произойдет «сдвигка власти». Это может произойти как в условиях военных поражений (Троцкий приводил в пример приход к власти Клемансо во время Мировой войны), так и в условиях острого социального кризиса. Троцкий, Зиновьев и Каменев теперь будут дышать в затылок Сталину — только оступись. Левая оппозиция продолжала призывать себе на помощь и Ленина. Подробно разобрав «завещание» Ленина, которое теперь распространялось оппозиционерами

²⁸⁸ Архив Троцкого. Т.4. С.63.

²⁸⁹ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.92, Л.71.

²⁹⁰ Там же, Л.77.

«самиздатом», Г. Сафаров делает вывод: «Партия, несмотря на двухгодичное существование сталинского режима внутрипартийного террора — имеет еще достаточно сил, чтобы добиться осуществления завещания Ленина»²⁹¹.

Ставкой оппозиции стал XV съезд партии. Левые понимали, что сталинский аппарат не даст троцкистам завоевать большинство на съезде, но они надеялись сагитировать массы депутатов. Поскольку дискуссия все же была объявлена, они выдвинули свою платформу.

Ветераны борьбы с троцкизмом на историческом фронте и сейчас считают, что «изначальная нереализуемость заявок, помноженная на громадную амбициозность их авторов... лишала эти платформы политической перспективы»²⁹². Так хотел представить дело и Сталин. Нереально. Одни амбиции. Но в политике вообще нет людей без амбиций. Они лишь по — разному проявляются. А вот «нереализуемость» троцкистских идей весьма сомнительна. Ведь их социально — экономическая составляющая была позднее почти полностью, а иногда и с избытком реализована Сталиным, а политическая — взята на вооружение Бухариным. Так что присмотримся к программе троцкизма повнимательней.

Проект платформы большевиков — ленинцев (оппозиция) к XV съезду утверждал: «Группа Сталина ведет партию вслепую»²⁹³, скрывая силы врага, не давая объективно анализировать трудности. К этим трудностям левые относили медленный рост промышленности и заработной платы рабочих, тяжелое положение бедняков и батраков, рост безработицы, потворство кулачеству, которое контролирует значительную часть товарного хлеба и продолжает усиливаться.

Платформа выдвинула ряд обычных социал — демократических требований по защите труда, в частности предложила повышать заработную плату в соответствии с ростом производительности труда. Это справедливое требование, однако, лишало государство возможности получать дополнительную прибыль при росте производительности, что в условиях дефицита средств было совсем некстати. Левые рассуждали как марксисты в эксплуататорском обществе, а правые и центристы (группа Сталина) — как прагматики, которым нужны были деньги на индустриализацию.

Платформа призывала к борьбе против сельской буржуазии: «Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов... Наряду с этим, необходимо оказывать более систематическую помощь и бедняцким хозяйствам, неохваченным коллективами, путем полного освобождения их от налога, соответствующей политики землеустройства, кредита на хозяйственное обзаведение, вовлечение в сельскохозяйственную кооперацию и так далее.

Лишенному точного классового содержания лозунгу „создания беспартийного крестьянского актива через оживление Советов“ (Сталин — Молотов), что приводит на деле к усилению руководящей роли верхних слоев деревни, нужно противопоставить лозунг создания беспартийного батрацкого, бедняцкого и близкого

²⁹¹ Там же, Д.83. Л.30.

²⁹² Васецкий Н. А. Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С.198.

²⁹³ Архив Троцкого. Т.4. С.114.

к ним середняцкого актива»²⁹⁴. В 1928–1929 г. Сталин возьмет на вооружение эти предложения, и даже перевыполнит их, проводя коллективизацию.

Платформа подвергла критике проект пятилетнего плана, разработанный комиссией Госплана, особенно — затухающие темпы роста. Эти темпы хороши для капиталистического государства, но при нашей — то централизации ресурсов в единых государственных руках — можно выжать гораздо большую скорость. И здесь Сталин прислушивается к аргументам Троцкого.

Но где взять средства на индустриальный рывок? Левые советуют — резко увеличить долю государственного бюджета в народном доходе, то есть усилить огосударствление экономики; «провести действительное обложение всех видов сверхприбыли частных предпринимателей», «в целях усиления экспорта обеспечить изъятие у зажиточно — кулацких слоев, примерно у 10 % крестьянских дворов, в порядке займа, не менее 150 миллионов пудов... хлебных запасов»; снижение промышленных цен, сокращение бюрократических аппаратов, усиление экономии под контролем «масс», подбор компетентных руководителей (нынешние — не очень компетентны, но усилить роль спецов оппозиция не предлагала, надеясь продвинуть свои кадры); мобилизация частных накоплений банками за счет нажима на частника (не давать спекулировать — поневоле понесет деньги в госбанк). При этом платформа предлагала отказаться от продажи водки, повысить ассигнования на оборону, на промышленность вообще, на электрификацию, транспорт, жилстроительство, коллективизацию²⁹⁵. Если суммировать эти предложения, левые предлагали изъять средства у частных предпринимателей (возможно — ценой полного подавления частной инициативы) и направить ее на ускорение темпов индустриализации и коллективизации. Это был рискованный ход. Если государственный сектор не заработает, когда частный уже разрушится — провалится вся экономика. Поэтому левая оппозиция предлагает относительно осторожные меры, которые, как кажется, не добивают частника до конца. Уже в 1928 г. правящее большинство пойдет по этому пути, и выяснится, что полумер не хватает. Нужно решаться — или отказ от государственного социализма, или рывок к нему несмотря ни на какие жертвы общества.

В области внешней политики левые предлагали отказаться от внешнеэкономических уступок даже в условиях военной угрозы (иначе мировой рынок растворит социалистические элементы в советской экономике) и «взять курс на международную революцию»²⁹⁶.

Своим противником в правящей элите левые считают аппаратно — центристскую группу Сталина, воздействующих на хозяйственное руководство (Рыкова и др.) бывших эсеров и меньшевиков, которые составляют около четверти партактива (а сколько еще беспартийных спецов, включая теоретиков всего течения Кондратьева, Чаянова и др.), профсоюзную верхушку Томского и ревизионистскую «школу» красных профессоров во главе с Бухариным. Чтобы исправить положение, оппозиция предлагает восстановить внутрипартийную демократию в духе последних статей

²⁹⁴ Там же, С.128.

²⁹⁵ Там же, С.136–138.

²⁹⁶ Там же, С.168.

Ленина и резолюции 5 декабря 1923 г. Но, как мы видели, в эти планы вели к демократии только для партийных верхов.

Более последовательную демократическую программу выдвинула группа «Демократического централизма» Т. Сапронова и В. Смирнова (группа 15-ти — по числу подписей старых большевиков под их платформой «Под знамя Ленина», вышедшей в июне 1927 г.).

Они применили к сложившейся ситуации свои предложения, выдвинутые еще во время профсоюзной дискуссии 1921 г., когда решалось — какой быть социальной системе Советской России по окончании гражданской войны. Тогда идеи производственной демократии были похоронены под прессом ленинского авторитета. Теперь, когда производственный и государственный авторитаризм зримо вел к бюрократизации, «демократические централисты» решили напомнить партии и рабочим о своих предложениях: «Внутренний распорядок на фабрике должен быть изменен в сторону его демократизации. Должен быть твердо проведен курс... на усиление участия рабочей массы в управлении производством. В этих целях:

а) при назначении директоров заводов и их помощников предполагаемыми высшими хозяйственными органами кандидатуры должны становиться на обсуждение общих или цеховых собраний рабочих, которые могут выдвигать и собственные кандидатуры.

Окончательное назначение может быть сделано лишь после такого обсуждения, на основании учета отношения рабочих к выдвигаемой кандидатуре и предложений общих собраний;

б) при директоре завода должно быть создано постоянное совещание из высшей администрации, представителя производственного совещания и представителей рабочих, выбираемых на общих собраниях рабочих. Решения этого совещания не являются обязательными для директора, но все основные вопросы деятельности предприятия должны обсуждаться на нем так, чтобы выборные от рабочих были вполне в курсе дел предприятия, а администрация знала отношение рабочих к проводимым мероприятиям. Та же система должна быть проведена и в крупных цехах;

в) вместо теперешней пестроты в организации производственных совещаний, должна быть всюду проведена выборность этих совещаний и отчетность рабочим. Работа их должна быть теснейшим образом связана с работой упомянутых выше постоянных совещаний при директоре завода»²⁹⁷.

Сапронов, Смирнов и их сторонники были настроены в отношении Сталина гораздо решительнее и критиковали осторожность Троцкого: «надо решительным образом отбросить тактику пассивного выжидания, ориентировку на „полевение“ руководящей группы или ее расслоение в результате внутренних трений. Так называемые „центристы“ (Сталин и К^о) служат лишь прикрытием для так называемых „правых“ (Рыков, Калинин и пр.), а на деле ведут политику этой первой... Троцкистско — зиновьевский блок все еще не может отделаться от этих иллюзий, из чего и вытекают его шатания и ошибки... Цитаделью правой опасности является сталинская группа и подчиненный ей партаппарат (из этого исходила вся оппозиция перед дискуссией 1926 г.), оппозиция Зиновьева — Троцкого неоднократно ориентировала партию на то, что сталинская группа может сама начать бороться с

²⁹⁷ Архив Троцкого. Т. 3. С. 160.

правой опасностью».298. Кажется, что в этом споре правы оказались троцкисты. Впоследствии оказалось, что Сталин под давлением обстоятельств легко может отказаться от «термидорианской» экономической политики. Для части троцкистов это стало сигналом для примирения с ним. Но «демократические централисты» оказались дальновиднее в другом — «полевение» Сталина не остановит бюрократического «перерождения».

«Объединенная оппозиция» отмежевалась от «слишком» демократических предложений 15-ти, но с оговоркой: «Мы держимся того мнения, что платформа 15-ти должна быть напечатана в партийной печати, как это всегда делалось при Ленине»299. Впрочем, пока не была опубликована и платформа «Объединенной оппозиции».

Подавление левой оппозиции

Сталин понимал, что в условиях, когда оппозиция оказывается права в споре о стратегии большевизма, когда вот — вот придется принять ее предложения почти по всем экономическим и внешнеполитическим вопросам, чисто политическими методами проблему борьбы за лидерство не решить. Распространение оппозиционных материалов лишало правящую группу монополии на прессу, возможности клеветнически интерпретировать лозунги оппозиции. Партактив мог понять, что его обманывают. Троцкисты могли со временем сагитировать партию, особенно по мере дальнейшего углубления кризиса.

Начались обыски на квартирах рядовых троцкистов. Искали «компромат». «Чтобы скрыть нашу платформу, Сталину ничего не осталось, как „перекрыть политику уголовщиной“»300 — считали Зиновьев, Смилга и Петерсон.

13 сентября был разгромлен центр перепечатки троцкистских материалов. Было объявлено, что обнаружена подпольная троцкистская типография. Оппозиция язвительно комментировала: «Но, на деле, ГПУ захватило только пару пишущих машинок, стеклограф и ротатор, т. е. такую „типографию“, которая имеется в любом советском учреждении»301. Оказалось, что конкуренцию советским учреждениям составили Преображенский, Серебряков и Шаров, которые признали себя собственниками обнаруженного «оборудования».

Тем временем 18 сентября ГПУ арестовало каких — то Щербакова и Тверского, которые обсуждали с бывшим врангелевским офицером возможность организации военного переворота и приобретение типографского оборудования. Планы эти явно противоречили друг другу, скорее всего недовольные обсуждали разные варианты борьбы с советской властью. Но им не повезло — офицер был агентом ГПУ.

Теперь можно было «связать» через «типографское оборудование» два следа — белогвардейский, особенно жуткий, поскольку едва отгремело эхо июньских

298 Там же, С. 207–208.

299 РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.92, Л.75.

300 Там же, Д.95, Л.31.

301 Там же.

террактов, и троцкистский. Обвинения большевиков в политической уголовщине в СССР еще не звучали. Троцкисты тут же напомнили о том, как Временное правительство обвиняло большевиков в организации путча на немецкие деньги (среди обвиняемых тогда были Троцкий и Зиновьев), а также о методе «амальгамы», применявшемся «термидорианцами» во время Французской революции. На самом деле этот метод, заключающийся в объединении в одном процессе обвиняемых революционеров и контрреволюционеров, был опробован как раз якобинцами. Но троцкисты упоминали именно нужную им аналогию.

Оппозиционные лидеры с гневом отмежевались от связи с белогвардейским подпольем: 22 сентября, от имени Политбюро и Президиума ЦКК разослано было всем партийным организациям извещение о раскрытии типографии, в которой говорилось, что:

«Часть арестованных беспартийных действительно связана с некоторыми лицами из военной среды, помышляющими о военном перевороте в СССР по типу переворота Пилсудского... Раскрытие подпольной типографии было побочным и неожиданным результатом арестов беспартийных лиц, имеющих отношение к группе военного заговора. ОГПУ не вело и не ведет следствия по делу о нелегальной оппозиционной типографии... единственной „связью“ между оппозиционной печатней и военным заговором явился агент ГПУ, следивший за белогвардейцами и за оппозицией»³⁰². Оппозиционеры издевались над разъяснениям чекистов, которые объявляли: «Не вина ОГПУ, если союзники оппозиции из числа беспартийных интеллигентов оказались в тех (?) или иных (?) связях с военными, помышляющими о военном путче»³⁰³. Да, ОГПУ еще не могло доказать такие связи и даже провоцировало их. Но считал ли Сталин невозможным, что «загнанные в угол» троцкисты захотят восстановить свои старые связи с военными. На всякий случай он вычищает из армии активных троцкистов, а не очень активных перемещает на безопасные посты вроде атташе за рубежом.

В этот раз амальгама не склеилась. 5 ноября тезисы оппозиции стали печататься в дискуссионном листке «Правды» под названием «Контр — тезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне» (настоящее название платформы было издевательски дано в примечании).

Тем временем сталинцы выдвинули еще более тяжкое обвинение, так сказать на будущее: Выступая 26 октября, Молотов заявил: «Оппозиция воспитывает в своей среде некоторые такие элементы, которые готовы на любые способы борьбы с партией. Поэтому заострение борьбы на личных нападках, на травле отдельных лиц может служить прямым подогреванием преступных террористических настроений против лидеров партии»³⁰⁴. Верил ли Молотов в то, что говорил? Терроризм в России того времени не считался предосудительным сам по себе. Революционный терроризм вызывал восхищение, контрреволюционный — возмущение. А что если кто — то из тысяч сторонников оппозиции решит, что термидорианское перерождение партии уже завершилось, что во главе партии стоят контрреволюционеры. Со времен гражданской

³⁰² Архив Троцкого. Т. 4. С. 189–191.

³⁰³ Там же, С. 193.

³⁰⁴ Накануне XV съезда ВКП(б). «Правда», 1 ноября 1927.

войны у многих сохранилось оружие. Оппозиция восприняла заявление Молотова с возмущением: «Зная, с кем мы имеем дело, мы предполагаем, что ко всем эффектам с „врангелевским офицером“ хотят прибавить еще какой — либо эффект с „покушением“ на лидера — чтобы развязать себе руки для какой — нибудь расправы»³⁰⁵. В 1927 г. эта «бомба» не взорвалась. Она продолжала лежать до 1934 г.

ОГПУ не склонно было вникать в идеологические тонкости — его работа заключалась в поиске заговорщиков, и они были готовы к репрессиям против каждого, кто ведет себя как заговорщик, то есть нелегально. Оппозиционеры еще пытаются апеллировать к революционному прошлому нынешних властителей. Так, оппозиционер С. Зорин писал своему бывшему товарищу Бухарину по поводу ареста рабочего типографа Фишелева, до революции работавшего в газете Бухарина: «Социализм вообще немыслим с такими атрибутами, как тюрьмы для лучших пролетариев — коммунистов»³⁰⁶. Можно было бы понять это и несколько лет назад, когда коммунисты стали бросать в тюрьмы пролетариев — социалистов.

Оппозиция так часто говорила об интересах рабочих, что в условиях отстранения от последних рычагов власти лидеры оппозиции стали задумываться о выходе прямо на пролетариат: «Масса беспартийных рабочих все внимательнее прислушивается к нашим разногласиям, все с большей жадностью старается узнать подлинную правду — прежде всего: чего требует оппозиция»³⁰⁷ — писал Зиновьев. Агитаторы оппозиции стали выступать перед беспартийной рабочей массой на предприятиях. Оппозиция вышла за пределы партии, и это было Рубиконом, перейдя который троцкисты обрекали себя на репрессии. Монополия партии на политическую жизнь была для большевистского руководства священной.

Обличение оппозицией усилившейся эксплуатации привлекли к ней симпатии рабочих. Сотни беспартийных подписывали просьбы к оппозиционерам выступить у них в цехах. «На фабриках Орехово — Зуевского района, на заводах „Манометр“, „Дукс“, фабрике „Красный Октябрь“, на подольском заводе „Госшвеймашина“, в Харькове на заводе ВЭК, типографии им. Петровского, открытых собраниях ячеек и заводских собраниях рабочие, при постановке вопроса об оппозиции, требовали докладчиков от оппозиции и покидали собрания, когда аппаратчики в этом отказывали»³⁰⁸ — утверждали «демократические централисты».

В то же время летние успехи троцкистов в партии оказались пирровой победой — бюрократия сплотилась, отобрала у оппозиции часть лозунгов и стала методически репрессировать оппозиционеров, снимая их с постов, а некоторых и арестовывая. Несмотря на то, что документы оппозиции по — прежнему распространялись под грифом «Только для членов ВКП(б)»³⁰⁹, левые и правые уже действуют как две партии. На стороне одних — недовольный НЭПом беспартийный рабочий актив, на стороне других — беспартийные спецы.

³⁰⁵ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.97, Л.29.

³⁰⁶ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.92, Л.8.

³⁰⁷ Архив Троцкого. Т. 4. С. 240.

³⁰⁸ Там же. С. 273.

³⁰⁹ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.95, Л.1.

В октябре Троцкому и Зиновьеву удалось оказаться на официальной трибуне в Ленинграде. Увидев опальных вождей революции на трибуне, толпа ринулась к ним, выкликая имена Троцкого и Зиновьева, на которые уже пала харизма страдальчества.

«Энтузиазм, с которым встречались наши товарищи, был похож на энтузиазм рабочих Ленинграда в 17-м году, когда на трибуне появлялся Ленин»³¹⁰ — рассказывал наблюдавший события сторонник оппозиции. Колонны заводов выкрикивали лозунги: «Да здравствуют истинные вожди революции!» такое вряд ли могло быть случайностью — на ленинградских заводах сохранялся сильный актив оппозиции, который подготовил рабочих к тому, что они увидят «саших» Троцкого и Зиновьева. Руководитель ленинградской партийной организации Киров оказался в глупом положении и, чтобы как — то сгладить ситуацию, перешел на трибуну с Троцким и Зиновьевым, но потом, осознав возможные последствия такого «блока» для себя лично, ретировался.

В Москве оппозиции удалось организовать массовое собрание (около 2 тыс. чел.) в Высшем техническом училище. Пока активисты оппозиции сдерживали натиск охранников администрации, Троцкий и Каменев излагали свои взгляды.

Демонстрация в Ленинграде была последней каплей, которая переполнила терпение. Сталин понял, что дальнейшее затягивание раскола приносит ему одни минусы. 21–23 октября 1927 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) снова обсуждал персональные дела Троцкого и Зиновьева. На этот раз им практически не давали говорить, а в Троцкого кидали попавшимися под руку предметами — книгами, стаканом. Троцкий считал такое поведение хулиганством. Подобное поведение большевиков, скажем, на Учредительном собрании 1918 г., Троцкий хулиганством не считал. Все зависит от «классовой линии». Пленум осудил линию оппозиции и исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. «Это поставило их в положение простых граждан, на которых полностью распространяются законы о Соловках, Сибири и высшей мере наказания»³¹¹ — комментировал чехословацкий дипломат Й. Гирса. 22 октября, сразу после исключения вождей оппозиции из ЦК, остальные оппозиционные члены ЦК и ЦКК заявили: «Это есть прямая попытка поставить XV съезд перед актом раскола». Они обещали и дальше вместе с исключенными товарищами отстаивать дело ленинской партии «против оппортунистов, против раскольников, против могильщиков революции»³¹². «Могильщики» — слово, так больно задевшее Сталина в прошлом году. Что же, Сталин уже принял политическое решение раздавить оппозицию, как в свое время раздавили меньшевиков — тюрьмами и ссылками.

Между тем на собраниях оппозиции побывали десятки тысяч людей. В ходе дискуссии за оппозицию открыто проголосовало 4120 коммунистов, что не так мало, если учесть фальсификации при голосованиях и начавшиеся чистки государственных и партийных органов от оппозиционеров. А сколько сочувствовали Троцкому негласно? В. Фейгин сообщал С. Орджоникидзе о таком тревожном для сталинистов факте: на собрании московского комсомольского актива выступление оппозиционера

³¹⁰ Там же, Л.35.

³¹¹ Шишкин В. А. Ук. соч. С. 64.

³¹² РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.96, Л.1.

Тер — Ваганяна было освистано присутствующими. По окончании собрания демонстрировали документальный фильм. В кадре появился Троцкий. «Раздались бурные аплодисменты. Потом он появляется в Брест — Литовске, потом на фронте под Казанью и т. д. Все время встречали его бурными аплодисментами... Теру выступить не дали, а Троцкого на картине (в темноте) приветствовали»³¹³.

Когда Сталин станет проводить в жизнь некоторые из партийных лозунгов, симпатизировавшая Троцкому часть партийной массы его поддержит. Но доверия к Сталину, расправившемуся с оппозицией репрессивными мерами, у этих партийцев не будет. И сами оппозиционеры готовы применить насилие против своих врагов. Протестуя против арестов оппозиционеров, Троцкий утверждал: «Насилие могло играть огромную революционную роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике»³¹⁴.

Ободренные своим успехом на рабочих собраниях и коммунистических митингах, оппозиционеры решили уже организованно выступить на демонстрации 7 ноября 1927 г.

«Участие в оппозиционной демонстрации с несколькими плакатами вызывалось необходимостью противопоставить правду об оппозиции той клевете, при помощи которой отравляются как партийцы, так и беспартийные»³¹⁵, — объясняли оппозиционеры свое возвращение к тактике оппозиционной интеллигенции времен борьбы с царизмом. Упоминание беспартийных было сознательным — левые уже не связывали себя рамками партийной дисциплины.

Во время юбилейной демонстрации в Москве и Ленинграде оппозиционеры подняли над колоннами свои лозунги: «Повернем огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа!», «Выполним завещание Ленина!», «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии!». «Сегодня эти лозунги составляют официальное кредо сталинской фракции в ее борьбе против правых»³¹⁶, — с грустью комментировал Троцкий два года спустя. Кроме ленинского завещания, конечно. Этот лозунг воспримет Бухарин в борьбе против Сталина. Оппозиционные лозунги вывешивались также на стенах домов, где жили оппозиционеры. Центральной трибуной оппозиции стала гостиница «Париж», выходившая на Манежную площадь. Оттуда Смилга, Преображенский и др. обменивались приветствиями с демонстрантами. К гостинице подъехал штурмовой отряд «большинства» во главе с секретарем Краснопресненского райкома М. Рютиным и начал осаду. В балкон оппозиции кидали камнями, гнилым картофелем, поленьями. Затем с криками «Бей оппозицию!» и «Бей жидов — оппозиционеров!» команда Рютина ворвалась в номер и устроила там погром. Оппозиционеры были избиты и задержаны. Милиция не вмешивалась.

К демонстрации 7 ноября правящая фракция хорошо подготовилась. Поднимавших плакаты тут же начинали избивать, плакаты вырывали из рук и ломали.

³¹³ Большевистское руководство. Переписка. С.356.

³¹⁴ Архив Троцкого. Т.4. С.220.

³¹⁵ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.74, Л.124.

³¹⁶ Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.280.

Зиновьев и Радек были задержаны перед демонстрацией. На автомобиль, в котором ехали Троцкий, Каменев, Смилга и Муралов, было совершено нападение. Милиционеры стреляли, толпа кричала, кто — то ударил по автомобилю. В Харькове при разгоне оппозиционного собрания была открыта стрельба. Оппозиция заявила об «отказе от „смычек“ (оппозиционных собраний — А. Ш.) под угрозой физической расправы над коммунистами»³¹⁷.

Несмотря на то, что оппозиция считала для себя возможным не подчиняться решениям XV съезда, который превратился в «узкий актив сталинской фракции»³¹⁸, левые продолжали утверждать: «Оторвать себя от ВКП оппозиция не позволит и к организации второй партии не приступит»³¹⁹. Но 14 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, а другие оппозиционеры выведены из ЦК и ЦКК.

Разгром оппозиции был завершён на XV съезде ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. Оппозиционеры были представлены на съезде несколькими делегатами с совещательным голосом, которых подвергли показательной идеологической «порке». При выступлении Каменева и Раковского их постоянно перебивали, не давали говорить, оскорбляли, обвиняли в предательстве партии. Рыков и Томский прямо говорили, что оппозиционеров необходимо арестовать. Каменев говорил о примирении с партией, о полном подчинении ей, но не об отречении от тех взглядов, которые подтвердились (как в случае с Китаем). С места ему кричали: «От чего же вы отречаетесь!». Им нужно было отречение, унижение оппозиции независимо от того, права она или нет. Раковский упрекал большинство в потворстве мировой буржуазии, которая стремится «изолировать нас идейно от мирового пролетариата». В ответ кричали: «Долой меньшевиков с трибуны!»³²⁰

Сагитировать съезд было невозможно. Оппозиция была обречена на поражение, потому что не мыслила себя вне партии. По утверждению Троцкого уже после 7 ноября «единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь: своевременно капитулировать»³²¹. Но и троцкисты пока не очень отличались. 10 декабря съезд получил отдельные послания троцкистов (Раковский, Муралов и Радек) и зиновьевцев (Каменев, Бакаев, Евдокимов и Авдеев). Они были почти одинаковыми и просили у съезда права хотя бы сохранять свои взгляды, при условии роспуска фракций. Сталин уже не верил таким заявлениям: «Говорят, что оппозиция имеет в виду подать съезду некое заявление насчет того, что она, оппозиция подчиняется и будет подчиняться всем решениям партии (голос: „Также, как в октябре 1926 года?“), распустит свою фракцию (голос: „Мы слышали это два раза!“) и будет отстаивать свои взгляды, от которых она не отказывается (голоса: „О — о“. „Нет, мы уж лучше их сами распустим!“), в рамках партийного устава. (Голоса: „С оговорочками“. „У нас рамки

³¹⁷ Архив Троцкого. Т.4. С.267.

³¹⁸ Там же, С.224.

³¹⁹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.74, Л.127.

³²⁰ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. Т.1. С.214.

³²¹ Троцкий Л. Ук. соч. С.285.

не резиновые“.) Я думаю, товарищи, что ничего из этой штуки не выйдет»³²².

Большевики были привержены идее военной дисциплины в своей партии и считали существующий уровень свободы мнений вполне достаточным. Оппозиция предлагала расширить его до пределов, чреватых расколом. Уровень политической культуры большевистских руководителей в большинстве своем был не высок, они пока не чувствовали нужды в свободе мнений. Позднее, после крупных провалов 1930–1933 гг., печальный опыт научит авторитетных руководителей, что решения сначала нужно обсуждать, а потом выполнять. Станет очевидна правота критики оппозиционерами сталинского курса. Но это будет позднее.

XV съезд ВКП(б) пришел к выводу, что «оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу»³²³ и исключил из партии 75 лидеров Объединенной оппозиции и 15 «демократических централистов».

19 декабря зиновьевцы попросились назад, но съезд предложил им обращаться в свои парторганизации в индивидуальном порядке. Исключенные из партии оппозиционеры были отправлены в ссылки, как социал — демократы начала века. 16 января 1928 г. Троцкий был выслан из Москвы в Алма — Ату.

Возможности для легального действия у видных оппозиционеров не осталось, на свободе осталось немного активных троцкистов. Рабочий класс не заступился за левую оппозицию — дальше общего интереса к ее мнению дело не пошло.

Оппозиция потерпела поражение в легальной борьбе. Но она не признала поражения своих идей, тем более, что многие из них уже брали на вооружение победители. Левая оппозиция сохранила и часть своих подпольных структур. Ее активисты, несмотря на угрозы арестов, продолжали распространять листовки, а в 11 годовщину Октябрьского переворота снова провели демонстрации в нескольких городах страны. После массовых арестов троцкистов в Киеве оставшиеся на свободе товарищи провели еще и демонстрацию перед ОГПУ — первую демонстрацию коммунистов против репрессивных органов СССР. Троцкий рассылал из ссылки сотни писем как ссыльным, так и оставшимся на воле товарищам. Он готовился к новым боям, не сомневаясь, что кризис НЭПа заставит партию принять его программу.

Уже на XV съезде победители были вынуждены принять некоторые предложения побежденных. Было решено ускорить темпы индустриализации и коллективизации, усилить наступление на кулака. Съезд указал плановым органам исходить из «более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития»³²⁴. Центр тяжести переносился в область производства средств производства, а не средств потребления. Предполагалась быстрая индустриализация сельского хозяйства. На все это были нужны средства. Где их взять в условиях, когда нарастал социально — экономический кризис. С этим нужно было что — то делать.

Глава IV Правый уклон

³²² Сталин И. Соч. Т.9. С.349–350.

³²³ КПСС в резолюциях... Т.4. С.264.

³²⁴ Там же, С.276.

Чрезвычайные меры и скрытая борьба в Политбюро

Не прошло и двух недель со дня окончания XV съезда, осудившего «троцкизм» и фракционность, как в Политбюро вновь разгорелась внутренняя борьба. Очередная неудача хлебозаготовок поставила страну на грань голодных бунтов и окончательно убедила Сталина в том, что модель НЭПа, оправдавшая себя в короткий период 1924–1925 гг., не в состоянии дать неповоротливой индустриально — бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить мощную индустрию. У крестьян был «лишний» хлеб, который они не могли обменять на качественные промтовары за отсутствием последних. На «просьбы» руководителей отдать хлеб добровольно крестьяне отвечали издевками. Дефицит хлебозаготовок составил около 100 миллионов пудов.

Для индустриального рывка нужен был хлеб, и Сталин решил взять его старыми опробованными военно — коммунистическими методами. 6 января 1928 г. от имени Политбюро сталинский секретариат выпускает «чрезвычайные директивы» местным парторганизациям — специальные заградительные отряды блокируют хлебопроизводящие районы и отбирают хлеб. Начинает активно применяться статья 107 уголовного кодекса о «спекуляции» хлебом, под которую «подводили» и попытки реализовать хлеб рыночным путем. Сталин добился восстановления привилегий бедняков — проверенной еще в гражданскую войну опоры большевиков в борьбе с остальным крестьянством за его хлеб. Беднякам, как во время «военного коммунизма», гарантировалось 25 % конфискованного хлеба. Вместе с бойцами заградительных отрядов они ходили по дворам и показывали — где у соседей припрятано продовольствие.

14 января Политбюро утвердило это решение. Члены Политбюро лично возглавили кампанию в регионах. Сталин выехал в Сибирь. По выражению С. Коэна, «поездка напоминала военную экспедицию»³²⁵. Сталин говорил на собраниях партийно — государственного актива о необходимости применять репрессии против саботажников хлебозаготовок, а если прокуроры и судьи не готовы этого делать, то «всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми»³²⁶. Честный и добросовестный советский человек должен уметь карать.

«Чрезвычайные меры», по существу заимствованные из платформы оппозиции, дали хлеб в 1928 г., но отбили у крестьян желание производить его «излишки». Производство хлеба упало. На Украине и Северном Кавказе случившаяся следующим летом засуха и нежелание крестьян работать привели к резкому падению сбора зерна и сокращению посевов. Заготовительная кампания приводила к открытым восстаниям, которые участились весной, когда количество массовых выступлений подскочило с 36 в апреле до 185 в мае и 225 в июне. Такие выступления жестоко подавлялись, и в июле волна восстаний спала — до 93. Но крестьяне перешли к другим методам борьбы — в сентябре количество терактов на селе подскочило до 103 (в январе — 21) и к ноябрю возросло до 216. В ноябре почти вдвое выросло обнаруженное ОГПУ количество листовок, распространявшихся среди крестьян против коммунистов.

³²⁵ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С.340.

³²⁶ Сталин И. Соч. Т.11. С.4.

Действия Сталина вызвали острый конфликт в руководстве. Противники сталинских методов главный редактор «Правды» Н. Бухарин, председатель СНК А. Рыков и руководитель профсоюзов М. Томский с февраля критиковали Сталина на заседаниях руководящих органов. Они указывали на крестьянские восстания, вспыхнувшие вслед за действиями продотрядов. Было ясно, что крестьян уже не удастся заставить врасплох, что они произведут меньше хлеба, спрячут «излишки».

Резкие споры развернулись и по поводу планов роста промышленности. Какие темпы роста выдержит крестьянство? Уже в марте дошло до того, что Рыков попросился в отставку, что вызвало решительные возражения у всех членов Политбюро. Сталин написал на записке Рыкова по поводу отставки: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Там и решим все недоразумения»³²⁷. Казалось, что дружеские связи еще сильнее разногласий.

Первое время конфликт в руководстве развивался подспудно. Агитационная машина начала критику «правого уклона» в партии. По именам «правых уклонистов» никто не называл, и даже руководитель партийной пропагандистской машины Бухарин усердствовал в критике этого таинственного «уклона», чтобы никто не заподозрил его в «правизне». Объединенный пленум ЦК и ЦКК 6–11 апреля 1928 г. принял компромиссные резолюции, которые с одной стороны констатировали, «что указанные мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок», а с другой стороны, осудили сопровождавшие столь успешную чрезвычайную кампанию «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны советских и партийных органов», которые «фактически являются сползанием на рельсы продразверстки»³²⁸. ЦК обещал, что чрезвычайные меры не повторятся.

Но не успела просохнуть типографская краска на постановлении пленума, 25 апреля секретариат ЦК выпустил директиву об усилении кампании хлебозаготовок. Для его проведения нужно было сломить сопротивление сельских верхов. Сталин считал, что «пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок... Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем»³²⁹. 16 мая было принято обращение ЦК «За социалистическое переустройство деревни», которое допускало «раскулачивание» — уничтожение богатых хозяйств, раздачу их имущества беднякам и выселение кулаков. На местах ответственные работники ломали голову: как добыть хлеб у крестьян — «перегибать» или нет? Поскольку низовые начальники отвечали за цифры сданного хлеба, пришлось «перегибать», творить насилие над крестьянами.

Фактическое продолжение военно — коммунистической, «троцкистской» политики не могло не вызвать обострения споров в Политбюро. И дело было не только в хлебе. Ознакомившись с экспортным планом, Бухарин возмущенно писал Сталину: «мы, при товарном голоде в стране, заставляем промышленность работать на экспорт». Вместо этого Бухарин предлагает «форсировать индустриализацию, работая на

³²⁷ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С.24.

³²⁸ КПСС в резолюциях... Т.4. С.318–319.

³²⁹ Сталин И. Соч. Т.11. С.4–5.

внутренние рынки»³³⁰. Но как форсировать индустриализацию без экспорта? Если какие — то советские промтовары сохраняют конкурентоспособность на внешних рынках, то зачем продавать их крестьянам за хлеб, который тоже идет на экспорт. Экспорт — это возможность приобрести столь необходимые для индустриализации технологии. Товарный голод в стране все равно не преодолеть без индустриализации. Так что же Бухарин возмущается?

Сталин предпочитал согласовывать разногласия тет — а-тет, не вынося их на более широкий круг руководителей. Он сравнивал их союз с Гималаями, в то время как остальные лидеры — пигмеи. Разумеется, эти слова, даже сказанные в шутку, не предназначались для ушей «пигмеев». Но в момент одного из споров Бухарин их пересказал, что тут же вызвало скандал. Сталин кричал: «Врешь!» После этого Сталин уже не пытался договориться о чем — либо с Бухариным в частном порядке. После очередного спора Сталин сказал Бухарину: «Бухашка, ты можешь даже слону испортить нервы»³³¹.

Бухарин в частных разговорах стал называть Сталина «представителем неотроцкизма»³³², а Сталин в своих выступлениях атаковал неведомого пока врага: «Есть люди, которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству... Фокус, достойный реакционеров»³³³.

«Реакционер» не замедлил явиться. 15 июня заместитель министра финансов М. Фрумкин разослал членам ЦК письмо, в котором утверждал, что после применения «чрезвычайных мер» «всякий стимул улучшения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота парализуется опасением быть зачисленным в кулаки»³³⁴. Растет недовольство, падает сельскохозяйственное производство. Фрумкин предложил прекратить разрушительные удары по зажиточным хозяйствам, да и против кулаков бороться только экономическими мерами. Это письмо возмутило Сталина — впервые его меры критиковались письменно. «Основная ошибка Фрумкина состоит в том, что он видит перед собой только одну задачу, задачу поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, полагая, что этим ограничивается, в основном, наше отношение к сельскому хозяйству»³³⁵.

Позиция Фрумкина незначительно отличалась от официальной, но он дерзнул формулировать ее самостоятельно в письмах в ЦК. Поэтому именно его избрали на роль «правого уклониста», называемого по имени. Быть похожим на Фрумкина теперь стало политически опасным. Рыков пытался вывести в роли «правого уклониста» бывшего троцкиста Шатуновского. Рыков сурово критикует Шатуновского за несогласие со строительством новых крупных предприятий, таких как Днепрогэс³³⁶

³³⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000. Т.2. С.6.

³³¹ Как ломали НЭП. Т.4. С.562.

³³² Коэн С. Ук. соч. С.347.

³³³ Сталин И. Т.11. Соч. С.87.

³³⁴ Как ломали НЭП. Т.2. С.11.

³³⁵ Сталин И. Соч. Т.11. С.122–123.

³³⁶ Как ломали НЭП. Т.3. С.50.

(сам Рыков целиком за «производство средств производства»). Но эта фигура была столь малозначительной, что ход Рыкова не удался. «Пальму первенства» в «правом уклоне» Сталин вручил именно Фрумкину, обвинив его в проведении буржуазно — либеральной идеологии за стремление обеспечить беспрепятственное развитие кулака. Сталин сильно искажил позиции Фрумкина, что тот легко доказал в ответном слове на ноябрьском пленуме ЦК. Фрумкин выступал против раскулачивания, но не против ограничения экономической свободы кулака и налогового давления на него. Но делегаты словно не слышали Фрумкина. Жертва была намечена, и выступающий сразу за Фрумкиным Л. А. Шацкий снова приписывает ему лозунг «не мешай развиваться кулаку»³³⁷, после чего «рвет и мечет» раскритикованного Сталиным «правого». Интересно, что во время террора 1937–1938 гг. Шацкий будет расстрелян даже раньше Фрумкина.

Стоили эти споры жизни? Да, и не только двух жизней. Для повышения производительности труда в экономических условиях того времени было необходимо высокопроизводительное сельское хозяйство. И оно возникало в индивидуальном секторе, но фермер не устраивал большевиков как лидер деревни. Крупное хозяйство должно принадлежать не своевольным крестьянским верхам, а колхозам, контролируемым партией. Сталин считал, что «нужно добиваться того, чтобы в течение ближайших трех — четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба»³³⁸. Эти планы казались очень смелыми в начале 1928 г. и правоопортунистическими в конце 1929 г. Бухарин был не против коллективизации, но ведь она должна была быть сугубо добровольной, чтобы крестьяне трудились на коллектив лучше, чем на себя. Для этого нужна техника, которой пока нет: «Нас не вывезут колхозы, которые будут еще только „строиться“ несколько лет. Оборотного капитала и машин мы им не сможем дать сразу»³³⁹. Бухарину и в голову не могло прийти, что колхозы можно строить без всяких оборотных средств, волевым образом меняя социальные отношения на селе. Поэтому, несмотря на критику Фрумкина Сталиным, Бухарин фактически солидаризировался с ним на июльском пленуме ЦК. Он не знал главного сталинского секрета — крупное некапиталистическое хозяйство (колхозы) можно было сделать преобладающим на селе очень быстро.

Сталин понимал, что крестьян — самостоятельных хозяев трудно будет заставить сдать хлеб в следующий раз. Опыт гражданской войны показал бесперспективность методов «военного коммунизма». Сталин решил превратить крестьян из самостоятельных хозяев в работников крупных хозяйств, подчиненных государству. В этих «коллективных хозяйствах» («колхозах») крестьяне во всем подчинялись фактически назначаемым партией председателям. Руководителю колхоза можно пригрозить отдачей под суд, и он сдаст столько хлеба, сколько от него потребуют, даже если крестьянам придется после этого голодать. Официально планы ускоренной коллективизации обосновывались необходимостью повышения производительности

³³⁷ Там же, С.256.

³³⁸ Сталин И. Соч. Т.11. С.5.

³³⁹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С.38.

сельскохозяйственного труда путем внедрения машин — прежде всего тракторов. Но в СССР производилось всего 1200 тракторов в год на Путиловском заводе и еще несколько десятков на других. Колхозы были нужны коммунистической партии, чтобы управлять крестьянством и таким образом получить продовольствие для обеспечения строителей новых заводов, для продажи на внешнем рынке, чтобы получить средства на закупку современной технологии. Так формировался план ускоренной индустриализации (строительства современной промышленности) и коллективизации (объединения крестьянских хозяйств в колхозы).

Сталин задумал поворот от нежизнеспособной половинчатой политики к абсолютному господству бюрократии над страной, и Генерального секретаря над бюрократией. У Сталина в руках был секретариат ЦК — руководящая структура партийной бюрократии, у «правых» — хозяйственные и профсоюзные структуры, агитационная машина. Но ее нельзя было открыто пустить в ход, подчиняясь правилам партийной игры. Для страны партия должна была оставаться единой, официальная пресса могла отстаивать только единую общепартийную точку зрения.

С согласия Бухарина в стране набирала силу критика «правого уклона». Сначала его искали в низах, среди «стрелочников», чтобы парировать упреки левой оппозиции и стоявшей за ними массы недовольных бюрократизмом, нэпманами, грубыми нарушениями социальной справедливости. Новая правящая элита не стеснялась пользоваться благами своего положения, грубо злоупотребляя властью. Коррупция, пьянки — гулянки в ресторанах на фоне бедности большинства населения, равнодушие к просьбам «маленьких людей», а то и убийства личных врагов — все это наносило тяжелый урон «имиджу» партии, считавшейся пролетарской. В мае 1928 г. был нанесен показательный удар по партийным «бюрократам, срачивающимся с нэпманами» в Смоленской, Сочинской, Артемовской, Рязской и Сталинской (вот и называй города своим именем) организациях ВКП(б). В Смоленской губернии «губернские партконференции были сплошной большой пьянкой», «старые революционеры превратились в пьяниц и развратников». И так было не только в парторганизациях, которые выбрали в качестве «козлов отпущения»³⁴⁰. Выходцы из низов общества, сделавшие во время революции головокружительную карьеру, всюду злоупотребляли властью. Это могло вызвать рабочие волнения — на заводах открыто осуждали «разложившихся» коммунистов.

Были сняты со своих постов около тысячи партийных руководителей. Все бы хорошо, но это «перерождение» увязывали с правым уклоном. Таким образом, это идейное течение перемешивалось с партийно — бюрократической уголовщиной. Идеолог Московской парторганизации Н. Мандельштам выступил 11 августа в «Правде» с защитой разномыслия, призвал «не бояться самого слова „уклон“», дискутировать, но не преследовать «уклонистов». Статья была немедленно раскритикована, и руководство Московской организации отмежевалось от своего заведующего отделом агитации и пропаганды. Это облегчило Сталину разгром «отмежевавшихся» — ведь у них долго работал «примиренец с уклонизмом».

Другой удар Сталин нанес по «школе Бухарина». По мнению Ю. Фельштинского, Бухарин «создал нечто вроде собственного секретариата из нескольких своих учеников: Астрова, Слепкова, Марецкого, Стецкого, Айхенвальда и др. А. М. Ларина справедливо указывает, что Сталин начал расправу с Бухариным с его „школки“.

³⁴⁰ Фэйнсод М. Смоленск под властью советов. Смоленск, 1995. С.67–69.

Решение это Сталин принял не случайно. Он знал, что его собственная сила заключена в личном секретариате. И, заподозрив Бухарина в создании такого же „секретариата“, Сталин начал уничтожать этот „секретариат“³⁴¹. „Красные профессора“ из „школы Бухарина“ перемещались с ключевых идеологических должностей, Слепков был отослан на работу в провинцию за незначительные „идеологические ошибки“. В 1927 г. Зиновьев утверждал: „Ведь Слепков явный ревизионист, ведь он хуже Бернштейна, хотя в смысле знаний он щенок по сравнению с Бернштейном“³⁴². Это заявление вызвало возмущение присутствующих. Через год Сталин уже был согласен с Зиновьевым.

Бухарин повозмутился ссылкой своего наиболее последовательного ученика, да и согласился с ней.

На новом пленуме ЦК 4–12 июля борьба между правыми и сталинистами практически не вырвалась на поверхность. Каждая из сторон действовала осторожно, опасаясь прослыть „фракцией“. „Выступать — зарежет по статье о расколе“³⁴³, — объяснял Бухарин в частном разговоре свой отказ от прямой критики Сталина.

На июльском пленуме Бухарин в своем выступлении даже сослался на Сталина, когда говорил, что „чрезвычайные меры мы сейчас снимаем“³⁴⁴. Из зала вопрошали: „Навсегда?“ На это Бухарин прямо не ответил, подтвердил, что меры эти себя оправдали, но им нельзя дать перерасти в систему военного коммунизма. Создавалось впечатление, что Бухарин считает возможным иногда проводить атаки на крестьянство, лишь бы это не стало непрерывной практикой, не привело к социальному кризису и крестьянским восстаниям. На это Сталин бросил реплику: „Страшен сон, да милостив Бог“³⁴⁵.

Полемика на съезде была едва заметной, казалось, что она укладывается в обычные большевистские грубости, позволительные между друзьями. Томский покритиковал Молотова, Сталин обругал Томского, не более. В полемике по поводу ножиц цен Сталин неосторожно сказал правду о взаимоотношениях государства и крестьянства: „эти переплаты и недополучения составляют сверхналог на крестьянство, нечто вроде „дани“, добавочный налог в пользу индустриализации, который мы должны обязательно уничтожить, но который мы не можем уничтожить теперь же, если не думаем подорвать нашу индустрию...“³⁴⁶ Бухарин был шокирован: Сталин употреблял термины троцкистского теоретика Преображенского, над которым Бухарин, как ему казалось, одержал славную теоретическую победу. Но эта победа не позволила найти средства для ускоренной индустриализации, необходимость которой теперь признавал и Сталин, и Бухарин. Сталин решил, что индустриализацию все — таки придется проводить за счет „дани“. И ее уже начали собирать „чрезвычайными

³⁴¹ Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным. Нью-Йорк, 1991. С.15–16.

³⁴² РГАСПИ, Ф. 323, Оп. 2, Д.100, Л.687.

³⁴³ Как ломали НЭП. Т.4. С.561.

³⁴⁴ Там же, Т.2. С.382.

³⁴⁵ Там же, С.387.

³⁴⁶ Там же, С.513.

мерами“.

Резолюции пленума пока были компромиссными. Пленум указал на нехватку как промышленных товаров (для ее преодоления нужна индустриализация»), так и товарного зерна (для ее преодоления нужно было крупное сельское хозяйство). Выход в том, чтобы вытрясать хлеб из кулацкого хозяйства (хоть бы оно и разорилось) и одновременно — в ускорении коллективизации и создании зерновых совхозов. Большевики считали, что эти хозяйства будут работать лучше, чем зажиточное крестьянство. Но если пока существует дефицит на все, это значит, что рыночные отношения не работают. НЭП не работает. Поэтому пленум оправдывает чрезвычайные меры, но, как и раньше, подтверждает «их временный характер, и если, несмотря на это, возникали толкования этих мер как органически вытекающих из решений XV съезда партии об усилении давления на капиталистические элементы деревни, то такого рода толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология»³⁴⁷.

Компромисс партийных групп был закреплен в государственных решениях. 16 июля заместитель наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко запретил использование таких чрезвычайных мер, как обходы дворов в поисках хлеба, незаконные обыски и аресты, закрытие базаров и др. Он приказал прекратить все дела в отношении середняков и бедняков по ст. 107 (в отношении кулаков дела продолжались). Но в этой же директиве Крыленко ориентировал подчиненные органы быть готовыми к массовому применению ст. 107 против скупщиков хлеба (то есть торговых посредников) «в случае новой попытки... срыва хлебозаготовок»³⁴⁸.

Чрезвычайные меры были строго запрещены постановлением Совнаркома 19 июля — правительство было оплотом «правых». Рыков и Бухарин надеялись «выманить» у крестьян хлеб, повышая закупочные цены. Но из этого ничего не вышло — цены все равно были ниже, чем нужно было крестьянам для закупки дорогих промышленных товаров. К тому же товары эти часто были некачественными, и крестьяне предпочитали оставить у себя побольше продовольствия, чем продавать его даже по новым ценам. Сталин язвительно писал Микояну: «Приходится признать, что Бухарин теряет возможность повести „форсированное наступление на кулака“ путем нового повышения цен на хлеб. Можешь ему сказать, что я вполне понимаю его положение и почти что соболезнаю»³⁴⁹.

Казалось, что в середине 1928 г. наметилось некоторое согласие между сторонниками осторожного поворота «влево» (Бухарин) и более радикального и последовательного проведения того же курса (Сталин). Но непоследовательность Бухарина делала его позицию слабой, в то время как события требовали решительных действий.

Время после июльского пленума Сталин активно использовал в борьбе за умы большевистских лидеров. Даже те из членов Политбюро, кто склонялся к сохранению НЭПа до последней возможности, под давлением Сталина меняли свою позицию. Легче всего было «уломать» старых друзей Сталина — Ворошилова и Орджоникидзе.

³⁴⁷ КПСС в резолюциях... Т.4. С.352.

³⁴⁸ Как ломали НЭП. Т.3. С.6.

³⁴⁹ Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С.98–99.

Калинин, отличавшийся прокрестьянской позицией, тоже в конце концов встал на сторону Сталина. «Всесоюзный староста», как называли главу государства, был слабоволен и больше всего боялся остаться в меньшинстве. К тому же поговаривали, что Сталин сумел найти на него «компромат», интересуясь подробностями личной жизни Калинина. «Ни в коем случае нельзя дать Томскому (или кому — либо другому) „подкачать“ Куйбышева или Микояна. Не можешь ли прислать письмо Томскому против Куйбышева?» — писал, например, Сталин Молотову в августе 1928 г.³⁵⁰

Готовясь к новому столкновению, Сталин действовал с помощью политической интриги, «подставляя» Бухарина. Поскольку Бухарин после падения Зиновьева считался лидером Коминтерна, то на VI Конгрессе Интернационала были приняты за основу его тезисы о международном положении и задачах Коминтерна. Однако делегация ВКП(б) снова стала обсуждать тезисы и подвергла их критике, что было подлинным скандалом. Бухарин доказывал, что «дело не в том, что мы должны ожидать падения капиталистической кривой» и, следовательно, компартии должны придерживаться более умеренного курса. Против этой идеи Бухарина (ошибочность которой станет ясна уже через полтора года, когда в капиталистическом мире разразится Великая депрессия) выступил Ломинадзе, пророчивший новый революционный подъем. Бухарин напомнил Ломинадзе о его провале в Китае в 1927 г.: «Люди брали в руки спички и шли устраивать восстания»³⁵¹. Несмотря на это большинство делегатов чутко уловило, «откуда ветер дует» и поддержало линию «делегации ВКП(б)», то есть Сталина. Сталин, обжегшись на китайском опыте, заимствовал некоторые троцкистские идеи, считая необходимым иметь в лице компартий боевые организации, подчиняющиеся только руководству Коминтерна и не связанные обязательствами перед союзниками в своих странах. В результате «проработки» делегацией своей страны Бухарин был унижен.

Он был так возмущен, что просил об отставке. Но Сталин был против «спокойного» ухода противника «в тень», откуда можно критиковать проводимую в трудных условиях политику. Бухарин потом говорил об этом плане Сталина: «Почему нельзя было дать отставку и почему нужно было обязательно вывести?... Нужно было сначала обязательно замарать, запачкать, дискредитировать, растоптать, и тогда речь пойдет уже не о том, чтобы удовлетворить просьбу об отставке, а о том, чтобы „снять“ „за саботаж“. Игра здесь абсолютно ясная»³⁵².

В сентябре из — за неурожая на Украине и Северном Кавказе вновь обнаружилась нехватка хлеба, и чрезвычайные методы хлебозаготовок в отдельных регионах возобновились. Теперь вместо «запретной» ст. 107 применялась ст. 131 УК — нарушение обязательств перед государством. По этой статье арестовывались с конфискацией имущества крестьяне, обязавшиеся сдать хлеб (например, под кредит), но по разным причинам не сумевшие выполнить обязательство. Затем в дело пошла и ст. 107.

Переход к военным методам борьбы с трудностями импонировал партийной массе. Если раньше она жаждала более спокойной обстановки по сравнению с

³⁵⁰ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996. С. 22.

³⁵¹ Как ломали НЭП. Т.3. С.8.

³⁵² Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 306–307.

революцией и гражданской войной, то теперь партийные кадры рвались бой. Причина такой метаморфозы — иной характер «войны», которую предлагала сталинская фракция. Не рискованное внешнее столкновение, а внутреннее наступление против крестьян, интеллигенции и «нэпманов». Сформированная гражданской войной партийная бюрократия не была приспособлена к кропотливому умственному управленческому труду. Рынок был слишком сложной средой для нее. Начавшийся экономический кризис увеличил количество тех, кто был готов отказаться от НЭПа.

Бухарин пытался доказать, что не он, а его противники являются «правыми». Он пытался «размыть» понятие правого уклона, отождествив его не с учетом мнения крестьян («мелкой буржуазии»), а с бюрократизм: «не отмечены важнейшие правые уклоны (бюрократическое непонимание нужд масс, тенденции к бюрократическому перерождению некоторых звеньев аппарата, теряющих чутье к самым элементарным потребностям этих масс, сводящие политику к голому администрированию и т. д.)³⁵³». Бухарин показывал Сталину, что в случае продолжения полемики он готов перенести огонь обвинений в «правом уклоне» на него. Тем более, что постановления XV съезда партии и последующих пленумов выдержаны вполне в бухаринском духе. Как скажет Бухарин позднее, «у меня нет разногласий с партией, то есть с ее коллективной мыслью, выраженной в официальных партийных резолюциях...»³⁵⁴. Но Бухарин не решился возглавить борьбу с «правым уклоном» с троцкистских политических позиций, потому что тогда нужно было бы бросать прямой вызов чиновничеству. А вот Сталин в конце концов решился ударить по «правому уклону» с троцкистских экономических позиций, подведя под это обвинение Бухарина и его сторонников.

Рискованные игры оппозиционеров

Почему Сталин, поддерживавший Бухарина в борьбе против Троцкого, вдруг стал переходить на позиции, близкие троцкистским? В 20-е гг. Сталин еще не был стратегом и доверял Бухарину как идеологу. Сотрудник секретариата Сталина А. Балашов рассказывал Д. Волкогонову, что Сталин, «когда ему приносили бланки с результатами голосования членов Политбюро путем опроса, часто, не поднимая головы от бумаг, бросал:

— Как Бухарин, „за“?

Мнение Николая Ивановича, говорил Балашов, было весьма важным для Сталина при определении своего собственного отношения к конкретному вопросу»³⁵⁵. Так продолжалось до 1928 г. Идеи Бухарина казались логичными: постепенно растущее хозяйство крестьян — середняков дает достаточное количество ресурсов, чтобы развивать легкую промышленность, производящую нужные крестьянам товары. Заказы легкой промышленности в свою очередь обеспечивают развитие тяжелой промышленности. Развитие тяжелой промышленности (металлургия, машиностроение

³⁵³ Как ломали НЭП. Т.3. С.8. С.10.

³⁵⁴ Цит. по Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 114.

³⁵⁵ Волкогонов Д. Сталин. Книга 1. М., 1996. С.307.

и др.) обеспечивает модернизацию всей промышленности, техническое переоснащение сельского хозяйства. В результате — равновесие развития сельского хозяйства и промышленности, изобилие товаров. На этой основе должно хватить ресурсов и на оборону, и на строительство передовых предприятий, и на сотни тысяч тракторов. На практике оказался прав Троцкий, который критиковал построения Бухарина как утопичные. То, что предлагал Бухарин, было выгодно для крестьянского большинства страны, но заводило политику большевиков в тупик. Зажиточные слои, которые при выгодной конъюнктуре могли завалить страну товарным продовольствием, не хотели расширять производство в условиях товарного дефицита. Вот — вот из — под их влияния могли выйти рабочие массы, недовольные дефицитом продовольствия. Начатые стройки могли превратиться в бесконечный «долгострой» из — за нехватки ресурсов. Сталин чувствовал себя обманутым. Ему нужно было самому искать стратегию выхода из сложившегося положения. Признать правоту Троцкого было нельзя — это открывало Льву Давидовичу дорогу к возвращению во власть, что Сталин считал недопустимым. Троцкий не мог работать под руководством Сталина, а его «демократические» идеи Сталин считал разрушительными. Но заимствовать часть идей Троцкого Сталин считал вполне возможным.

Троцкий заметил эту эволюцию сталинской политики: «Нельзя отрицать все же, что в некоторых элементарных вопросах Сталин подучивается... Все, что он говорит против правых, было уже не раз сказано против него самого. Ни одного нового слова он не прибавил»³⁵⁶. Один из идеологов оппозиции Преображенский писал Троцкому: «В настоящее время создаются элементы для нашего блока или другой формы координации действий с левым центром»³⁵⁷. Преображенский считал, что «политика партии... в некоторых существенных пунктах серьезно сдвинулась на правильный путь»³⁵⁸.

В мае 1928 г. Преображенский писал: «я считаю абсолютно необходимым и назревшим коллективное выступление оппозиции навстречу большинству партии, совершенно независимо от тех глупостей и глупостей, которые делаются и будут делаться по отношению к нам»³⁵⁹.

Оппозиция все еще оставалась важной силой, располагала сотнями опытных агитаторов и организаторов, которых так не хватало партии. Оппозиционеры продолжали распространять листовки, в которых протестовали против репрессий и правого курса. «Перепечатанные в Москве, на ротаторе, материалы Троцкого широко распространялись не только между членами партии, но и среди беспартийной интеллигенции»³⁶⁰, — рассказывал А. Авторханов, учившийся в это время в Институте красной профессуры. Значительная часть партийного актива втайне сочувствовала Троцкому и другим левым. Пока обстановка была неустойчивой, левые могли стать решающей гирькой на весах. Интерес к троцкистам сохранялся и среди

³⁵⁶ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 303.

³⁵⁷ Там же, С. 303.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ РГАСПИ, Ф. 324, Оп.2, Д.56, Л.106.

³⁶⁰ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С.26.

рабочих. 1 октября 1928 г. троцкисты распространили в Ленинграде более 400 листовок (часть была отпечатана в Москве), которые тут же разошлись по заводам. Сторонник Зиновьева сообщал о ситуации в Ленинграде в середине 1928 г.: «Листовки троцкистов читают охотно, знают, кто их распространяет, но не выдают, стараются скрыть, и в то же время заявляют, что в листовках много правильного, но идти за троцкистами погодим».³⁶¹

Свою ссылку оппозиционеры считали временной и активно искали пути возвращения: «Подчиняясь насилию, мы покидаем места своей партийной и советской работы для бессмысленной и бесцельной ссылки. Мы ни на минуту не сомневаемся при этом, что каждый из нас не только еще понадобится партии, но и займет место в ее рядах в часы предстоящих великих боев»³⁶², — говорилось в письме к конгрессу Коминтерна, которое лидеры оппозиции сумели согласовать несмотря на то, что их разделяли тысячи километров Туркестана, Сибири и европейского Севера.

Правда, сами условия ссылки ставили под угрозу надежды на возвращение к политической жизни. Раньше можно было физически вымереть, как вымерли в свое время народовольцы. Перечислив большевиков, отбывающих ссылку в особенно тяжелых условиях, авторы одного из обращений делают вывод: «помимо мер изоляции тут имеется и другой, более грубый примитивный расчет: поставить людей в заведомо тяжелые, непереносимые условия, обречь их на физические пытки»³⁶³. Особенно беспокоила оппозиционеров болезнь Троцкого, который страдал в Алма-Ате малярией. Л. Сосновский, требуя перевода Троцкого в место с более здоровым климатом, утверждал: «всякая оттяжка перевода будет означать, что люди сознательно идут на создание нового дела „Сакко и Ванцетти“, только уж на советской земле.»³⁶⁴ Сакко и Ванцетти — американские анархисты, которых незадолго до этого казнили несмотря на широкую кампанию международных протестов. Нелестное для лидеров ВКП(б) сравнение с американскими палачами беспокоило. А то как и вправду умрет? Скандал мог потрясти партийную толщу, тем более, что немало партийцев продолжало читать листовки троцкистов, в которых говорилось, например: «Товарищи! В советских тюрьмах сидят коммунисты... ГПУ не может быть судьей внутрипартийных споров»³⁶⁵.

Но с Троцким нельзя было примириться просто так. Его фракция считала необходимым восстановить положение путем исправления оппортунистических ошибок руководства, глубоких реформ и даже «путем новых революционных потрясений»³⁶⁶. Под потрясениями, конечно, понималась не революция троцкистов против власти нынешнего руководства. Просто оппозиционеры считали, что без них партия не справится с социальным кризисом, доведет дело до катастрофы,

³⁶¹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.74, Л.135.

³⁶² РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.96, Л.31.

³⁶³ Там же, Л.25.

³⁶⁴ Там же, Л.54.

³⁶⁵ Там же, Л.33.

³⁶⁶ Там же, Л.31.

напоминающей обстановку гражданской войны. Каменев, который вместе с Зиновьевым и своими сторонниками стучался назад в партию, считал необходимым смену партийного руководства в момент кризиса. Без старых лидеров ВКП(б) по его мнению не могла проводить левый курс компетентно. В воздухе снова повеяло военным коммунизмом. Каменев говорил о Троцком: он «будет сидеть в Алма — Ате до тех пор, пока за ним не приедут экстренный поезд, но ведь когда этот поезд поедет, положение в стране будет таким, что на пороге будет стоять Керенский...»³⁶⁷ На первый взгляд последующие события доказывают наивность такого сценария, нарисованного Каменевым. Но опыт революционеров подсказывал, что недовольство масс в мгновение ока превращает немногочисленные группы в массовые партии. И ведь социальная катастрофа в СССР действительно разразится всего через два — три года. И угроза интервенции будет всерьез рассматриваться Сталиным и его ближайшими соратниками. Но им удастся удержать ситуацию под контролем самим, без Троцкого. А если бы не удалось, то рушащийся партийный режим не смог бы оттолкнуть руку, протянутую старым революционером — коммунистом. Каменев не учел, что Сталин позаботится о том, чтобы массовое недовольство не обрело вождей.

Оппозиционеры внимательно следили за начавшейся борьбой между правыми и Сталиным, и их симпатии были на стороне последнего. По существу он превращался в троцкиста. «Если Сталин капитулирует (в решительную) перед правыми, то движение пройдет мимо него, и Троцкий окажется вождем партии...»³⁶⁸, — комментировали левые борьбу на июльском пленуме. Они понимали — кризис НЭПа породил мощный социальный процесс, направленный против имущественных элит. Его может возглавить или Сталин, или Троцкий. И если они потерпят поражение, рухнет сама большевистская диктатура.

В словах Каменева о «поезде» хорошо видно различие его позиции с линией Троцкого. Троцкисты готовы вернуться в партию после того, как ее лидеры признают правоту левых. Зиновьев и Каменев считают, что ждать нельзя, нужно поддержать наметившийся левый поворот изнутри.

Пока Зиновьев и Каменев ждали ответа на их просьбу о восстановлении в партии, зиновьевцы вели работу по восстановлению позиций этой группы в парторганизациях: «К нам относятся хорошо. Упреков, что потеряли лицо и т. п. нет. Внимательно присматриваются. Где возможно, стараются выдвигать наших ребят в бюро ячеек, бюро коллективов... Весте с этим нужно отметить, что когда выступает наш парень, то сейчас же водворяется тишина, и аудитория слушает весьма с большим вниманием»³⁶⁹ — сообщалось в одном из писем Каменеву.

Переход Сталина на полутроцкистские позиции породил у Бухарина опасение, что «левые» могут объединиться со Сталиным в борьбе против «правых». Бухарин, как и левые оппозиционеры, недооценивал способности Сталина и думал, что он не сможет управлять страной сам, без сильных идеологов и опытных политиков. Раз речь идет о разрыве Сталина с Бухариным и Рыковым, их нужно кем — то заменить. А

³⁶⁷ Фельштинский Ю. Ук. соч. С.53.

³⁶⁸ РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.92, Л.79.

³⁶⁹ РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.74, Л.135.

таких же крупных фигур в окружении Сталина не было. Не собирается ли Сталин привлечь к работе вождей левой оппозиции, с которыми он сблизился идейно? Желая предотвратить этот гипотетический поворот, Бухарин 11 июля встретился с Каменевым и довольно откровенно изложил ему подноготную борьбы в Политбюро. Каменев тщательно зафиксировал все сказанное. Бухарин говорил, что «разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших разногласий с Вами»³⁷⁰. Он считал, что в условиях возникшего равновесия обе стороны будут апеллировать к оппозиции. Но это возможно при равенстве сил, а Бухарин признает, что Ворошилов, Орджоникидзе и Калинин уже «изменили» ему.

Бухарин обвинял Сталина в том, что он — «беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти». Они к этому времени уже разругались с ним до обвинений друг друга во лжи («до врешь и лжешь»).

Бухарин то утверждал, что линия Сталина будет бита, то признавался, что он в трагическом положении, за ним ходит ГПУ. На Каменева еще формально полномостный коммунистический лидер произвел «впечатление скорее обреченности»³⁷¹. Обращение Бухарина к Каменеву уже было жестом отчаяния, так как по своим взглядам в это время левые были гораздо ближе к Сталину. Жизнь снова сблизит левых и правых оппозиционеров только после того, как сталинские преобразования дадут результаты — в 30-е гг.

Запись разговора Каменев послал Зиновьеву, но через секретаря Каменева Швальбе она в октябре попала к Троцкому. Троцкисты сделали из сенсационного материала листовку и стали ждать удобного момента для ее опубликования. Эта бомба могла взорвать любое соглашение между Сталиным и Бухариным, так как содержала все самое обидное, что мог сказать Бухарин о Сталине и его союзниках.

В условиях «полевения» Сталина вожди оппозиции, причем уже не только Зиновьев и Каменев, но и Преображенский, Радек и Пятаков, были готовы к примирению с ним. 15 июня 1929 г. Преображенский писал, что оппозиция — это «организация, смысл существования которой утерян... армия после войны, которая не желает распускаться»³⁷². После того, как партия по сути приняла троцкистскую экономическую программу, оппозиционеры думали вернуться в партию торжественно, с развернутыми знаменами. Но нет, Сталину не нужна была «союзная армия» в партии. Он был готов принять троцкистов назад в партию только через покаяние (как все понимали, весьма неискреннее). Лишь бы они не претендовали на авторство новой политики и, следовательно, — высшую власть. В июне 1928 г. начали принимать в партию зиновьевцев, которые, впрочем, продолжали «просить совета» у Зиновьева. 16 ноября 1928 г. Каменеву разрешили напечатать статью о реконструкции промышленности в «Правде». А зимой, когда в борьбе между Сталиным и Бухариным наметилось затишье, увидела свет листовка с бухаринскими откровениями. За это Сталин мог сказать оппозиции только спасибо. Оппозиционеров восстанавливали в партии, возвращали в Москву. Каменев был восстановлен в июне и затем назначен начальником Научно — технического управления ВСНХ. Зиновьев, восстановленный

³⁷⁰ Как ломали НЭП. Т.4. С.560.

³⁷¹ Там же, С.562.

³⁷² РГАСПИ, Ф.17, Оп.71, Д.114, Л.16.

в партии, стал ректором Казанского университета, а затем введен в редакцию теоретического органа ВКП(б) «Большевик», сотрудничал в «Правде». Пятаков стал заместителем председателя, а с 1929 г. — председателем Госбанка. Преображенский, Радек и Смилга готовили «разрыв с троцкизмом», о котором объявили 10 июля 1929 г. И. Смирнов и его сторонники сначала попытались отделаться заявлением об общности взглядов с нынешним руководством. Не прошло, пришлось переписывать заявление несколько раз в духе покаяния, и только в октябре оно было признано приемлемым Политбюро. Стали возвращать раскаявшихся троцкистов из ссылки, предоставлять им работу в соответствии с квалификацией. Радек говорил одному троцкисту, вернувшемуся из ссылки в ноябре 1929 г.: «В Москве нет хлеба. Недовольство масс... Мы накануне крестьянских восстаний. Это положение вынуждает нас во что бы то ни стало вернуться в партию... С Троцким мы совершенно порвали»³⁷³. Не желавший каяться Троцкий в этих условиях становился лишней фигурой — 10 февраля 1929 г. его выслали из СССР. А бывшие троцкисты стали верхушкой слоя спецов. Но только те, кто покался. Остальных продолжают арестовывать.

Сталин не доверял вернувшимся в партию оппозиционерам. Идеино они теперь были ближе. Но что будет завтра, когда потребуются новый крутой поворот. Их фракция будет решать — поддерживать Сталина или голосовать против него. Они каются, но это неискренне. В 1928 г. Сталин говорил Зиновьеву: «Вам... вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько... непрямотушие...»³⁷⁴ Сталин уже понял, что ошибки совершал Бухарин, а не Зиновьев. Но вот «непрямотушие», фракционная интрига, исходящая от Зиновьева, мешала его возвращению в руководящую группу, которая теперь должна была строго подчиняться именно Сталину, а не аргументам в споре.

Еще меньшее значение Сталин придавал теперь аргументам непартийных специалистов. Если для левой оппозиции поворот Сталина к троцкистской программе был идейной победой, то для спецов — поражением. Форсирование темпов индустриализации, по их мнению, вело к экономической катастрофе, и они продолжали по привычке убеждать своих начальников в недопустимости темпов роста промышленности, предлагавшихся сторонниками Сталина. «Затухающая кривая», на которой были основаны предложения спецов, была отвергнута, темпы роста, предлагавшиеся прежде, осуждены как «плюгавенькие». Сложные подсчеты оптимального экономического роста, произведенные бывшими меньшевиками А. Гинзбургом и Я. Гринцером, были отвергнуты.

Аргументы спецов с доверием воспринимались Рыковым, который привык опираться на их знания при решении сложных экономических вопросов. Председатель ВСНХ В. Куйбышев, близкий Сталину, относился к предложениям спецов скептически. Что касается самого Сталина, то, как говорил М. Владимиров, «по мнению товарища Сталина, все наши специалисты, и военные, и штатские, воняют как хорьки, и чтоб их вонь не заражала и не отравляла партию, нужно их всегда держать на приличном от себя расстоянии»³⁷⁵. Сквозь сталинскую грубость проступает

³⁷³ Фельштинский Ю. Ук. соч. С.17.

³⁷⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934. С.493.

³⁷⁵ Валентинов Н. Новая экономическая политика... С.278.

реальное опасение: воздействие спецов заразительно, изо дня в день они могут «заразить» большевика своими социал — демократическими взглядами.

В 1928 г. по спецам был нанесен сильный удар. ГПУ «разоблачил» в г. Шахты Донбасса заговор специалистов — «вредителей». На публичном процессе 18.5–6.07.1928 г. многие обвиняемые сознались во «вредительстве». При том, что это зловещее слово ассоциировалось с организацией катастроф, следствию не удалось найти жертв. Процесс получил широкое освещение, хотя был далеко не первым в своем роде. Вредителей время от времени разоблачали и при Дзержинском.

В Донбассе следствие опиралось на конфликт между инженерами и рабочими. В обвинительном заключении говорилось: «Нет почти ни одной области в производстве, где бы рабочие не указывали следствию на конкретные случаи вредительства и на определенных виновников его. Уличенные этими показаниями, обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую работу»³⁷⁶. Обвиняемые признавались в том, что получали деньги от бывших хозяев за информацию о положении дел на предприятиях, а также в сотрудничестве с белыми во время гражданской войны, в том, что после прихода красных поддерживали связи с бывшими хозяевами и в их интересах стремились сдерживать расходование запасов полезных ископаемых и даже затапливали шахты с целью их консервации. Кто — то не доглядел за рабочими — разворовали имущество. Кто — то не там прорыл шурф. У кого — то сломалась лебедка. Ничего невероятного для советских людей в этих показаниях не было. Шахтинское дело выделялось масштабом. ОГПУ объединило, амальгамировало разных людей с похожими «грехами» в единую «организацию». Суду были преданы 53 человека. 23 подсудимых не признали себя виновными, другие поддакивали прокурору Н. Крыленко с разной степенью активности.

Судья А. Вышинский, бывший меньшевик, демонстрировал объективность. В последствии он даже гордился, что в одном из зарубежных комментариев вынесенный Вышинским приговор назвали «поражением Крыленко»³⁷⁷. В зависимости от готовности сотрудничать с обвинением и наличия хоть каких — то свидетельств «вредительства» наказание оказалось очень различным. Четырех обвиняемых даже оправдали, так как предъявленные им обвинения были основаны на вопиющей некомпетентности свидетельствовавших рабочих. Но 11 подсудимых были приговорены к расстрелу. Причем 6 из них, активно сотрудничавшим со следствием, была сохранена жизнь. Так отрабатывались методы процессов 30-х гг.: уличить обвиняемого в чем — либо наказуемом, а затем, в обмен на жизнь, добиться от него признательных показаний, значительно усугубляющих вину в глазах общества. Затем с помощью нескольких сотрудничавших со следствием обвиняемых доказать остальным, что они, совершая незначительные политические преступления, на самом деле участвовали в разветвленной вредительской организации. Чтобы спасти себя в этих условиях, нужно каяться. Таким образом удавалось превратить противника в союзника, скомпрометировать не только того, кто признавался во «вредительстве», но и «идейное руководство» — людей, способных предложить альтернативную стратегию развития России. Компрометация и изоляция этих людей стала важнейшей задачей сталинской группы.

³⁷⁶ Обвинительное заключение по делу об экономической контрреволюции в Донбассе. М., 1928. С.39–40

³⁷⁷ Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С.110.

Шахтинское дело не вызвало возражений ни у кого из большевистских лидеров. То, что старые специалисты недолюбливали советскую власть и ждали реставрации — не было секретом. При этом граница между ошибками в работе, разгильдяйством и вредительством была размытой. Побывавший в Донбассе Томский отвечал Ворошилову, спросившему, нет ли в этом деле перегибов со стороны ОГПУ: «картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое мнение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить»³⁷⁸. Но это еще не входило в планы Сталина.

Столкновение стратегий

В сентябре 1928 г. были опубликованы контрольные цифры на грядущий хозяйственный год. Основные затраты должны были быть направлены на развитие тяжелой промышленности, на «производство средств производства». Готовился и пятилетний план на 1928–1933 гг., в котором проводилась та же идея, но с разными темпами роста: отправной и «оптимальный» (рассчитанный на благоприятные условия). Член президиума Госплана разъяснял: «Мы должны в артиллерийскую вилку поймать действительность, следовательно, отправной вариант должен давать недолет, оптимальный вариант должен давать перелет»³⁷⁹. Эти планы намечали не только общий рост тяжелой промышленности, но и ликвидацию диспропорций, из которых буквально состояла советская экономика. Председатель Госплана Г. Кржижановский показывал, что нехватка техники была связана с нехваткой машиностроительных предприятий, которые не могли строиться и работать из — за нехватки металла, который нельзя было произвести из — за нехватки электроэнергии (план ГОЭЛРО был почти выполнен, но электроэнергии все равно не хватало). Бухарин язвительно замечал, что фабрики планируется строить из кирпича, который еще не произведен. Началом всей цепочки были энергетика и чугун. Дальше следовали машиностроительные предприятия и транспорт. До рядового потребителя было далеко.

Предложенные по инициативе Сталина Куйбышевым планы подминали легкую промышленность. Выбор между тяжелой и легкой промышленностью был стратегическим. Легкая промышленность производила товары, покупавшиеся населением, прежде всего крестьянами. Развитие легкой промышленности должно было предоставить товары, которые крестьяне купят, дав таким образом средства для развития тяжелой промышленности, производящей технику и оборудование. Эта техника позволит модернизировать пока крайне отсталую легкую промышленность, не говоря уже о сельском хозяйстве. Таков был план Бухарина и его сторонников. Но в 1927–1928 гг. стало ясно, что крестьянское хозяйство не дает достаточного количества товарного хлеба, чтобы решить все стоящие перед государством задачи. Нужно было выбирать — или продолжать расплывать средства между отраслями, или вложить львиную долю средств в тяжелую промышленность, то есть в базу, которая потом, позднее позволит модернизировать все отрасли. Но лишение средств легкой промышленности в пользу тяжелой означало, что у крестьян будут не выкупать

³⁷⁸ Советское руководство. Переписка. С.28.

³⁷⁹ Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч.2. М., 1999. С.49.

продовольствие в обмен на продукцию, а просто отбирать его. 30 сентября Бухарин выступил в «Правде» со статьей «Заметки экономиста». В ней под видом троцкизма Бухарин критиковал политику Сталина — Куйбышева и защищал легкую промышленность, которая быстрее дает прибыль.

Бухарин признал, что лидеры партии запаздывали с осознанием новых задач, которые поставил перед страной «реконструктивный период» (то есть модернизация промышленности). Нужно быстрее готовить своих спецов (шахтинское дело, результаты которого Бухарин не подвергал сомнению, показало опасность использования старых спецов), нужно ускорить коллективизацию и создание совхозов, нужно организовать техническую базу не хуже, чем у американцев. Рассказав о первых успехах «реконструктивного периода», Бухарин с тревогой обнаруживает, что советское хозяйство в «вогнутом зеркале» повторяет кризисы капитализма: «там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь — этот спрос больше предложения»³⁸⁰. Преодолеть эти кризисы можно, установив правильные пропорции хозяйственного развития. Эту задачу должен решить план. Но Бухарин напоминает, что еще в своей полемике с Преображенским предупреждал: «нельзя переоценивать планового начала и не видеть очень значительных элементов стихийности»³⁸¹. Приходится подстраиваться под стихию, в то же время направляя ее в нужное государству русло. «В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший длительно темп получается при таком сочетании, когда индустрия поднимается на быстро растущем сельском хозяйстве»³⁸². Так прямо «наивные» троцкисты не формулировали мысль, с которой спорит Бухарин. Но теперь именно эту идею отстаивает Сталин. Не получается быстрого роста сельского хозяйства. Не выходит на крестьянской телеге быстро догнать США. Придется пожертвовать телегой, чтобы уцепиться за подножку уходящего вперед технологического поезда XX века.

Бухарин не может открыто спорить со Сталиным, поэтому он спорит с Троцким (благо, тот не может ответить в прессе). Приводя оптимистические цифры быстрого роста советской промышленности за последние годы (этот рост был преувеличен, так как не учитывал качества советских товаров и искусственности ценообразования) и сравнивая их с цифрами, указывающими на стагнацию сельского хозяйства, Бухарин делает вывод: «при бурном росте индустрии... количество хлеба в стране не растет»³⁸³, из чего вытекает задача выправить эту диспропорцию, поднимать индивидуальное крестьянское хозяйство параллельно со строительством колхозов и совхозов. Но если партия облегчит развитие индивидуального крестьянского хозяйства, то с крестьян нужно меньше брать на индустриализацию, которая, как

³⁸⁰ Бухарин Н. И. Избранные сочинения. М., 1988. С.394.

³⁸¹ Там же, С.397.

³⁸² Там же, С.399.

³⁸³ Там же, С.404.

пишет Бухарин, «есть для нас закон»³⁸⁴. Средств от крестьян будем получать меньше, даже помощь им оказывать, а запросы промышленности — больше. Выход один — промышленность должна зарабатывать сама, выпуская товары, нужные потребителю. Это может сделать легкая промышленность. Бухарин критикует контрольные цифры будущей пятилетки за нехватку и потребительских товаров, и строительных материалов. Может быть, он предлагает сэкономить на тяжелой промышленности? Ничуть не бывало. Его возмущает нарастание дефицита продукции тяжелой промышленности. «Таким образом, дефицит (дефицит!!) быстро возрастает (возрастает!!) по всем решительно категориям потребителей!»³⁸⁵ Эти кричащие строки не могли не вызвать вопрос к Бухарину: раз все запросы удовлетворить нельзя, а тяжелую промышленность строить нужно, то на ком экономить или где взять средства. Даже троцкисты давали свой ответ на этот вопрос. Но Бухарин повторяет все те же предложения, которые не удалось выполнить со времен писем Ленина: экономить, строить быстрее, не планировать того, что не построим, управлять культурно. Но не умеет бюрократия СССР управлять культурно и экономить, не умеют российские рабочие строить быстрее и притом качественнее, чем в США. И не скоро научатся.

В конкретной обстановке дефицита ресурсов одновременная защита сельского хозяйства и легкой промышленности на деле была нападением на промышленность тяжелую. Это означало, что Бухарин действительно выдвигает новую стратегию по сравнению с линией XV съезда, оптимистично провозглашавшего курс на модернизацию промышленности и всего хозяйства. Ведь модернизация была невозможна без строительства машиностроительных, металлургических и других предприятий именно тяжелой промышленности.

То, что планировали осуществить большевики — и Сталин, и Рыков, и Бухарин — затем делалось во многих странах «Третьего мира». Это была импортзамещающая индустриализация. Считалось, что экономика страны будет более устойчива, если она будет менее зависима от импорта. В этом предположении было много справедливого. Колебания мирового рынка могут быть весьма разрушительными, и споры с «правыми» заканчивались в 1929 г. под первые аккорды Великой депрессии, которая больно ударила по всем странам мира. Защититься от разрушительных волн кризисов с помощью своей промышленности, которая позволит создавать собственные технологии и повысить производительность труда хозяйства — это ли не благая цель? Даже «правый» председатель Совнаркома А. И. Рыков говорил на ноябрьском пленуме ЦК: «Уклон получится в том случае, если мы пятилетний план составим так, что его характерной чертой будет являться импорт готовых товаров из — за границы вместо развития промышленности нашей страны»³⁸⁶.

Перед ноябрьским пленумом ЦК, который должен был обсуждать планы экономического развития Бухарин составил проект резолюции, в котором говорилось: «Основной коренной задачей партии, ее генеральной линией, является линия на дальнейшую индустриализацию страны, на возможно более быстрый рост

³⁸⁴ Там же, С.410.

³⁸⁵ Там же, С.414.

³⁸⁶ Как ломали НЭП. Т.3. С.52.

социалистического ее сектора, на кооперирование крестьянства, рост коллективных форм сельскохозяйственного производства и т. д. ... Отметая все предложения, направленные к сокращению нашего промышленного строительства, и твердо проводя курс на индустриализацию страны, не снижая темпов роста капитальных вложений, необходимо в то же время принять меры к тому, чтобы подтянуть сельское хозяйство...»³⁸⁷.

Как видим, и правые коммунисты считали, что отказ от импортзамещающей индустриализации был недопустим. Они были категорическими противниками той модели развития страны, к которой объективно вела их политика (выражаясь современным языком ее можно назвать «латиноамериканской», учитывая, как в Западном полушарии развивались подобные НЭПу эксперименты). Правые считали, что можно относительно быстро изыскать ресурсы для модернизации всей экономики. Но во второй половине XX в. импортзамещающая индустриализация осуществлялась в латинской Америке, Азии и Африке либо с помощью других стран, либо частично. Создавалась индустрия, способная обеспечить лишь некоторые нужды страны и достойно конкурировать на мировом рынке лишь в узком секторе. В этом случае страна встраивалась в мировое разделение труда уже как индустриально — аграрная держава, а не сырьевой придаток. Для СССР эти варианты не подходили. Индустриализация должна была быть проведена с опорой исключительно на собственные ресурсы, поставки техники из — за рубежа должны были быть оплачены до копейки. При этом зависимость от зарубежной промышленности должна была быть ликвидирована полностью — советских лидеров не устраивала роль страны как части мирового капиталистического рынка, притом зависимой.

Но в условиях мирового экономического кризиса даже низкие темпы накопления, которые обеспечивал НЭП, стали бы невозможными. Бухаринская альтернатива не давала реальных оснований надеяться на преодоление отсталости сельского хозяйства и легкой промышленности. В условиях стагнации СССР эволюционировал бы к положению страны с отсталым сельским хозяйством и среднеразвитой промышленностью. Примеров такой модели было немало в Латинской Америке. Сравнение итогов развития СССР и крупных, относительно успешных латиноамериканских стран (Мексика, Чили, Бразилия, Аргентина, Венесуэла) показывает, что при сопоставимых социально — экономических результатах (на душу населения) XX век обошелся им и нам по несопоставимой цене человеческих жертв.

Повысить эффективность экономики в условиях отказа от тотальной импортзамещающей индустриализации и перестройки всего общества на строго централизованной основе можно было бы только на основе компромисса со спецами. В условиях недовольства масс кризисом, сохранения различных течений в партии большевиков (а Бухарин выступал за относительную терпимость в этом вопросе) большевики имели мало шансов сохранить монополию на власть. Возможно, партия даже осталась бы правящей, но реальную власть в ней разделили бы правые коммунисты и выходцы из социалистических партий — спецы. Широким массам малокультурных партийцев угрожало вытеснение с руководящих постов. Хотя партийная масса не вникала в тонкости проблемы планирования, она чувствовала, куда ведет бухаринская альтернатива, и оптимистические цифры плана Куйбышева вдохновляли ее.

³⁸⁷ Там же, С.600.

Предложения Бухарина были заведомо нереализуемыми: ликвидировать товарный голод (то есть ускорение развития тяжелой и легкой промышленности одновременно) и снижение нагрузки на крестьянство. Ставя перед плановыми органами такие невероятные задачи, Бухарин замечает, что «чиновники „чего изволите?“ готовы выработать какой угодно, хотя б и сверхиндустриалистический план...»³⁸⁸ Это — уже прямой выпад против Куйбышева, за которым стоит Сталин. Это — отождествление сталинцев с троцкистами. Разумеется, статья вызвала возмущение большинства Политбюро. А Бухарин, сделав свой выстрел, уехал в отпуск.

Выход «Заметок экономиста» был своего рода «вызовом» на открытую дискуссию, где Бухарин считал себя сильнее. Сталин считал сильнее свою позицию, понимая, что его позиция ближе если не «спецам», то большинству партийных чиновников. Генсек лично собрался дать отпор идеям, изложенным в «Заметках экономиста». Он обратил внимание на «эkleктизм» статьи Бухарина, которая, с одной стороны, призывает к «переносу центра тяжести на производство средств производства», а с другой — «обставляет капитальное строительство и капитальные вложения такими лимитами (решительное усиление легкой индустрии, предварительное устранение дефицитности... строительной промышленности, ликвидация напряженности госбюджета и т. д., и т. п., что так и напрашивается вывод: снизить нынешний темп развития индустрии, закрыть Днепрогэс, притушить Свирьстрой, прекратить строительство Турксиба, не начинать строительство автомобильного завода»³⁸⁹.

Но рукопись Сталина осталась неоконченной. По мнению В. П. Данилова, О. В. Хлевнюка и А. Ю. Ватлина «ответ на уровне конкретного анализа экономических проблем не получился, оказался Сталину не по плечу»³⁹⁰. Это сомнительно. Сталин будет развернуто спорить с Бухариным, в том числе и по конкретным экономическим проблемам. Его аргументы будут лучше убеждать членов ЦК, чем аргументы Бухарина (а это — основные судьи в споре). Свои аргументы Сталин изложил в развернутой речи на ноябрьском пленуме ЦК. Но именно в этой речи он «заступился» за Бухарина, противопоставив взгляды, изложенные в «Заметках экономиста» идеям «правого уклониста» М. Фрумкина: «Товарищ Фрумкин любит вообще хватать за фалды тех или иных членов Политбюро для обоснования своей точки зрения. Вполне возможно, что он и в данном случае постарается схватить за фалды тов. Бухарина, чтобы сказать, что тов. Бухарин говорит „то же самое“ в своей статье „Заметки экономиста“. Но тов. Бухарин говорит далеко не „то же самое“. Тов. Бухарин поставил в своей статье отвлеченный, теоретический вопрос о возможности или об опасности деградации. Говоря отвлеченно, такая постановка вопроса вполне возможна и закономерна. А что делает тов. Фрумкин? Он превращает абстрактный вопрос о возможности деградации в факт деградации сельского хозяйства»³⁹¹.

³⁸⁸ Бухарин Н. И. Избранные сочинения. С.418.

³⁸⁹ Как ломали НЭП. Т.3. С.12.

³⁹⁰ Данилов В. П., Хлевнюк О. В., Ватлин А. Ю. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. // Как ломали НЭП. Т.3. С.12.

³⁹¹ Как ломали НЭП. Т.3. С.209.

Сталин не считал целесообразным осенью 1928 г. разворачивать открытую дискуссию, и не потому, что не имел аргументов, а в связи с неготовностью кадровых позиций. Сталин прекрасно понимал, что в компартии побеждает не тот, кто скажет больше, а тот, за кем останется последнее слово. 8 октября Политбюро судило редакцию «Правды» за публикацию столь спорной статьи без ведома ЦК.

Это был важный сигнал. Бухарин все еще считался одним из лидеров партии, но на партсобраниях стали происходить странные вещи. Так, например, на активе Петроградского района Ленинграда официальный лектор раскритиковал «Заметки экономиста». «Хотя все это не помешало ему заявить, что есть сплетники, говорящие о расколе в ЦК»³⁹². После такой критики члена Политбюро, идеолога партии этот лектор должен был бы получить взыскание. Если бы не выполнял указание своего руководства. Пропагандистская машина партии, раньше служившая инструментом в руках Бухарина, теперь была перенастроена против него.

Завоевав на свою сторону большинство в Политбюро, Сталин развернул наступление на организации, в которых преобладали сторонники «правых» — Институт красной профессуры, Московскую парторганизацию, наркоматы, профсоюзы, редакцию «Правды».

Из редакции «Правды» вывели учеников Бухарина А. Слепкова и В. Астрова. Вместо них в «Правду» были направлены сталинцы Е. Ярославский, Г. Крумин и М. Савельев, которые стали публиковать статью за статьей о «правом уклоне» (не называя имен конкретных «правых»). Без их одобрения теперь не могли печататься даже статьи самого главного редактора Бухарина.

Начало и наступление на союзника Бухарина, первого секретаря московской парторганизации Н. Угланова, который продолжал критиковать новую продовольственную политику, опровергая оптимистичные утверждения сталинской фракции: «Что касается улучшения снабжения городов продуктами сельского хозяйства, то, товарищи, тут нужно прямо сказать, что положение ухудшилось не только по линии снабжения хлебом, но и другими сельскохозяйственными продуктами». Главную задачу в области идеологической борьбы Угланов видел в борьбе «против проникновения отравленной философии оппозиции в наши ряды»³⁹³. А ведь взгляды, подобные идеям левых, высказывали лидеры Политбюро, которые настаивали на приоритете борьбы с «правым уклоном». «Разоблаченный» правый уклонист Мандельштам, выступая на пленуме МК и МГК, продолжал развивать идеи о длительности перехода к социализму: «вся эта огромная масса трудностей, которую мы переживаем, есть длительная полоса»³⁹⁴.

Битва за Москву стала решающим этапом борьбы между сталинской фракцией и правыми. На этот раз Сталин решил действовать с помощью «демократии», натравив на Угланова партийные низы, недовольные НЭПом. Орджоникидзе писал Ворошилову: «По всем районам начались перевороты, „стали сбрасывать секретарей районов и громить МК“»³⁹⁵.

³⁹² РГАСПИ, Ф.323, Оп.2, Д.74, Л.137.

³⁹³ РГАСПИ, Ф.17, Оп.86, Д.93, Л.7, 23.

³⁹⁴ Там же, Л.33.

³⁹⁵ Советское руководство. Переписка. С.51.

16 октября, пока Бухарин был в отпуске, состоялось расширенное бюро Московского комитета партии. Пленум был „расширен“ сталинистами. Накануне Политбюро приняло обращение от имени ЦК с резкой критикой примиренчества к правым в Московской организации. На пленум явились члены Политбюро Сталин, Молотов и Каганович. Это не предвещало для руководителей Москвы ничего хорошего. Слово взял директор электростанции Н. Булганин, который от имени группы членов ЦК и МК заявил, что в Московской организации партии „орудуют правые оппортунисты“³⁹⁶, которые стремятся свернуть страну на путь капиталистической реставрации. Сам Угланов потворствует правым. Булганина поддержал Каганович. Возмущенный Угланов заявил о своей отставке. Сталин как всегда выступил „примирителем“, не согласился с Булганиным в том, что Угланов — правый. Он виновен лишь в примиренчестве с правыми, и этот вопрос нужно обсудить на пленуме МК.

18–19 октября состоялся пленум МК и Московской контрольной комиссии. Организация была подвергнута чистке, из МК вывели заведующего отделом агитации и пропаганды Н. Мандельштама и секретарей райкомов М. Рютина и М. Пеньковского. На конференции досталось и Бухарину за его статью „Заметки экономиста“. Рыков и Томский не предприняли серьезных усилий, чтобы защитить своих союзников. 27 ноября сам Угланов „по просьбе партийного актива“ был снят с поста и заменен Молотовым. Московская организация перешла под контроль Сталина.

Это была важная победа перед ноябрьским пленумом ЦК, где обсуждался вопрос о хозяйственных планах и правом уклоне. Вернувшись из отпуска, Бухарин шесть часов ругался со Сталиным, но в конце концов „сказал, что он не хочет драться, ибо драка вредна для партии, хотя для драки все уже готово. Если драка начнется, то вы нас объявите отщепенцами от ленинизма, а мы вас — организаторами голода“³⁹⁷. Обвинение Бухарина оказалось верным, но воли к проведению своей линии у него не было. Три правых члена Политбюро, Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку в знак протеста против проводимой большинством кадровой чистки. Они утверждали, что в таких условиях просто невозможно работать. Сталин успокаивал и в то же время убеждал, метод отставок — не большевистский. Нельзя шантажировать товарищей отставкой. Надо решить дело по — хорошему. Орджоникидзе, не понимавший принципиальность разногласий между Сталиным и Бухариным, пытался „сделать все возможное, чтобы их помирить“³⁹⁸. В результате Рыков и Томский взяли заявления назад. Открытая дискуссия между сторонниками Сталина и правыми не развернулась. Бухарин, не взявший заявление об отставке назад, считал за лучшее уклониться от участия в пленуме, но написал проект резолюции, который лег в основу проекта Политбюро. Как мы уже видели, в своем проекте Бухарин и поддержавший его Рыков выступали за форсированные темпы индустриализации. Проект лишь предлагает „сузить фронт“ строительства тяжелой промышленности (уменьшить количество планируемых заводов), чтобы сэкономить средства и время строительства. Но уже в

³⁹⁶ Авторханов А. Ук. соч. С.81.

³⁹⁷ Как ломали НЭП. Т.3. С.16.

³⁹⁸ Советское руководство. Переписка. С.58.

проекте эта экономия сводится на нет, так как предлагается обратить особое внимание и на черную металлургию, и на сельскохозяйственное машиностроение, и о текстиле не забыть³⁹⁹. Фронт снова расширяется, а при обсуждении на пленуме, когда руководители ведомств и регионов стали лоббировать „свои“ стройки, об экономии стало говорить и вовсе невозможно. Ведь каждый делегат держал в голове: чем выше темпы роста, тем легче „пробить“ свой проект, а при экономии — все „зарезут“, отложат на неопределенный срок. Ведомственные интересы, ажиотаж великих строек и связанного с ним почета, экономической власти и мощи — определяли настроение партийной элиты в это время.

На ноябрьском пленуме доклады о хозяйственных задачах читали сразу три человека: председатель Совнаркома А. Рыков, председатель Госплана М. Кржижановский и председатель ВСНХ В. Куйбышев. Резких различий между докладами не было, но сам факт выдвижения трех содокладчиков подтверждал — в большевистской олигархии идет борьба.

Рыков доказывал, что уровень промышленного производства впервые превзошел уровень сельскохозяйственного (он не учитывал завышенные цены на промышленную продукцию и продукты, производимые и потреблявшиеся самими крестьянами). По Рыкову страна превращалась в индустриально — аграрную, и по плану промышленное производство должно за год возрасти еще на пятую часть. Успехи велики, и эти темпы роста вполне достаточны. Но, несмотря на столь радостную перспективу, положение остается тяжелым — хлеба не хватает, и при этом из — за того, что его отбирают у крестьян, в городе хлеб дешевле, чем в деревне. Крестьяне не хотят работать на таких условиях, и уровень сбора хлеба не достигает планки 1913 г. Падает количество посевных площадей на душу населения. Виноват неурожай, чрезвычайные методы и общая отсталость сельского хозяйства. Рыков признает, что раздробленное малопродуктивное крестьянское хозяйство тормозит развитие промышленности, но все равно считает, что „продовольственно — сырьевой базой на ближайшие годы все — таки останется хозяйство индивидуального типа“⁴⁰⁰. Сталин счел за лучшее пока не оспаривать эту привычную для партийцев мысль. Свою „революцию сверху“ — массовый сгон крестьян в колхозы, он приберег до следующего года.

Выступление Сталина было „гвоздем“ пленума. Он выдержал речь в примирительном тоне, одобрительно ссылаясь на Рыкова, подчеркивал единство в Политбюро и Совнаркоме. Но при этом, ссылаясь на Петра I и Ленина, Сталин убеждал, что необходимо срочно „догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико — экономическом отношении“⁴⁰¹, чтобы снять угрозу экономической зависимости от них.

Конфликт в Политбюро снова не вырвался на авансцену пленума. Рыкова критиковали чуть больше, чем других докладчиков, но достаточно корректно. В некоторых вопросах его поддерживали и „не правые“ руководители. Так, руководитель украинской компартии С. Косиор считал, что Рыков „сгущает краски“ и „пугает“, характеризуя экономическое положение, а глава правительства Украины

³⁹⁹ См. Как ломали НЭП. Т.3. С.601.

⁴⁰⁰ Там же, Т.3. С.43.

⁴⁰¹ Там же, С.205.

В. Чубарь, напротив, был готов попасть в эту же категорию „пужателей“, рассказывая об Украине⁴⁰². Особенно жестко за Рыкова заступает Сталин: „Что касается тов. Серебровского, обвинявшего здесь тов. Рыкова в мандельштамовщине, то позвольте заявить, что из этой критики, по — моему, ничего кроме чепухи, не получилось“⁴⁰³ (Н. Н. Мандельштам — только что снятый с должности завотделом агитации и пропаганды МК ВКП(б), призывавший не бояться самого слова „уклон“ и более свободно обсуждать вставшие перед партией проблемы).

Рыков еще ведет себя как один из хозяев партии, берет под защиту от обвинений в „правом уклоне“ московскую организацию (там только „примиренчество“, с этим и Сталин согласен), от обвинений во фракционной работе — Фрумкина (он ошибается, но хороший специалист, не надо его увольнять). Рыков уверенно отражает нападения. Он использует рассуждение критиковавшего его Косиора о нарастании классовой борьбы, чтобы подвергнуть критике сталинский тезис о нарастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму (не называя автора). Показывая, что „чем дальше мы строим социализм, тем меньше классовая база у сторонников капиталистической реставрации“, Рыков подводит мысль Косиора, (а на самом деле Сталина) под троцкизм. „Косиор в троцкисты попал“, — выкрикнул кто — то из зала, на что Рыков тоном победителя отвечает: „Я Косиора достаточно хорошо знаю, чтобы мог хоть сколько — нибудь подозревать его в том, что он попал в троцкисты. Нам в своей среде нельзя из — за отдельных ошибок в формулировках воссоздавать сразу целую идеологию... Здесь вовсе нельзя пользоваться тем методом, который применяется в области естественных наук, когда по одной кости восстанавливается целое животное... И во всяком случае это не та кость, по которой можно восстановить всего тов. Косиора. (Смех)“⁴⁰⁴. В то время по этому диалогу, как „по кости“, еще можно было восстановить скрытую полемику между сторонниками социально — политического компромисса (классовая борьба будет затихать, не нужно придирается к отдельным формулировкам) и массой партийных чиновников, готовой к новому витку борьбы. Партийные аппаратчики не очень разбирались в экономике и потому были настроены оптимистично. Но когда оптимизм не оправдывается, предсказанная „классовая борьба“ разразится с невиданной силой и поглотит и кости тов. Рыкова, и кости тов. Косиора.

На пленуме и сторонники Сталина еще позволяли себе шутить по поводу „правого уклона“. Куйбышев говорил: „Думаю, что то обстоятельство, что я выступаю в защиту текстильной промышленности, вы не поймете как отклонение от линии на индустриализацию страны“. Его перебивает А. Смирнов: „Погубишь свою репутацию“. Впрочем, выступление „в защиту“ сводится к тому, что объем капитальных вложений в текстильную промышленность явно недостаточный, но денег на ее реконструкцию нет: „Я не могу предложить уменьшить металлургию, химию или топливо...“⁴⁰⁵

⁴⁰² Там же, С.116, 170.

⁴⁰³ Там же, С.222.

⁴⁰⁴ Там же, С.287.

⁴⁰⁵ Там же, С.83.

Пленум утвердил напряженный бюджет, который должен был вырасти на 20 % при росте национального дохода только на 10 %. Темпы индустриального строительства должны были быть сохранены (речь не шла об их быстром росте). Резолюция пленума ставила задачу „борьбы на два фронта — как против правого, откровенно оппортунистического уклона, так и против социал — демократического, троцкистского, „левого“, т. е. по существу тоже правого, но прикрывающегося левой фразой, уклона от ленинской линии“⁴⁰⁶.

Резолюция, как казалось, свидетельствовала о компромиссе между Сталиным и правыми. Но ситуация не терпела компромиссов, должен был быть выбран или один путь развития страны, или другой. И Сталин продолжил наступление на своих противников. На этот раз удар был нанесен по руководству профсоюзов, по Томскому. Томский был главой профсоюзной бюрократии, которая в годы НЭПа видела свой ведомственный долг в том, чтобы защищать рабочих против излишней нагрузки со стороны других ведомств. Томский выступал против кампании роста производительности труда даже при Дзержинском, и планы индустриального рывка, требовавшие от рабочих работы в экстремальных условиях, за пределами человеческих сил, вызывали у Томского опасения и несогласие. Сталину не нужен был такой „голос рабочего класса“ в руководстве, профсоюзы должны были превратиться из защитников трудящихся в организаторов трудовых подвигов.

На VIII съезде Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) был повторен сценарий, опробованный в Московской организации. Стали выступать „товарищи с мест“, которые критиковали „оторвавшуюся от масс“ профсоюзную верхушку. Томский воспринял это как дискредитацию руководства профсоюзов, но нанести удар по хулителям не мог — их правоту „во многом“ признали члены Политбюро. Сталин добился избрания в ВЦСПС Лазаря Кагановича, который, по выражению Бухарина стал играть „роль руководителя в руководстве“⁴⁰⁷. Но избрать Кагановича на место Томского так и не удалось, популярностью в профсоюзах он не пользовался. Томский в знак протеста против „двоевластия“ в ВЦСПС снова подал в отставку 23 декабря. 10 января 1929 г. она была отклонена, но Томский, как и Бухарин, настаивал.

Сталин, изо дня в день наращивавший свои позиции, все еще не был уверен, что открытое, публичное столкновение принесет победу именно ему. Не дрогнет ли ЦК под действием речей Бухарина и Рыкова — все — таки официально самого компетентного в экономике человека. Поэтому, по словам Бухарина, после ноябрьского пленума „были созданы две „линии“: одна — словесные резолюции, другая — это то, что проводилось на деле“⁴⁰⁸. Компромиссные резолюции не выполнялись, Сталин готовил индустриальный рывок. Бухарин же продолжил иносказательную критику Сталина, напомнив ему о ленинском „завещании“. Свой доклад на траурном заседании 21 января 1929 г. по поводу пятой годовщины со дня смерти Ленина Бухарин так и назвал — „Политическое завещание Ленина“. Обобщая последние статьи Ленина (о его письме к съезду открыто речь не шла), Бухарин

⁴⁰⁶ КПСС в резолюциях... Т.4. С.382.

⁴⁰⁷ Как ломали НЭП. Т.4. С.569.

⁴⁰⁸ Там же, С.574.

напоминает, что именно Ленин заложил основы стратегии, которую теперь отстаивает Бухарин. Необходимо „зацепить „наше дело“ за частные интересы крестьянина“⁴⁰⁹, а не наносить удары по этим интересам. Имея в виду сталинские планы, Бухарин цитирует Ленина: „Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно — быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д.“⁴¹⁰

Для Сталина Бухарин оставался опасным идеологическим противником. Против него нужен был сильный козырь, и тут Сталину помогли троцкисты, которые распространили запись разговора Бухарина с Каменевым. 27 января Каменев подтвердил, что это именно его запись. Бухарин был уличен в тяжком партийном преступлении — попытках создать фракционный блок против Сталина. При этом гласности были преданы его резкие высказывания о Сталине и других членах Политбюро „за глаза“, что выглядело очень некрасиво.

От Бухарина потребовали объяснений. 30 января 1929 г. он зачитал на заседании ЦКК свое заявление, в котором назвал запись Каменева с комментариями троцкистов „гнусной и провокационной прокламацией“. Однако ему пришлось признать не только сам факт встречи, но и подлинность зафиксированных Каменевым слов. Бухарин утверждал, что эти фразы вырваны из контекста, и поэтому их смысл искажен. Он признал встречу с Каменевым ошибкой и отверг обвинения во фракционной деятельности: „У меня нет разногласий с парией, т. е. с ее коллективной мыслью и волей, выраженных в официальных партийных резолюциях“⁴¹¹. Такие же заявления в свое время делали и левые оппозиционеры. Но в устах Бухарина эта фраза была опасней. Ведь он был одним из авторов постановлений XV съезда и пленумов ЦК. Поэтому Бухарин мог толковать их ничем не хуже, чем Сталин.

Бухарин перешел в контрнаступление, в свою очередь обвиняя Сталина в дезорганизации работы подведомственных правым организаций: „Картина яркая: в Правде — два политкома, в ВЦСПС — двоецентрие, в Коминтерне — предварительная политическая дискредитация... Документ — вернее, его рассылка и т. д. — уничтожает все и всяческие сомнения и колебания. В то же время трудности, стоящие перед страной, настолько велики, что прямым преступлением является трата времени и сил на внутреннюю верхушечную борьбу. Никто не загонит меня на путь фракционной борьбы, какие бы усилия ни прилагались к этому“⁴¹².

Однако обсуждение документа Каменева и заявления Бухарина складывалось не в пользу правых. Многие лидеры партии были чисто по — человечески обижены. Так, Орджоникидзе, прочитав в документе слова о себе, говорил: „Как неприлично, как некрасиво лгать на товарищей“.⁴¹³

Для изучения троцкистской прокламации была создана комиссия ЦКК, в которую включили и Бухарина. Но на заседание комиссии его не позвали, а предложили внести свои поправки в подготовленный Сталиным проект решения по этому делу. Встреча

⁴⁰⁹ Бухарин Н. И. Избранные сочинения. С.429.

⁴¹⁰ Там же, С.433.

⁴¹¹ Как ломали НЭП. Т.4. С.572.

⁴¹² Там же, С.576.

⁴¹³ Там же, С.580.

Бухарина и Каменева была названа „фракционными переговорами“, что считалось большим прегрешением перед партией. Бухарин не соглашался с этим, тем более, что „проект резолюции неоднократно ставит рядом т. Сталина и партию как равновеликие величины, или же прямо заменяет тов. Сталина Центральным Комитетом, а ЦК — тов. Сталиным. На этом „смещении“ строится обвинение тов. Бухарина в нападении на ЦК“⁴¹⁴, — говорилось в обращении Бухарина, Рыкова и Томского 9 февраля. Действительно, Бухарин критикует Сталина, а не Политбюро и ЦК, решения которых выработывались при их участии.

В заявлении 9 февраля трое правых членов Политбюро не ограничились защитой Бухарина, а критиковали Сталина за то, что он „протаскивает лозунг дани“, что приведет к новым трудностям в заготовках хлеба. Выступая против отсечения несогласных с большинством от руководства, трое правых призывали к примирению.

Резолюция ЦКК осудила поведение Бухарина „как акт фракционный“ и „противоречащий к тому же элементарным требованиям добросовестности и простой порядочности“. Резолюция утверждала, что „т. Бухарин сползает на позицию т. Фрумкина“, то есть становится правым оппортунистом. Призывы Бухарина к внутрипартийной демократии неотличимы от программы Троцкого, а протесты против контроля за работой правых со стороны ЦК ведут к превращению партии в „бесформенный конгломерат, состоящий из феодальных княжеств, в числе которых мы имели бы княжество „Правда“, княжество ВЦСПС, княжество секретариат ИККИ, княжество НКПС, княжество ВСНХ и т. д. и т. п. Это означало бы распад единой партии и торжество „партийного феодализма““⁴¹⁵.

Со времен грузинского дела 1922 г. и сплоченного выступления ленинградской организации в 1925 г. Сталин не забывал об опасности формирования в партии кланов, автономных от руководящего центра. Тревожила его и реакция общества на разоблачение Бухарина. Его идеи, даже в искаженном пересказе, могли вызвать массовое сочувствие. Резолюция ЦКК осталась секретной. Но в своих публичных выступлениях лидеры большинства уже довольно грубо „проходились“ по Бухарину. Прочитав речь Ворошилова в Ленинграде, Сталин писал ему, добродушно пародируя это выступление: „Мировой вождь, едри его мать. Читал твой доклад — попало всем, мать их туда... Хороший, принципиальный доклад. Всем гуверам, чемберленам и бухариним попало по заднице“⁴¹⁶.

На поле внепартийной борьбы у Бухарина было больше шансов на победу, чем у Троцкого, правых могло поддержать большинство крестьянства и спецов. Но публичная борьба означала отказ от монополии на власть коммунистической партии, когда разногласия между партийными фракциями выносятся на суд общества. А это означало бы появление на политической арене новых сил, открытую политическую борьбу, в которой народ может выбирать уже не только среди последователей Ленина. Бухаринцы не решились на это. По мнению С. Коэна „Бухарина сдерживало и другое соображение. В глазах марксиста социальные группы, которые, по — видимому, были наиболее восприимчивы к его политике (а именно, крестьянство и технические

⁴¹⁴ Там же, С.607.

⁴¹⁵ КПСС в резолюциях... Т.4. С.437–442.

⁴¹⁶ Советское руководство. Переписка. С.67–68.

специалисты), являлись „мелкой буржуазией“ и, следовательно, на них нельзя было ориентироваться большевику“⁴¹⁷. Бухарин оставался большевиком до мозга костей. Доказав правым, что своей борьбой они могут привести к ликвидации диктатуры пролетариата, причем до всякого социализма, можно было добиться любой капитуляции перед большинством ЦК. Первым дрогнул Рыков. 10 апреля он дал такие замечания проекту постановления СНК о пятилетнем плане: „Из оптимального и отправного вариантов принять вариант оптимальный“⁴¹⁸. Бухарин, который не свикся с новой ролью Сталина как ведущего стратега партии, был непримирим и атаковал его по каждому поводу, вызвав даже такую эмоциональную реакцию от внешне невозмутимого генсека: „Ты меня не заставишь молчать, или прятать свое мнение выкриками о том, что я „всех хочу поучать“. Будет ли когда — либо положен конец нападкам на меня?“⁴¹⁹

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16–23 апреля 1929 г. произошла решающая дискуссия между Бухариным и Сталиным. Накануне пленума все поправки правых к резолюции о пятилетке были отвергнуты.

Бухарин не хотел, чтобы его выступление было воспринято, как оппозиционное: „вы новой оппозиции не получите! Вы ее иметь не будете!“⁴²⁰ В отличие от троцкистов, бухаринцы не создавали собственной организации, они придерживались принципов, которые были закреплены в решениях съездов. В этом была большая сложность для сталинской фракции.

Бухаринцам было важно доказать, что Сталин допустил политическую ошибку, нечто вроде осужденного раньше бухаринского лозунга „обогащайтесь“. Сталин объяснял, что имел в виду „нечто вроде дани“ в кавычках. Сторонник правых Д. Розит продолжал настаивать: „Все — таки по отношению к середняку никогда не употреблялось понятие дань“. Раздраженный Сталин ответил Розиту: „Много я видел на свете дубин, но таких еще не встречал“⁴²¹.

Другой идеологический тезис Сталина, который вызывал критику со стороны правых большевиков, был высказан им два года назад, но только сейчас приобрел свое зловещее звучание: „по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов...“⁴²² Бухарин пытался возражать, что по этой теории классовая борьба „разгорится самым ярким пламенем тогда, когда никаких классов уже не будет!“⁴²³

⁴¹⁷ Коэн С. Ук. соч. С.389.

⁴¹⁸ Индустриализация Советского Союза. С.53.

⁴¹⁹ Советское руководство. Переписка. С.73.

⁴²⁰ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С.254.

⁴²¹ Как ломали НЭП. Т.4. С.662.

⁴²² Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза. М., 1926. С.21.

⁴²³ Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. С.264.

Бухарин укорял своих противников за „полную идейную капитуляцию перед троцкистами“ и напоминал, что еще недавно сталинцы стояли на его, Бухарина, позициях, а иногда были и правее: „как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг „форсированного наступления на кулака“? ...Теперьшний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда...“»⁴²⁴ Но экономическая обстановка изменилась, и позиция Молотова, как и позиция Сталина не могла остаться прежней.

Сталин говорил на пленуме: «нам не всякий союз с крестьянством нужен, и нам нужен союз не со всем крестьянством, а только с его большинством, с бедняцкими и середняцкими массами, против кулака, который составляет тоже часть крестьянства»⁴²⁵ Формально здесь не было разногласий с Бухариным. Но все понимали, что резкой границы между кулаком и середняком нет, и спорщики под одними и теми же словами понимают разные вещи. Как ни расставляй слова «середняк», «крестьянство», «зажиточные», «бедняки», «кулаки», а все упирается в конкретные меры, которые нужно осуществлять в сложившейся критической экономической ситуации. Сталин был за продолжение и усиление чрезвычайных мер. Бухарин — против: «Наши экстраординарные меры (необходимые) идейно уже превратились, переросли в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда...»⁴²⁶ — утверждал Бухарин, пытаясь отстоять свое право на ортодоксальность.

Бухарин показывает, что отказ от рынка выливается в новые колоссальные затраты на чиновничий аппарат, который будет выполнять работу, которую автоматически делает рынок: «А в это же самое время „издержки аппарата“ и издержки по выкачке хлеба чрезвычайно росли, параллельно уничтожению рыночной формы связи. Накладные расходы на каждый пуд собираемого хлеба гигантски возрастали...»⁴²⁷ Но без бюрократии нельзя ни заменять рынок административно — распределительной системой, ни регулировать рынок, что Бухарин считал необходимым.

Понимая, что Сталин уже убедил в своей правоте большинство ЦК, Бухарин все же искал примирения на основе прежних официальных решений: «Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план?»⁴²⁸ «Заметки экономиста» были забыты, Бухарин был готов отступить, но только при условии, что Сталин не продолжит свое наступление на НЭП. «Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы?»⁴²⁹

Экономическая ситуация поставила партию перед выбором, и только Бухарин

⁴²⁴ Там же, С. 261–273.

⁴²⁵ Как ломали НЭП. Т.4. С.658.

⁴²⁶ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 299.

⁴²⁷ Там же, С. 278.

⁴²⁸ там же, С. 273.

⁴²⁹ Там же.

надеялся, что еще есть возможность усидеть на двух стульях: и сохранить рыночное развитие сельского хозяйства, и осуществить невиданный в мире рывок государственной промышленности. «Что нам нужно? Металл или хлеб? Вопрос нелепо так ставить. А когда я говорю: и металл, и хлеб, тогда мне заявляют: „это — эклектика“, „это — дуализм“, ...обязательно, что нужно: или металл или хлеб, иначе ты уваливаешь, иначе это фокусы»⁴³⁰. Бухарин продолжал убеждать членов ЦК, что «дальнейший темп, такой, как мы взяли, а может быть, даже больший, — мы можем развивать, но при определенных условиях, а именно только при том условии, если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней»⁴³¹. Оказывается, можно развивать промышленность еще быстрее, чем планируют Сталин и Куйбышев. Можно перекрыть самые смелые планы, но... Только при одном условии, которое и при этих — то темпах нельзя выполнить, и вообще без темпов не получается — быстрый подъем сельского хозяйства. Трудно сказать, действительно ли Бухарин тешил себя этими иллюзиями, или пытался «купить» членов ЦК с помощью демагогии, подобной сталинской. При той аудитории, с которой имели дело Сталин и Бухарин, демагогические приемы давали призрачную надежду на победу. Но решение уже было оговорено в аппаратных кулуарах и принято.

Бывший идеолог партии вопрошал Сталина: «Ну хорошо: сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения?»⁴³².

«Длительным выходом из положения» для Сталина были ускоренная индустриализация за счет коллективизированного крестьянства. Самостоятельное крестьянское хозяйство подлежало ликвидации, крестьяне должны были превратиться в работников коллективного предприятия, подчиненных вышестоящему руководству. Было принципиально важно, что колхоз, в отличие от крестьянской семьи, не сможет укрывать хлеб. Эта скрытая цель коллективизации не была замечена правыми, но Бухарин чувствовал, что что — то здесь не так: «Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию?»⁴³³ Денег не было, не было и достаточного количества тракторов, чтобы одарить каждый колхоз хотя бы одним трактором. Колхозу предстояло стать не сельскохозяйственной фабрикой, а мануфактурой, полурабским хозяйством. Но именно оно могло дать возможность государственному центру контролировать все хозяйство, все ресурсы.

Мастер остроумных фраз, Бухарин говорил: «Народное хозяйство не исполнительный секретарь. Ему не пригрозишь отдачей под суд, на него не накричишь»⁴³⁴. Но Сталин нашел способ отдать крестьянское хозяйство под суд. Под суд можно было отдать начальника деревни — председателя колхоза, или любого, кто

⁴³⁰ Там же, С. 273–274.

⁴³¹ Там же, С. 275.

⁴³² Там же, С.254.

⁴³³ Там же, С. 299.

⁴³⁴ Там же, С. 299.

ему не подчиняется. Близился страшный суд деревни.

Но сначала нужно было завершить разгром «правого уклона» и сделать победу явной.

Резолюции пленума означали полный разгром правых: «Политическая позиция правого уклона в ВКП означает капитуляцию перед трудностями... Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы... Как „Записки экономиста“ т. Бухарина, так и в особенности платформа трех 9 февраля, а также выступления этих товарищей на пленуме ЦК и ЦКК явно направлены к снижению темпов индустриализации». Обвинения правых в том, что партия «сползает к троцкизму» были названы «неслыханным поклепом на партию». Взгляды Бухарина, Рыкова и Томского были официально осуждены как «совпадающие в основном с позицией правого уклона»⁴³⁵. Конференция приняла решение о снятии Бухарина и Томского с их постов. Они были предупреждены, что в случае нарушения постановлений ЦК будут немедленно выведены из Политбюро (Томского отправили руководить химической промышленностью, в которой он слабо разбирался). Но характерно, что троица не была осуждена за правый уклон прямо, а резолюция осталась секретной. Сталин все еще опасался выводить конфликт на поверхность. Пока информация должна была распространяться дозированно.

Несмотря на поражение, аргументы Бухарина сохраняли значение для будущего. Сегодня они казались неубедительными, но завтра... Победа Сталина была не победой аргументов, а аппаратной технологией. Бывшие товарищи по партии были побеждены, но не убеждены. Их покаяния не были искренними. Теперь нужно было показать, какие чудеса способна творить новая политика, альтернативная изжившему себя НЭПу.

Правая альтернатива не могла не прийти в тупик, означавший конец коммунистической монополии на власть. В этом отношении Троцкий оказался мудрее Бухарина, а Сталин — прагматичнее их обоих. Но стоит ли радоваться победе прагматика, если его трезвый ум служит тоталитарной машине? Тупик и крах этой машины мог оказаться для общества полезнее, чем торжество государственности, достигнутое через голодомор и террор.

Глава V

Великий бурелом

Расширенный материал главы V включен в книгу «Великая депрессия и будущее России» М., 2009. Глава 4. (В авторской редакции текст называется «Уроки Великой Депрессии».)

Глава VI

Стартовый выстрел

Глава VII

Был ли заговор?

Глава VIII

Удары по площадям

Расширенный вариант глав VI–VIII включен в книгу «1937. „Антитерор“ Сталина». М., 2010.

⁴³⁵ КПСС в резолюциях... Т.4. С.431–436.